

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Издательство Московского университета

Том 23 • № 1 • 2017 •

ЯНВАРЬ — МАРТ

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Теория, методология и история социологии

- Иванов А.Ю.** Введение в технологию концептуализации предметных областей социологии: основы полагания ядра теории (на примере родственных отношений) (*Начало*) 4
- Богачёв М.И.** От поведенческого анализа к пост-бихевиорализму: история парадигмы 28
- Кравченко А.И.** Выбор профессии как социологический феномен: вопросы теории 49

Социология управления

- Деханова Н.Г., Маркеева А.В.** Управление социальными изменениями в нестабильных условиях (обзор научной конференции) 67

Политическая социология

- Попов М.Е.** Социокультурная интеграция как способ конструктивного разрешения региональных конфликтов: северокавказская специфика 83
- Краснопевцева В.В.** На пути к гражданскому обществу (по результатам социологического исследования в Тульской области) 97
- Масланов Е.В., Масланов Д.В., Подсеваткин И.С.** Особенности построения интернет-площадок в области политического краудсорсинга 113

Социология образования

- Васильев И.А.** Потенциал вузовской науки: социолого-управленческий и прагматический контекст 132
- Демененко И.А., Шавырина И.В.** Организационная культура как клиентоориентированная технология повышения конкурентоспособности вуза 147

Социология культуры

Антонов А.И. Вопросы методологии социологического исследования поэтического творчества (опыт применения семантического дифференциала в социопоэтике)	160
Калашикова А.А. Производство в поле искусства: ставка, капитал, габитус	174
Сальников Е.В. Федеральный список экстремистских материалов как порождение культуры “fan-fiction”	193
Аверина М.В. Социокультурная динамика современности: воздействие миграции и спорта.	208

CONTENT

Theory, methodology and history of sociology

- Ivanov A.Yu.** Introduction in technology conceptualization the subject domain of sociology: bases of postulation of the nucleus of the theory (in the example of relationship/kinship) 4
- Bogachev M.I.** From the behavioral analysis to post-behavioralism: history of paradigm 28
- Kravchenko A.I.** The occupational choice as a sociological phenomenon: questions of the theory 49

Sociology of management

- Dehanova N.G., Markeeva A.V.** Managing social change in the turbulent environment (review of the scientific conference) 67

Political sociology

- Popov M.E.** Sociocultural integration as a tool for constructive conflict resolution: the case of the North Caucasus 83
- Krasnopevtseva V.V.** Civic culture in contemporary Russia (on the example of Tula region) 97
- Maslanov E.V., Maslanov D.V., Podsevatkin I.S.** Features of the creation of Internet-platforms in political crowdsourcing 113

Sociology of education

- Vasilyev I.A.** The potential of university research: sociology, management and pragmatic context 132
- Demenenko I.A., Shavyrina I.V.** Organizational culture as customer-oriented technology to improve the competitiveness of the university 147

Sociology of culture

- Antonov A.I.** Methodological issues of the sociological study of poetry (the use of semantic differentials in sociopoetics) 160
- Kalashnikova A.A.** The artwork in the field of art: the stake, the capital, the habitués 174
- Salnikov Ye.W.** The Federal list of extremist materials as a cultural artefact “fan-fiction” 193
- Averina M.V.** Sociocultural dynamic of modernity: interaction and impact of migration and sports 208

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А.Ю. Иванов, канд. физ.-мат. наук, член экспертного совета корпорации МетаСинтез, Московский физико-технический институт (государственный университет)*

ВВЕДЕНИЕ В ТЕХНОЛОГИЮ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДМЕТНЫХ ОБЛАСТЕЙ СОЦИОЛОГИИ: ОСНОВЫ ПОЛАГАНИЯ ЯДРА ТЕОРИИ (на примере родственных отношений)**

Ivanov Andrey Jurjevich, candidate of physical and mathematical sciences, a member of the expert council of the Corporation MetaSintez, Moscow Institute of physics and technology (State University), e-mail: ivanov_all@mail.ru

INTRODUCTION IN TECHNOLOGY CONCEPTUALIZATION THE SUBJECT DOMAIN OF SOCIOLOGY: BASES OF POSTULATION OF THE NUCLEUS OF THE THEORY (in the example of relationship/kinship)

Представленная статья является первой из двух статей, цель которых познакомить неподготовленного читателя с возможностями применения математических методов, разработанных в научном направлении “Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления (КП СОУ)”, предназначенных для решения разнообразных задач как в технических, так и в гуманитарных областях.

В основе данного методологического подхода лежит процесс концептуализации, под которым понимается теоретическое исследование качественного аспекта некоторой выделенной предметной области с использованием форм математической (аксиоматической) теории, фиксирующей связи логической выводимости между понятиями, характеризующими эту предметную область. Разработанная аксиоматическая теория — концептуальная схема — является основой для построения структур баз данных, процессов выработки решений, разнообразий феноменов предметной области, анализа структуры и генезиса предметной области и других задач.

С учетом нематематической подготовки читателя содержание методов иллюстрируется на примере концептуализации одной из концептуально несложных предметных областей — области родственных отношений, а

* **Иванов Андрей Юрьевич**, e-mail: ivanov_all@mail.ru

** Начало. Окончание статьи см. в № 2 за 2017 г.

также выборе одной из наиболее простых целей концептуализации — структуризации предметной области и построения разнообразия ее феноменов. Для лучшего понимания в статьях в облегченной форме описываются и объясняются этапы технологии концептуализации, основные трудности постулирования и типичные решения.

В первой статье разъясняются вопросы полагания (постулирования) при построении концептуальных схем. К ним, в частности, относятся определение границ предметной области, выделение основных понятий и точное определение их содержания. Значительное внимание уделяется влиянию этих решений на результаты концептуализации.

Ключевые слова: концептуализация предметной области, концептуальная схема, теория множеств, аппарат родов структур, гипотетико-дедуктивный метод, аксиоматическая теория, формализм, терм.

Presented article is the first of two articles, the aim of which is to familiarize the uninitiated reader with the possibilities of application of mathematical methods developed in the scientific direction of “Conceptual analysis and design of systems of organizational management (CAD SOM)”, designed to solve various problems, both technical and in humanities.

At the heart of this methodological approach is a process of conceptualization, which is understood as a theoretical study of qualitative aspects of a selected domain using mathematical forms (axiomatic) theory, the locking connection between the concepts of logical derivability characterizing this subject area. Designed axiomatic theory — conceptual scheme — is the basis for building database structures, decision-making processes, a variety of phenomena subject area, structure and genesis of domain analysis and other tasks.

Given the non-mathematical preparation of the reader, the contents of the methods illustrated by conceptualizing a conceptually simple subject areas — areas related relations, as well as the choice of one of the most simple goals conceptualization — structuring the domain and build a variety of its phenomena. For a better understanding of an article in a lightweight form describes and explains the stages of conceptualizing technology, the main difficulties of postulating and typical solutions.

The first article explains the issues posing (postulation) in constructing conceptual schemes. These include, in particular, the definition of the domain boundaries, the allocation of the basic concepts and the precise definition of the content. Considerable attention is paid to the impact of these decisions on the results of conceptualization.

Keywords: conceptualization the subject domain, a conceptual diagram, set theory, apparatus of genus of structures, hypothetical-deductive method, axiomatic theory, formalism, term.

Цель статьи — познакомить неподготовленного читателя с возможностями применения математических методов, разработанных в научном направлении “Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления (КП СОУ)”, предназна-

ченных для решения разнообразных задач как в технических, так и в гуманитарных областях на основе предложенного методологического подхода к математизации теоретического знания.

В предыдущих выпусках журнала уже обсуждалась проблема математизации социологии, понимаемая как разработка теоретической социологии с использованием форм математической теории, с применением математических методов, и рассматриваемая как частная проблема по отношению к более общей проблеме математизации теоретического знания¹. Было дано обоснование актуальности концептуальной интеграции социологии как совокупности теоретического знания, относящегося к типу — концептуально сложноорганизованных — больших теорий. В целях подготовки к разворачиванию интегрирующей инструментальной концептуализации предметных областей социологии показана и обоснована необходимость применения технологии концептуализации предметных областей с использованием форм математической теории на базе аппарата ступеней множеств².

В связи с этим становится актуальной необходимость дать читателям представление о технологии концептуализации предметных областей, и на примере концептуализации одной из концептуально несложных предметных областей — области родственных отношений — проиллюстрировать содержание методов.

Математические методы, названные методами концептуального анализа и синтеза, разработаны в рамках научного направления “Концептуальный анализ и проектирование систем организационного управления (КП СОУ)”³, основанного выдающимся советским, российским ученым С.П. Никаноровым. В основу математических методов положен аппарат родов структур, созданный коллективом французских математиков под псевдонимом Н. Бурбаки⁴ и развитый российскими математиками⁵. В рамках разработанной С.П. Никаноровым методологии концептуального анализа

¹ Масленников Е.В. Перспективы применения структурных математических конструкторов как основы инструментальной концептуализации предметных областей социологии: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 24–37.

² Масленников Е.В. Инструментальная концептуализация предметных областей социологии: некоторые возможные решения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 56–73.

³ Никаноров С.П. Опыт прикладного применения системного анализа. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. История направления. М., 2006.

⁴ Бурбаки Н. Теория множеств. М., 1965.

⁵ Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Математический аппарат. М., 2010.

и проектирования⁶ методы успешно используются для решения инженерных⁷ и аналитических⁸ задач.

Основой решения задач, как в гуманитарных, так и в негуманитарных областях является процесс концептуализации предметной области⁹. Результатом процесса концептуализации, под которым понимается теоретическое исследование качественного аспекта некоторой выделенной предметной области с использованием форм математической (аксиоматической) теории, фиксирующей связи логической выводимости между понятиями, характеризующими эту предметную область, является концептуальная схема — аксиоматическая теория заданной предметной области, эксплицированная в аппарате родов структур¹⁰. Разработанная концептуальная схема служит затем основой для построения структур баз данных, процессов выработки решений, систем процедур, разнообразий феноменов предметной области, анализа структуры и генезиса предметной области и других задач.

Как и для любых аксиоматических теорий, построение концептуальных схем проводится в рамках гипотетико-дедуктивного метода. Это означает, что вначале полагается некоторая гипотеза, из нее выводятся следствия, которые затем проверяются на соответствие предметной области, и при необходимости проводится корректировка гипотезы. Для концептуализации используется теоретико-множественная форма записи и логического вывода.

Основными этапами концептуализации предметной области с заданными целями являются:

1. Определение границ целевой предметной области и разбиение ее на части.
2. Определение подхода к концептуализации и ограничений, принимаемых при концептуализации.
3. Полагание исходных сущностей и исходных отношений (ядра аксиоматической теории) для каждой частной концептуальной схемы, концептуализирующей одну из выделенных частей предметной области.

⁶ Никаноров С.П. Концептуализация предметных областей. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Методология и технология. М., 2009.

⁷ Никаноров С.П., Персиц Д.Б. Формальное проектирование целостных систем управления — развитие идеи конструирования организаций. Сб. докл. на респ. науч.-тех. конф. по структурам управления промышленными комплексами. Таллин, 1973.

⁸ Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генезология психосферы. М., 2001.

⁹ Никаноров С.П. Концептуализация предметных областей.

¹⁰ Кононенко А.А., Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Никитина Н.К. Технология концептуального проектирования / Под ред. С.П. Никанорова. М., 2004.

4. Исследование свойств ядра каждой частной теории (определение аксиоматики теории).

5. Исследование выразительных возможностей частных аксиоматических теорий (вывод термов, описывающих феномены части предметной области и их виды).

6. Синтез частных концептуальных схем (определение отождествляющих отображений).

7. Исследование выразительных возможностей синтезированной концептуальной схемы (вывод термов, описывающих целевые феномены предметной области и их виды).

8. Определение соответствия построенной теории задачам концептуализации и выделенной предметной области и при необходимости внесение изменений в решения, принятые в п. 1–3.

Остановимся коротко на каждом из этапов.

Задачей первого этапа является определение тех феноменов или аспектов, которые близки к рассматриваемой предметной области, но к ней не относятся, а также тех феноменов или аспектов, которые обязательно должны войти в концептуализацию. Обычно это происходит разбиением предметной области на фрагменты — подобласти и решением о необходимости концептуализации каждого из них. Если возникают сомнения относительно какой-либо подобласти, то традиционный путь — не включать ее в концептуализацию и постараться получить необходимые следствия без этой подобласти. Если же в результате необходимые следствия (целевые феномены) не удастся выразить, то возвращаются к рассмотрению необходимости включения этой подобласти в концептуализацию.

Результатом этого этапа должен быть список подобластей, подлежащих концептуализации. Одним из основных преимуществ методов концептуального анализа и синтеза является возможность работы со сложными областями путем их разбиения на простые фрагменты, концептуализации этих простых фрагментов и затем синтеза простых концептуальных схем в сложную. Это дает возможность полного логического контроля включаемых в рассмотрение аспектов (а, следовательно, и, например, свойств организационных систем, построенных на основе этих концептуальных схем).

Определение и выбор подходов к концептуализации во многом зависят от целей концептуализации и имеющихся ресурсов. Могут быть выбраны поверхностная или глубокая (аналитическая) концептуализации, феноменологический или “механизменный” подходы, актуальная или потенциальная точки зрения, может концептуализироваться родовое отношение или какие-то из видовых точек зрения и т.д.

Для каждой выделенной подобласти осуществляется полагание исходных сущностей и исходных отношений. Исходные сущности — это полагаемые неопределяемыми ключевые понятия предметной области, эксплицируемые так называемыми базисными множествами. Исходные отношения — это некоторые ключевые отношения между исходными понятиями, эксплицируемые так называемыми родовыми структурами. Родовые структуры выделяются как элемент некоторой ступени над базисными множествами, обладающий свойствами, которые должны быть определены на следующем этапе. Ступень над базисными множествами — это множество, которое образуется путем применения к ним в определенном порядке операций взятия булеана (выделения подмножеств) и декартова произведения множеств (образования пар, троек и т.д.). *Ступень фактически является структурно-организованным множеством.*

На следующем этапе происходит исследование свойств родовой структуры (положенного — постулированного — исходного отношения предметной области). Найденные свойства фиксируются аксиомами.

Далее из базисных множеств и родовой структуры осуществляется логический вывод других возможных множеств и сопоставление им сущностей-групп феноменов предметной области. Эти множества называются термами или выводимыми понятиями. Записанное в теоретико-множественном виде ядро концептуальной схемы позволяет выводить термы безотносительно предметной области. Это теоретико-множественная часть концептуальной схемы, она позволяет контролировать логические связи между понятиями. Поскольку базисным множествам и родовым структурам сопоставлены понятия, соответствующие исходным сущностям и отношениям предметной области, на основе теоретико-множественной записи появляется возможность “называть термы” — сопоставлять им понятия, соответствующие другим сущностям предметной области. Так появляется логическая связь между понятиями, записанная строгим образом через словесное выражение (в терминах эмпирически определяемых признаков на основе естественного языка) теоретико-множественной связи. Такая запись концептуальной схемы (при отсутствии теоретико-множественной части, представленной в формализованном виде) называется атрибутивной. Она используется, когда схема представляется специалистам, недостаточно знакомым с логикой исчисления высказываний и теоретико-множественными записями.

На следующем этапе построенные частные концептуальные схемы синтезируются. Происходит это путем отождествления неко-

торых понятий из разных схем. Наиболее распространенный случай — отождествление базисных множеств. Затем исследуется вопрос, какие свойства возникают у родовых структур каждой из частных схем в результате синтеза. Найденные свойства фиксируются аксиомами синтеза. После этого строятся так называемые синтетические термы, которые не могли быть получены ни в одной из частных схем. Это термы, для вывода которых необходимы несколько введенных в рассмотрение аспектов предметной области.

Вывод синтетических термов идет в направлении, которое, по мнению концептуалиста, позволит получить термы, соответствующие целевым феноменам предметной области. Таких целевых феноменов и, следовательно, направлений развертывания концептуальной схемы может быть множество. Если удалось сопоставить все целевые феномены некоторым термам синтетической концептуальной схемы — задача считается выполненной. А структура этих целевых термов определяет структуру целевых феноменов и позволяет решать многие перечисленные выше проектировочные и аналитические задачи. Если же какие-то целевые феномены не удастся корректно сопоставить каким-либо термам, концептуалист должен определить причину. Такой причиной может быть неудачное полагание ядра какой-либо из частных теорий (и тогда его нужно изменить), либо некоторый не включенный ранее в рассмотрение аспект предметной области (тогда надо построить соответствующую ему концептуальную схему и синтезировать ее с ранее построенной).

Далее проиллюстрируем начальные этапы концептуализации на примере концептуально несложной предметной области, т.е. области, в которой можно выделить для концептуализации один фрагмент и, соответственно, не проводить синтез. В качестве такой области выберем область родственных отношений, хорошо знакомую каждому из нас.

Для обоснования границ предметной области и выбранных подходов к концептуализации обратимся к достаточно большому фрагменту монографии¹¹ основателя концептуального направления С.П. Никанорова, в котором он как раз обращается к этой предметной области.

«Начнем с предостережения. Иногда думают, что родственные отношения — это отношения между людьми. Но что такое люди? Ситуация, которая возникает при построении теории родственников, является типичной, она часто возникает у новичков при концептуализации предметных областей и состоит в том, что простую

¹¹ Никаноров С.П. Концептуализация предметных областей.

задачу пытаются решить с помощью ее усложнения, причем, чем больше делают нагромождений, тем ближе кажется решение этой задачи.

Стремление сразу конкретизировать понятие “родственники” дает лишь усложнение задачи при непонимании самой задачи. Родственников, если они люди, можно наделять полом, национальностью, возрастом, образованием и многими другими признаками, и все эти признаки будут существенными для людей но не для родственников. Построить теорию родственников при определении их как людей — это значит построить теорию людей, с учетом всех признаков, приписываемых родственникам как людям. Но с “людьми” ни в теории, ни в практике никто дела не имеет, потому что это собирательное понятие, абстракция, которое включает в себя при конкретизации аспекты — пассажира, больного, учителя, торговца, возраста и т.д. — на практике люди всегда выступают только в этих ролях. И не существует ситуации, в которой у “человека” одновременно собираются все аспекты, т.е. некто и обедает, и рождает, и торгует, и т.д. Вот это то, что образует понятие “человек”. Поэтому следует строить теорию родственников, которые не рассматриваются как “люди”.

Базисное множество в этом случае определено однозначно — множество родственников. При полагании, т.е. при использовании формы аксиоматической теории, за данное принимается то, что считается очевидным, всеми воспринимаемым одинаково. Если требование введения неопределяемого понятия как атрибута аксиоматики не выполняется, то построение теории сделано быть не может.

Если при полагании говорят “родственник”, “родственники”, “множество родственников”, это значит, что между заинтересованными в полагании лицами уже имеется соглашение (конвенция) относительно того, что это такое. Признаки пола, возраста, национальности при этом к факту родства не имеют отношения. Либо заранее имеется представление о том, что такое “родственники”, тогда можно строить теорию родственников, либо, если такого представления нет, то теория не может быть построена.

Сказанное можно пояснить на примере отношения между понятиями “геометрическая фигура” и “квадрат”. Понятие “квадрат” — конкретизация понятия “геометрическая фигура”, но понятие “геометрическая фигура” формально может изучаться независимо от его конкретизаций.

Аналогично, изучая понятие “родственники”, нельзя считать, что различие по полу должно быть сразу введено. Необходимо определить, в каких терминах будет определяться понятие “род-

ственники”. Когда строится теория родственников, что делают с признаками? Убирают все признаки? Но если вообще все признаки исключить, то нет оснований говорить, что мы имеем дело с “родственниками”. Достаточно использовать один признак для определения понятия “родственник” — “кровное родство”. Если соглашение относительно понятия “кровное родство” отсутствует, то может возникнуть неоднозначность.

Урок состоит в том, что использование слов, смысл которых, т.е. понятия, которые обозначаются словами, отсутствует, приводит к неоднозначности. Так возникают эффекты мышления в словах, а не в понятиях. В настоящее время не только в бытовом (“естественном”) языке, но и в профессиональных языках, многие слова частично или полностью обесмыслены.

Может показаться, что нельзя определить, какие признаки выделять, что существует много признаков в зависимости от задачи, которая решается. Это неверно: для решения какой задачи создавалась теория тригонометрических функций?

Положим, что “родственник” — это тот, кто “состоит в родстве” с другим родственником. Может быть, “родство” как раз и есть тот самый единственный признак? Если исключить отношение родства, построить теорию родственников нельзя. Может быть, минимальный признак, который следует использовать — отношение родства? Однако это возможно, только если понятие “отношение родства” является очевидным. Можно ли в каждом конкретном случае сказать, что любые два человека либо находятся в отношении родства, либо нет? Племянник дедушки моей тетки и дядя моей двоюродной сестры — родственники?

Важно понимать, что если строится не теория родственников, а теория бухгалтерии или производства, то возникнут те же самые проблемы. Если используется форма аксиоматической теории, т.е. полагаются атрибуты, то их значение как понятий признается как очевидное и теми, кто полагает теорию, и теми, кто пользуется теорией. Если отношение родства племянника дедушки моей тетки с дядей моей двоюродной сестры не является очевидным родством, теории не может быть, потому что понятие родства для этих сторон не очевидно. Если исследуемая область прямо исследователем не воспринимается, и он ищет конвенции, соглашения, то ему постулировать понятия этой области преждевременно. Искусство аксиоматизации основано именно на признании того, что очевидное существует.

“Навешивание” признаков само по себе не является способом работы с абстракцией. Если строится теория, то никакого другого решения быть не может. Это будет происходить при концептуали-

зации любой предметной области. Любое понятие вводится определенными признаками. Привычка все описывать словами, а не понятиями, является результатом образования и воспитания. “Обычные” люди никогда не дают себе труда подумать о том, что такое “родственники”. При этом они широко пользуются в самых разнообразных ситуациях словом “родственники”.

Как постулировать теорию родственников?

Предположим, что все родственники являются родственниками всех. Эта идея эксплицируется прямым произведением¹² множества родственников. Если оставаться в кругу представлений христианской религии, то все являются родственниками всех, поскольку имеется первочеловек — Адам. Как будет выглядеть теория родственников, если будет использоваться это предположение? Ответ: декартиан на множестве, полный граф. А если предположить, что не все являются родственниками всех? Ответ: подмножество полного графа, например, граф типа леса.

Получение таких ответов и создает образ действий теоретика (а не произносителя слов). Теоретик, исследующий понятие “родственник”, знает, что он имеет дело с неизвестной предметной областью, он ее изучает, делает предположение: все являются родственниками всех. Он рассматривает эту картину и понимает, что ее экспликацией будет прямое произведение множества родственников. Но как теоретик он может принять другое предположение, что не все являются родственниками всех, а имеются подмножества. Заметьте, он работает с абстракцией, с абстрактным понятием родственника.

Работа с абстракциями такого уровня заставляет думать, принимать решения, и все эти решения всегда продуктивны. Теория, которая была построена на одном предположении, — это одна теория. Теория, построенная на другом предположении, — другая теория. Какую взять, такую или такую, — это решение теоретика или пользователя, которого он обслуживает, а не так называемая “истина”.

Предположим, что теоретик — атеист и считает, что не все являются родственниками всех. Какой же вид примет теория, какие термины в ней появятся? Еще раз заметим, что пола нет, возраста нет, поколения нет. Эти признаки теоретиком специально исключены, чтобы изучать отношение родственников как таковое. Эта ситуация будет всегда возникать, какую бы предметную область ни исследовали.

Возьмем одного родственника из множества родственников. У этого родственника имеется множество всех его родственников. Это имеет место у каждого родственника. Множество всех родствен-

¹² Двойным декартовым произведением множества самого на себя.

ников данного родственника является термом теории родственников. Пусть имеется множество всех родственников некоторого родственника, также имеется множество всех родственников другого родственника. В каком отношении находятся эти два множества? Не существует ни одного элемента, такого, который бы принадлежал одновременно одному множеству и другому множеству? Или, напротив, такие элементы существуют и, возможно, не один? Теоретик может использовать один вариант или другой вариант. И выбор варианта зависит от принятого им направления развития теории.

Это процесс насыщения теории родственников разными терминами. Предположение, что имеет место не прямое произведение множеств, а его подмножество, есть одна из возможностей конкретизации понятия “отношение родства”. И конкретизация отношений постулируется на уровне отношения множеств с введением каких-либо признаков в определение. А какая будет теория, если принимается “кровное родство”? Понятие “кровное родство” требует введения атрибута пола?

В чем состоит основной урок концептуализации предметной области родственников? Он состоит в том, что понятие “родственники” не такое простое, как казалось. Например, выяснилось, что не обязательно должны быть в понятии “родственники” понятия “папа” и “мама”. Половой признак также казался необходимым. Его введение как будто давало возможность изучать поколения. Но выяснилось, что введение различения по полу является конкретизацией родового определения понятия “родственник”.

Различения по полу или другие различия являются такими же абстрактными, как отношение родства? Нет. Введение понятия “отношение родства” является условием для введения всех остальных понятий, которые имеют смысл постольку, поскольку отношение родства уже положено.

Если вводятся признаки — пол и др. — это не является раскрытием понятия “родственник”, поскольку не вводятся определения этих признаков, а является введением дополнительных признаков — конкретизацией. Из определения “родства” пол родственника не вытекает, потому что определение абстрактно.

Чрезвычайно важно при концептуализации любой предметной области отчетливо представить себе и ответственно принять решение, какое абстрактное понятие следует принять как определение рода, а какие понятия будут конкретизациями. Решение зависит от конкретной исследовательской ситуации. Понимание того, что условием исследования системы понятий является введение аб-

страктного родового понятия, является условием того, что все необходимые конкретизации будут определены.

У новичка возникает впечатление, что введение понятия “отношение родства” для разработки понятийной системы этой предметной области не продуктивно. Необходимо отдавать себе отчет в том, какой урок следует из использования в самом начале исследования постулирования предельно абстрактного понятия, понять, что такое “продуктивное”. Если понятия в реальной жизни работают, то концептуализация продуктивна.

Но что понимается под “реальной жизнью”? Что есть “папа” и “мама”? Пусть на множестве родственников вводится только отношение родства. Возьмем из этого множества один элемент, называемый “родственником”. Все остальные элементы могут являться его родственниками, но могут и не являться. И что же выяснилось из “реальной жизни” при рассмотрении этого понятия? Продуктивность абстрактных понятий состоит в том, что они обеспечивают возможность конкретизаций — введения предположений.

Полагаемое множество родственников, находящихся в отношении родства, само по себе бессодержательно, никаких знаний это отношение не дает. Зато возникает возможность введения предположений. Например, что существовал единственный предок, от которого все произошли.

Полагаемая структура множества родственников — это конкретизация отношения родства. Если отношение на множестве родственников не задано, то все являются родственниками всех, прямое произведение множества на себя. А если имеется единственный предок, то отношение родства представлено графом типа дерева. Это подмножество прямого произведения, устанавливающее порядок. Но эти предположения не единственны, возможны многие другие предположения.

Например, положим множество деревьев, образующих лес. В этом случае можно вводить предположение относительно множества “деревьев в лесу”, например, деревьев, имеющих независимые корни — множество исходных предков. Основная характеристика леса по отношению к дереву состоит в пересечении множеств, принадлежащих деревьям. Что же можно сказать об этом пересечении, характеристике леса, не вводя никаких новых предположений? Если у двух, находящихся в отношении, деревьев леса все элементы общие, кроме одного? А если у двух деревьев этого леса, находящихся в отношении, имеется один-единственный общий элемент? Таким образом, одно только пересечение деревьев дает значительные выразительные возможности.

Теперь можно рассмотреть прикладное значение этого, все еще весьма абстрактного результата. Что это за тип человечества, если деревья, представляющие отношение родства, пересекаются по одному элементу? Число смешанных (по национальности) браков по всему миру сильно увеличилось, 4—5—6 кровей — это нормально. Что же это означает в терминах концептуальных схем?

У леса есть корневая часть и замыкание. Если отношение родства вводит в лес все больше и больше зависимых деревьев, то “лесовость” в этой части леса возрастает. Тенденция состоит в том, что постепенно все становятся родственниками друг друга. Значит, отношение родства стремится к прямому произведению множеств, но, поскольку оно “вырастает” из леса, то возникают сложные структуры. Такого типа теория имеет прикладное значение?

Предметные области, то есть то, что изучается, для науки все совершенно одинаковые. И отношение родства, и отношение положений Сириуса и Марса — совершенно одинаковые проблемы. А прикладное значение теоретических знаний может вырасти только из наличных знаний.

К чему ведет смешение кровей для человечества? Это положительный фактор или отрицательный? Это вопрос неясный. Потому что неизвестно, какие генетические культуры у кого заложены. И книги, в которых в истерической манере авторы предостерегают от смешения кровей, особенно белой и черной, имеются. Авторы ничего плохого про белых и негров не думают, они просто предостерегают от смешения кровей. Таким образом, теоретическое исследование родства, только оно, может быть основой исследований таких предметных областей.

Расхожие представления о том, что теория должна описывать “реальность”, узковаты. Урок, получаемый из концептуализации понятия родственников, заключается в том, что абстрактные уровни, которые не специфицированы соответствующими признаками, тем не менее, могут быть не только продуктивными, они могут вести, как это ни странно, к теоретическим открытиям. Последовательная разработка теории интересующей предметной области явится научным достижением. Это совершенно очевидно. И это достижение делается за минуты, интеллектуальная плата за этот результат ничтожна. Это указывает на мощность подхода, который используется.

В основе — последовательное мышление, преодолевающее в себе инерцию чувственных впечатлений — “есть папа и мама”, — принуждение себя мыслить теоретически. В рассмотрение вводится принудительно-контролируемо то и в таком порядке, как нужно, а не так, как принято говорить об этом. Понятие “родственников” в этом смысле особенно поучительно, поскольку оно чувственное,

зрительное, используется в повседневных отношениях. Считается, что все известно, а ее теоретизация не нужна. А когда делается теоретический минимум, оказывается, что получаются продуктивные результаты.

На примере конкретизации понятия “родственников” составлено представление о том, что такое предельно абстрактный уровень, и о том, как психологически трудно разгрузить представление об этом предмете от признаков, сдерживающих освоение предельно абстрактного уровня. В теории родственников было введено только отношение родства. Единственная конкретизация, которая была введена, была вынужденной, потому что “все родственники всех” — не продуктивно. Поэтому введено предположение о “единственном родоначальнике” (или нескольких родоначальниках). Это аксиоматика отношения порядка, которая накладывается на отношение родства. Но не требовалось, чтобы были перечислены направления, способы, уровни конкретизации понятия “родственников”.

Если в аксиоматике теории чего-то не сказано, то это не подразумевается. В формальных аксиоматических системах ничего не подразумевается»¹³.

Попробуем дальше продолжить эти рассуждения, доведя их до полагания ядра концептуальной схемы и вывода значимых термов.

Обратим внимание, что если отношение родства симметрично (т.е. если ты мне родственник, то и я тебе родственник), то невозможно говорить об исходных родственниках, так как нет направления родства. А если симметрии нет, тогда можно определить исходных родственников. Ясно, что теория с симметрией отношения родства и без нее — это совершенно разные теории. Но что при этом означает направленность? Мы должны это не только понимать, но и зафиксировать как очередное решение, потому что от этого будет зависеть понимание нашей теории и нами самими и другими исследователями. Можно положить, что первый родственник в паре — предок, неважно, близкий или далекий. И тогда это отношение позволит вычислять среди всех родственников исходных предков (у которых нет предков); непосредственных предков (родителей) — у которых нет потомков, тоже являющихся предками для данного родственника; непосредственных потомков (детей); поколения предков и потомков и т.д. В этом варианте теории появятся “трудные” вопросы, имеющие как предметный, так и тео-

¹³ На этом кончается фрагмент рассуждений С.П. Никанорова о концептуализации родственных отношений (см.: *Никаноров С.П.* Концептуализация предметных областей. С. 26–30, 33–36).

ретический характер. Например, нужно ли аксиоматически задавать число родителей (двумя, как это обычно считается, или тремя, каковую возможность уже допускают современные генетические исследования, или одним, как во времена матриархата, когда предка можно было определить только по женской линии?). И нужно ли задавать четность соответствующих исходных предков? Например, должно ли быть описываемое отношение родства между детьми одних родителей? Ведь для такой пары невозможно указать, кто предок, а кто потомок. И становится понятно, что это теория каких-то других родственных отношений, которые можно назвать отношением “предок-потомок”, а не отношением “родства”. Но в этой теории можно вывести терм “все родственники данного родственника”, который будет точно передавать смысл описанных вначале родственных отношений.

Традиционный вопрос, на который также нужно ответить при концептуализации в теоретико-множественном виде звучит так — есть ли циклы и петли? В терминах родственных отношений он формулируется следующим образом: сам себе родственник? может ли твой потомок быть и твоим предком? Ответы на эти вопросы оставим читателю. В целом через ответы на подобные вопросы и проходит исследование свойств полагаемого исходного отношения.

Можно задавать отношение родства и вычислять всех родственников для каждого конкретного родственника. А можно прямо задать это отношение: $\mathbf{B}(\mathbf{X} * \mathbf{B}(\mathbf{X}))$ ¹⁴. В предыдущей теории это терм. А в новой это исходное полагаемое отношение. Это не только другой — как говорят, остенсивный — способ задания, но и совершенно другая теория, которую также можно исследовать и конкретизировать, задавая ее свойства. Нужно задавать себе вопросы и принимать решения. Может ли множество родственников какого-либо родственника быть пустым (ведь элементом булеана является и пустое множество), должен ли входить родственник, для которого указаны все его родственники, в множество родственников, указанное для каждого из них? Ответ на этот вопрос не так очевиден. Если мы исследуем область генетического родства, то должен, а если мы описываем социальные отношения родственников, то входить могут только те, кого этот самый родственник только и

¹⁴ $\mathbf{B}(\mathbf{X})$ обозначает операцию взятия булеана на множестве $\mathbf{X}$. Звездочкой обозначается операция декартова произведения множеств. В данном случае осуществляется декартово произведение множества $\mathbf{X}$ на множество $\mathbf{B}(\mathbf{X})$ и к этому полученному множеству опять применяется операция взятия булеана. Таким образом элемент такой ступени будет представлять подмножество пар, где первый элемент пары — элемент множества $\mathbf{X}$, а второй элемент пары — некоторое подмножество множества $\mathbf{X}$.

считает родственником. И это уже совсем другая область и другие отношения. Хотя ступень родовой структуры та же самая. Выбор варианта задания исходного отношения может быть продиктован удобством получения тех или иных целевых термов, а может прямо вытекать из свойств исследуемой предметной области и решений концептуалиста. Например, если указанное множество родственников может быть пустым, то вариант подмножества декартова произведения точно не подходит (пары не могут быть пустыми!), и нужно рассматривать варианты со ступенью, содержащей в декартовом произведении булеан.

Еще один вариант задания исходного родственного отношения — в отношении “предок-потомок” оставить только пары “родитель-ребенок” (можно этот вариант назвать “генеалогическим отношением”). Плюс этого варианта в очевидности понимания каждой пары отношения. Нужно отметить, что имеется в виду именно кровное, генетическое родство. Приемные родители и дети в эту область не попадают.

В этой теории точно так же, как и раньше, можно вычислять родственников, предков, потомков, поколения и т.д. И в этом варианте можно задать исходное отношение по-разному. Можно, как уже было указано, подмножеством декартова произведения на само себя, где элементом будет пара “родитель-ребенок”. А можно задавать сразу пары (множество родителей; множество их детей), оставляя в этом случае решение вопроса с количеством родителей на этап задания аксиоматики или на этап интерпретации.

Обратим внимание, что во всех вышеуказанных вариантах мы не имели дело с людьми, а только с некоторыми обезличенными родственниками, не обладающими никакими другими признаками, в частности, не вводили пол, что не помешало выразить в аксиоматической теории понятие родителей и детей, предков и потомков. Это иллюстрирует один из основных принципов концептуализации, тесно связанный с так называемым принципом “бритвы Оккама” — не вводить новых сущностей до тех пор, пока не станет окончательно ясно, что какие-то целевые понятия невыразимы в исходной теории, и кроме того, выражение этих понятий жизненно необходимо для целей исследования.

Все вышеописанные вопросы относятся к начальной стадии концептуализации выделенной предметной области или ее подобласти. На этой стадии принимается главное решение — о том, как должно выглядеть ядро концептуальной схемы (базисные множества и родовые структуры). Исследователь перебирает варианты базисных множеств и родовых структур, исследует их выразительные возможности, отбрасывает неудачные варианты и подбирает

другие. В сухом методическом остатке говорится, что на этой стадии исследователь принимает решения о базисных множествах концептуальной схемы, затем — о родовых структурах, а затем — о необходимых для описания заданной предметной области аксиомах. На практике же эти решения в “черновом варианте” принимаются в комплексе — в результате прикидочного исследования области с помощью вариантов ядер и исследования ограничений выразительных возможностей разных ядер. На этом этапе основное внимание уделяют не терминам, — названиям базисных множеств и родовых структур, — а их содержанию. Выше мы показывали, как незначительные, казалось бы, изменения в аксиоматике приводили к колоссальному изменению содержания аксиоматической теории.

“При полагании концептуальной схемы выбору базисных множеств уделяется основное внимание. Если базисные множества выбраны неправильно, то экспликация непригодна. Если базисные множества выбраны правильно, то построение теории становится тривиальным. Это трудный вопрос, какие базисные множества в данной предметной области при данной экспликации выбрать. *Критерии полагания предметной области должны однозначно определять число и состав базисных множеств.* Если базисных множеств несколько, то при полагании должна быть гарантирована их независимость. Ни одно из подмножеств одного базисного множества не может иметь пересечений ни с одним подмножеством другого базисного множества. В предметных областях независимость базисных множеств не всегда бывает очевидной. Облегчить задачу может использование интенциональных определений элемента каждого базисного множества. Легкомыслие при выборе базисных множеств недопустимо. *При полагании базисных множеств должна быть обеспечена их однозначная предметная интерпретируемость.* Выполнение этого требования особенно трудно при теоретических исследованиях. В связи с полаганием базисных множеств нелишне вспомнить аксиоматику теории множеств, которая предполагает, что все элементы множества различимы. Если полагается множество, и нет уверенности в том, можно ли будет каждый отдельный элемент различить от всех остальных, это значит, что полагать это множество нельзя или полагается условно. *Необходимо знать каждый элемент из множества.* Либо возникает редукция — сведение неэкстенциональной области к экстенциональной. Далее, требуется неизменность элементов в процессе исследования — с момента полагания до момента отказа от этого полагания из прагматических соображений. Если это требование не выполняется, то нельзя применять теорию множеств. Кроме того, предполагается, что в пределах исследования, которое ведется, мощность множества

и состав его элементов остаются неизменными. Если при экспликации эти аксиомы теории множеств нарушаются, то пересечение и объединение множеств, выделение подмножеств, установление отношений (структур), композиция отношений и другие теоретико-множественные операции перестают иметь смысл. Если имеется в виду использование инструментальных возможностей теории множеств, то платой за это является выполнение требований аксиом теории множеств”¹⁵.

Во второй статье будет принято итоговое решение о ядре теории, сформулированы принятые при этом ограничения и осуществлено развертывание теории. Особое внимание будет уделено появлению различных направлений развертывания теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисова Е.К. Опыт управления изменениями в социально-экономических системах с помощью концептуальных методов // Первые Никаноровские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Школы КП СОУ, Москва, 12–13 сентября 2015 г. М., 2015. С. 18–20.

Бурбаки Н. Теория множеств. М., 1965.

Выборнов С.В., Иванов А.Ю., Коршиков С.Е., Костюк А.В., Кучкаров З.А., Михеев В.В., Никаноров С.П., Шаляпина С.К. Исследования по безопасности. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Прикладные исследования и разработки / Под ред. С.П. Никанорова. М., 1998.

Иванов А.Ю. Аппарат ступеней множеств С.П. Никанорова и возможное развитие идей по его использованию // Первые Никаноровские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Школы КП СОУ, Москва, 12–13 сентября 2015 г. М., 2015. С. 24–28.

Иванов А.Ю., Масленников Е.В., Никаноров М.С., Никаноров С.П. Генеалогия психосферы. М., 2001.

Иванов А.Ю., Никаноров С.П., Гараева Ю.Р. Справочник по теоретико-системным конструктам. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Методология и технология. М., 2008.

Коваль А.Г. Система управления разработками: из 1965 в 2015 // Первые Никаноровские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Школы КП СОУ, Москва, 12–13 сентября 2015 г. М., 2015. С. 14–18.

Кононенко А.А., Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Никитина Н.К. Технология концептуального проектирования / Под ред. С.П. Никанорова. М., 2004.

Крюков И.А. Вопросы реализации автоматизированного синтеза концептуальных моделей // Методы математического моделирования и обработки информации: Межвед. сб. МФТИ. М., 1987. С. 47–51.

Кучкаров З.А., Никаноров С.П., Солнцев Г.В., Шабаров В.Н. Исследование социально-экономических систем. Методология. Теория. Следствия. М., 2007.

¹⁵ Здесь также для удобства взят фрагмент из монографии С.П. Никанорова (см.: *Никаноров С.П.* Концептуализация предметных областей. С. 26–30, 33–36).

Лелюк В.А. Опыт полагания предметных областей, принадлежащих производственным организациям, в аппарате ступеней. М., 2009. URL: http://www.acconcept.ru/index.php?option=com_concept&view=market&layout=item&id=5&Itemid=49 (дата обращения: 02.06.2013).

Малиновская Е.В. О конструктивной роли интенциональных определений понятий в концептуализации предметных областей // Первые Никаноровские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Школы КП СОУ, Москва, 12–13 сентября 2015 г. М., 2015. С. 10–14.

Масленников Е.В. Концептуализация теоретической социологии: методологический подход и задача // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем. Науч. конф., Москва, 21–27 апреля 1990 / Под ред. С.П. Никанорова. М., 1990. Ч. I. С. 124–129.

Масленников Е.В. Принципы формирования концептуальной модели предмета в методологическом контексте социологического измерения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 3. С. 115–132.

Масленников Е.В. Перспективы применения структурных математических конструкторов как основы инструментальной концептуализации предметных областей социологии: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 2. С. 24–37.

Масленников Е.В. Инструментальная концептуализация предметных областей социологии: некоторые возможные решения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 56–73.

Никаноров С.П. Генетический подход к разработке систем управления. // II Всес. конф. по техн. кибернетике: Аннотации и тезисы докл. НТО радиотехники, электроники и связи им. А.С. Попова. М., 1969 (а).

Никаноров С.П. Системный анализ: этап развития методологии решения проблем в США // Оптнер С.Л. Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем. М., 1969 (б). С. 7–43.

Никаноров С.П. Модель технической системы // Моделирование процессов управления: Сб. трудов. Ин-та гидродинамики СО АН СССР. Вып. 3. Новосибирск, 1970. С. 129–160.

Никаноров С.П. Совершенствование организаций на основе теории систем // Методологические проблемы теории организации. Л., 1976. С. 41–51.

Никаноров С.П. Характеристика и область применения метода концептуального проектирования систем организационного управления (КП СОУ) // Концептуальное проектирование систем организационного управления (КП СОУ) и его применение в капитальном строительстве: Сб. науч. трудов ЦНИИЭУС. М., 1989. С. 8–29.

Никаноров С.П. Метод концептуального проектирования систем организационного управления // Социология: методология, методы, математические модели (4М). 1996. № 7. С. 30–55.

Никаноров С.П. Опыт прикладного применения системного анализа. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. История направления. М., 2006 (а).

Никаноров С.П. Теоретико-системные конструкты для концептуального анализа и проектирования. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Методологическое обеспечение. М., 2006 (б).

Никаноров С.П. Концептуализация предметных областей. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Методология и технология. М., 2009.

Никаноров С.П. Введение в аппарат ступеней множеств. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Математический аппарат. М., 2010.

Никаноров С.П., Масленников Е.В. Социологические исследования и концептуальный анализ // Социология: методология, методы, математические модели (4М). 1996. № 7. С. 59–60.

Никаноров С.П., Персиц Д.Б. Формальное проектирование целостных систем управления – развитие идеи конструирования организаций. Сб. докл. на Республ. науч.-тех. конф. по структурам управления промышленными комплексами. Таллин, 1973.

Никаноров С.П., Персиц Д.Б. Об одном направлении в развитии теории систем и его значении для приложений // Вопросы кибернетики. М., 1977. Вып. 32. С. 74–89.

Никитина Н.К. Логико-математические средства проектирования сложных структур // Математические методы управления и обработки информации: Межвед. сб. МФТИ. М., 1985. С. 67–72.

Никитина Н.К. Математические средства автоматизированного концептуального проектирования систем организационного управления // Всес. конф. по автоматизации проектирования систем планирования и управления, Звенигород, 26–28 окт. 1987 г.: Тез. докл. М., 1987. С. 209–211.

Никитина Н.К. Концептуальное управление: по лестнице концептуального развития // PC WEEK/RE. 1998. № 25.

Персиц Д.Б., Савелов Е.В., Тищенко А.В. Теоретические основы построения автоматизированной системы проектирования систем организационного управления // Проблемы автоматизации управления строительством. Проектирование организаций. М., 1977. С. 20–29.

Розов Н.С. Опыт концептуализации развития этических учений. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Теоретические исследования. М., 2003.

Солнцев С.В., Рожков А.С. Контрадиктология. Серия “Концептуальный анализ и проектирование”. Прикладные исследования и разработки. М., 2000.

Тищенко А.В. Алгебра родов структур // Освоение и концептуальное проектирование интеллектуальных систем. Сб. тез. докл. и сообщ. науч. конф., Москва, 21–27 апреля 1990 / Под ред. С.П. Никанорова. М., 1990. Ч. I.

Шабаров В.Н. Концептуализация общей политэкономии (результаты и перспективы) // Первые Никаноровские чтения: Материалы науч.-практ. конф. Школы КП СОУ, Москва, 12–13 сентября 2015 г. М., 2015. С. 7–10.

REFERENCES

Borisova E.K. Opyt upravleniya izmeneniyami v social'no-ehkonomicheskikh sistemah s pomoshch'yu konceptual'nyh metodov [Change management experience in social and economic systems using conceptual methods] // *Pervye Nikanorovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf. SHkoly KP SOU, Moskva, 12–13 sentyabrya 2015 g.* [First Nikanorovskie read: scientific-practical materials. Conf. KP School SOU, Moscow, 12–13 September 2015]. M., 2015. S. 18–20 (in Russian).

Burbaki N. Teoriya mnozhestv [Set theory]. M., 1965 (in Russian).

Ivanov A.Yu. Apparat stupenej mnozhestv S.P. Nikanorova i vozmozhnoe razvitie idej po ego ispol'zovaniyu [The device sets S.P. Nikanorova stages and the possible development of ideas for its use] // *Pervye Nikanorovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf. SHkoly KP SOU, Moskva, 12–13 sentyabrya 2015 g.* [First Nikanorovskie read: scientific-practical materials. Conf. KP School SOU, Moscow, 12–13 September 2015]. M., 2015. S. 24–28 (in Russian).

Ivanov A.Yu., Maslennikov E.V., Nikanorov M.S., Nikanorov S.P. Genezologiya psihosfery [Genezologiya psychosphere]. M., 2001 (in Russian).

Ivanov A.Yu., Nikanorov S.P., Garaeva Yu.R. Spravochnik po teoretiko-sistemnym konstruktam. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Metodologiya i tekhnologiya [Handbook of theoretical constructs system. A series of "Conceptual analysis and design". Methodology and technology]. M., 2008 (in Russian).

Kononenko A.A., Kuchkarov Z.A., Nikanorov S.P., Nikitina N.K. Tekhnologiya konceptual'nogo proektirovaniya [The technology of the conceptual design] / Pod red. S.P. Nikanorova [Ed. by S.P. Nikanorova]. M., 2004 (in Russian).

Koval' A.G. Sistema upravleniya razrabotkami: iz 1965 v 2015 [Development management system: from 1965 to 2015. The first Nikanorovskie] // *Pervye Nikanorovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf. SHkoly KP SOU, Moskva, 12–13 sentyabrya 2015 g.* [Proceedings scientific-practical. Conf. KP School SOU, Moscow, 12–13 September 2015]. M., 2015. S. 14–18 (in Russian).

Kryukov I.A. Voprosy realizacii avtomatizirovannogo sinteza konceptual'nyh modelej [Implementation Issues automated synthesis of conceptual models] // *Metody matematicheskogo modelirovaniya i obrabotki informacii: Mezhdved. sb. MFTI* [Methods of mathematical modeling and information processing: Mezhdved. Sat. MIPT]. M., 1987. S. 47–51 (in Russian).

Kuchkarov Z.A., Nikanorov S.P., Solncev G.V., Shabarov V.N. Issledovanie social'no-ehkonomicheskikh sistem. Metodologiya. Teoriya. Sledstviya [A study of socio-economic systems. Methodology. Theory. Effect]. M., 2007 (in Russian).

Lelyuk V.A. Opyt polaganiya predmetnyh oblastej, prinaldezhashchih proizvodstvennym organizaciyam, v apparate stupenej [Experience positing domains owned industrial organizations, the machine stops]. M., 2009. URL: http://www.acconcept.ru/index.php?option=com_concept&view=market&layout=item&id=5&Itemid=49 – data obrashcheniya: 02.06.2013) (in Russian).

Malinovskaya E.V. O konstruktivnoj roli intensional'nyh opredelenij ponyatij v konceptualizacii predmetnyh oblastej [On the constructive role of intensional definitions of concepts in conceptualizing domains] // *Pervye Nikanorovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf. Shkoly KP SOU, Moskva, 12–13 sen-*

tyabrya 2015 g. [First Nikanorovskie read: scientific-practical materials. Conf. KP School SOU, Moscow, 12–13 September 2015]. M., 2015. S. 10–14 (in Russian).

Maslennikov E.V. Konceptualizaciya teoreticheskoy sociologii: metodologicheskij podhod i zadacha [Conceptualization of theoretical sociology: the methodological approach and the task] // Osvoenie i konceptual'noe proektirovanie intellektual'nyh sistem. Nauch. konf., Moskva, 21–27 aprelya 1990 / Pod red. S.P. Nikanorova [Development and conceptual design of intelligent systems. Coll. proc. dokl. and messages. Sci. conf., Moscow, April 21–27, 1990 / Ed. by S.P. Nikanorova]. M., 1990. Ch. I. S. 124–129 (in Russian).

Maslennikov E.V. Principy formirovaniya konceptual'noj modeli predmeta v metodologicheskom kontekste sociologicheskogo izmereniya [The principles of the conceptual model of the object in the methodological context of sociological measurement] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and politology]. 2011. N 3. S. 115–132 (in Russian).

Maslennikov E.V. Perspektivy primeneniya strukturnyh matematicheskikh konstruktov kak osnovy instrumental'noj konceptualizacii predmetnyh oblastej sociologii: postanovka problem [Prospects for the use of the structural mathematical constructs as the foundation tool conceptualizing domains of sociology: problem] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and politology]. 2016. N 2. S. 24–37 (in Russian).

Maslennikov E.V. Instrumental'naya konceptualizaciya predmetnyh oblastej sociologii: nekotorye vozmozhnye resheniya [Instrumental conceptualization of the subject areas of sociology: some possible solutions] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and politology]. 2016. N 3. S. 56–73 (in Russian).

Nikanorov S.P. Geneticheskij podhod k razrabotke sistem upravleniya [The genetic approach to the development of control systems] // II Vses. konf. po tekhn. kibernetike: Annotacii i tezisyy dokl. NTO radiotekhniki, ehlektroniki i svyazi im. A.S. Popova [II All-Union. Conf. by tehn. Cybernetics: Annotations and Abstracts. / NTO of Radio Engineering, Electronics and Communication im. A.S. Popova]. M., 1969 (a) (in Russian).

Nikanorov S.P. Sistemnyj analiz: ehtap razvitiya metodologii resheniya problem v SSHA [System analysis: stage of development of the methodology of solving problems in the US] // Optner S.L. Sistemnyj analiz dlya resheniya delovyh i promyshlennyh problem [System analysis solutions for business and industry issues]. M., 1969 (b). S. 7–43 (in Russian).

Nikanorov S.P. Model' tekhnicheskoy sistemy [Technical system model] // Modelirovanie processov upravleniya: Sb. trudov In-ta gidrodinamiki SO AN SSSR [Simulation Control Processes: Coll. papers / Institute of Hydrodynamics SB RAS]. Vyp. 3. Novosibirsk, 1970. S. 129–160 (in Russian).

Nikanorov S.P. Sovershenstvovanie organizacij na osnove teorii system [Improving organizations based on systems theory] // Metodologicheskie problemy teorii organizacii [Methodological problems of the theory of organization]. L., 1976. S. 41–51 (in Russian).

Nikanorov S.P. Harakteristika i oblast' primeneniya metoda konceptual'nogo proektirovaniya sistem organizacionnogo upravleniya (KP SOU) [Application and features of the method of conceptual design of organizational management systems (CD OMS)] // Konceptual'noe proektirovanie sistem organizacionnogo upravleniya (KP SOU) i ego primenenie v kapital'stvo: Sb. nauch. trudov CNIIEHUS [Conceptual design of organizational management systems (CD OMS) and its application in capital construction: Coll. scientific. Proceedings / TSNIIEUS]. M., 1989. S. 8–29 (in Russian).

Nikanorov S.P. Metod konceptual'nogo proektirovaniya sistem organizacionnogo upravleniya [Conceptual design systems of organizational management method] // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli (4M) [Sociology: methodology, methods, mathematical models (4M)]. 1996. N 7. S. 30–55 (in Russian).

Nikanorov S.P. Opyt prikladnogo primeneniya sistemnogo analiza. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Istoriya napravleniya [Experience in the use of applied system analysis. A series of "Conceptual analysis and design" History trends]. M., 2006 (a) (in Russian).

Nikanorov S.P. Teoretiko-sistemnye konstrukty dlya konceptual'nogo analiza i proektirovaniya. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Metodologicheskoe obespechenie [Theoretical constructs for conceptual system analysis and design. A series of "Conceptual analysis and design" Methodological support]. M., 2006 (b) (in Russian).

Nikanorov S.P. Konceptualizaciya predmetnyh oblastej. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Metodologiya i tekhnologiya [Conceptualization of subject areas. A series of "Conceptual analysis and design" methodology and technology]. M., 2009 (in Russian).

Nikanorov S.P. Vvedenie v apparat stupenej mnozhestv. Seriya "Konceptual'nyj analiz i proektirovanie". Matematicheskij apparat [Introduction to the machine sets of steps. A series of "Conceptual analysis and design". Mathematical apparatus]. M., 2010 (in Russian).

Nikanorov S.P., Maslennikov E.V. Sociologicheskie issledovaniya i konceptual'nyj analiz [Sociological research and conceptual analysis] // Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskie modeli (4M) [Sociology: methodology, methods, mathematical models (4M) Sociological research and conceptual analysis // Sociology: methodology, methods, mathematical models (4M)]. 1996. N 7. S. 59–60 (in Russian).

Nikanorov S.P., Persic D.B. Formal'noe proektirovanie celostnyh sistem upravleniya – razvitie idei konstruirovaniya organizacij. Sb. dokl. na Respubl. nauch.-teh. konfer. po strukturam upravleniya promyshlennymi kompleksami [The formal design of complete control systems – development of the idea of designing organizations. Coll. rep. in the republics. Navier-Stokes t. Conf. on the control structure of industrial complexes]. Tallin, 1973 (in Russian).

Nikanorov S.P., Persic D.B. Ob odnom napravlenii v razvitii teorii sistem i ego znachenii dlya prilozhenij [On the same direction in the development of systems theory and its implications for the application] // Voprosy kibernetiki [Problems of Cybernetics]. M., 1977. Vyp. 32. S. 74–89 (in Russian).

Nikitina N.K. Logiko-matematicheskie sredstva proektirovaniya slozhnyh struktur [Logical-mathematical means of designing complex structures] // Matematicheskie metody upravleniya i obrabotki informacii: Mezhdoved. sb. MFTI [Mathematical methods of management and information processing: Mezhdoved. Sat. MIPT]. M., 1985. S. 67–72 (in Russian).

Nikitina N.K. Matematicheskie sredstva avtomatizirovannogo konceptual'nogo proektirovaniya sistem organizacionnogo upravleniya [Mathematical computer-aided conceptual design of organizational control systems] // Vses. konf. po avtomatizacii proektirovaniya sistem planirovaniya i upravleniya, Zvenigorod, 26–28 okt. 1987 g.: Tez. dokl. [All-Union. Conf. automation engineering planning and management systems, Zvenigorod, 26–28 October. 1987 g.: Proc. rep.]. M., 1987. S. 209–211 (in Russian).

Nikitina N.K. Kontseptual'noe upravlenie: po lestnitse kontseptual'nogo razvitiya [Conceptual management: the stairs conceptual development] // PC WEEK/RE [PC WEEK/RE]. 1998. N 25 (in Russian).

Persic D.B., Savelov E.V., Tishchenko A.V. Teoreticheskie osnovy postroeniya avtomatizirovannoj sistemy proektirovaniya sistem organizacionnogo upravleniya [Theoretical Foundations of automated design system of organizational management systems] // Problemy avtomatizacii upravleniya stroitel'stvom. Proektirovanie organizacij [Management Automation Problems of construction. Designing organizations]. M., 1977. S. 20–29 (in Russian).

Rozov N.S. Opyt konceptualizacii razvitiya ehticheskikh uchenij. Seriya “Konceptual'nyj analiz i proektirovanie”. Teoreticheskie issledovaniya [Experience in conceptualizing the development of ethical teachings. A series of “Conceptual analysis and design”. Theoretical studies]. M., 2003 (in Russian).

Shabarov V.N. Konceptualizaciya obshchej politekonomii (rezul'taty i perspektivy) [Conceptualization of the overall political economy (Results and Prospects)] // Pervye Nikanorovskie chteniya: Materialy nauch.-prakt. konf. SHkoly KP SOU, Moskva, 12–13 sentyabrya 2015 g. [First Nikanorovskie read: scientific-practical materials. Conf. KP School SOU, Moscow, 12–13 September 2015]. M., 2015. S. 7–10 (in Russian).

Solncev S.V., Rozhkov A.S. Kontradiktologiya. Seriya “Konceptual'nyj analiz i proektirovanie”. Prikladnye issledovaniya i razrabotki [Kontradiktologiya. A series of “Conceptual analysis and design”. Applied research and development]. M., 2000 (in Russian).

Tishchenko A.V. Algebra rodov struktur [Algebra delivery structures] // Osvoenie i konceptual'noe proektirovanie intellektual'nyh system. Sb. tez. dokl. i soobshch. Nauch. konf., Moskva, 21–27 aprelya 1990. / Pod red. S.P. Nikanorova. M., 1990. Ch. I. [Development and conceptual design of intelligent systems. Coll. mes. rep. and messages. Sci. conf., Moscow, April 21–27, 1990 / Ed. by S.P. Nikanorova] (in Russian).

Vybornov S.V., Ivanov A.YU., Korshikov S.E., Kostyuk A.V., Kuchkarov Z.A., Miheev V.V., Nikanorov S.P., Shalyapina S.K. Issledovaniya po bezopasnosti. Seriya “Konceptual'nyj analiz i proektirovanie”. Prikladnye issledovaniya i razrabotki [Safety Research. A series of “Conceptual analysis and design”. Applied research and development] / Pod red. S.P. Nikanorova [Ed. by S.P. Nikanorova]. M., 1998 (in Russian).

М.И. Богачёв, преподаватель Национального исследовательского университета Высшая школа экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*

ОТ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО АНАЛИЗА К ПОСТ-БИХЕВИОРАЛИЗМУ: ИСТОРИЯ ПАРАДИГМЫ

Bogachev Maksim Igorevich, lecturer National research university higher school of economics / Russian Presidential academy of national economy and public administration, e-mail: bogachev2008@mail.ru

FROM THE BEHAVIORAL ANALYSIS TO POST-BEHAVIORALISM: HISTORY OF PARADIGM

Статья посвящена обзору становления и упадка бихевиоралистской парадигмы в политологии. Автор начинает анализ с критического рассмотрения научных концепций, предшествующих появлению модернистского эмпиризма, в рамках которого возникает поведенческий анализ. Далее исследователь прослеживает путь становления бихевиоризма в русле обществоведческих дисциплин: формирование модели в психологии, выход теории за пределы чистой психологии и перенесение ее идей сначала в социологию, а после и в политологию. Автор анализирует гносеологические запросы бихевиорализма к научной теории и раскрывает принципы бихевиорализма как политологической парадигмы. В работе представлены концептуальные и контекстуальные факторы, способствовавшие спаду популярности бихевиорализма в политической науке, рассматриваются его методологические ограничения. Автор излагает основные претензии критиков к данному исследовательскому подходу и объясняет причины упадка данной парадигмы. Вместе с тем, в работе отражена и методологическая рефлексия бихевиорализма, последовавшая за спадом его популярности, раскрыты принципы нового направления — пост-бихевиорализма, а также изложена позиция современных представителей поведенческого анализа по некоторым методологическим вопросам.

Ключевые слова: политология, социология, поведенческий анализ, бихевиорализм, бихевиоризм, методология, парадигма.

Article is devoted to the review of formation and decline of behavioralism paradigm in political science. The author begins the analysis with critical consideration of the scientific concepts preceding emergence of modernist empiricism within which there is a behavioral analysis. Further the researcher traces formation behaviorism in the social disciplines: formation model in psychology, release of the theory out of

* **Богачёв Максим Игоревич**, e-mail: bogachev2008@mail.ru

limits of pure psychology and transferring ideas in sociology and political science. The author analyzes inquiries to the scientific theory by behavioralism. He opens the principles of behavioralism as paradigm in political science. The author presents the conceptual and contextual factors promoting recession of popularity behavioralism in political science and submits methodological restrictions approach. The author states the main claims of critics to this research approach and explains the reasons decline this paradigm. At the same time the methodological reflection of behavioralism which has followed recession of his popularity is reflected in work. The author opens the principles of the new methodological direction — post-behavioralism and the position of modern representatives of the behavioral analysis.

Keywords: *political science, sociology, behavioral analysis, Behavioralism, behaviorism, methodology, paradigm.*

Одно и то же явление может быть объяснено в рамках нескольких научных парадигм. При этом интерпретации, предлагаемые различными исследовательскими моделями, могут кардинальным образом отличаться друг от друга. Это возможно ввиду того, что образцы научных исследований, транслируемые парадигмами, акцентируют внимание на различных составляющих человеческой жизни, ставят во главу угла неодинаковые элементы и процессы. Более того, отличающиеся воззрения на предмет исследования могут быть даже у теорий, сосуществующих в рамках одной парадигмы.

Между тем, не стоит тешить себя надеждами найти универсальную методологию. Вопрос: “А какая парадигма лучше?”, — имеет ценностный характер, а потому не применим к академической сфере. Каждая парадигма имеет свои сильные и слабые стороны, свои уникальные способности и ограничения. Эффективность и эвристичность использования различных методологий применительно к одному и тому же явлению будут ощутимо колебаться в зависимости от характера изучаемого предмета, окружающих его условий. Профессионализм исследователя заключается в знании плюсов и минусов каждого исследовательского подхода и умении соотносить преимущества того или иного подхода в процессе изучения конкретной проблемы, исследовательского вопроса: используемая методология должна быть адекватна разрабатываемой проблеме, а применяемый метод должен быть реализуем на практике.

Зачастую причиной получения ложных заключений из истинных посылок при корректных исследовательских процедурах является выбор методологии не конгруэнтной целям, задачам и предмету исследования. Однако при корректном установлении границ возможностей того или иного методологического подхода и соотношении накладываемых им ограничений с целями и задачами

планируемой работы исследователь может провести качественный анализ изучаемой проблемы, не вызывающий нареканий со стороны научного сообщества. Остается лишь установить эти границы...

Предтеча появления поведенческого анализа в политической науке

Общественный запрос, предъявляемый к социальной теории, заключается в потребности наличия модели, которая бы *объясняла*, происходящие в обществе процессы и *позволяла сделать правдивые прогнозы* о развитии текущей ситуации в дальнейшем. Вскоре после того как существующая модель утрачивает свою объяснительную, а главное прогностическую силу, на ее место приходит новая теория, которая, как минимум, рекомендует использовать иной набор инструментов или же сменить исследовательский фокус, а как максимум, предлагает иное видение сложившегося порядка и провозглашает потребность в изменении принципов исследовательского процесса.

Так взамен социальным теориям, выработанным в рамках философского подхода, пришли концепции, базирующиеся на принципе историцизма. Философские теории, как правило, либо описывали должное устройство идеального мира, либо объясняли “причины” сложившегося положения дел, руководствуясь при этом волюнтаристскими основаниями. Значимость философских теорий в деле прояснения процессов, происходящих в обществе в текущий момент времени, равно как и в формулировании прогнозов была незначительна.

Теории, выстраиваемые в рамках историцизма, в своих основаниях опирались на исторические данные, стараясь при этом отразить телеологическую логику исторического процесса. Однако обилие исторических данных, подчас позволяющее выстроить и фактологически подтвердить абсолютно противоположные теории, в совокупности с недостаточной степенью достоверности определенных событий в значительной мере ослабляли эвристический потенциал историцистских моделей. Историцизм справлялся с объяснением, но не с предсказанием событий. Социальные теории, сформированные на историцистском базисе, не смогли предсказать появления новых для мирового сообщества феноменов — мировых войн и фашистской идеологии, хотя постфактум убедительно объяснили причины их появления и вписали в общую логику исторического процесса.

На смену историцизму пришел принцип модернистского эмпиризма. В процессе формирования теорий эмпирики стали оперировать не непрерывной исторической логикой развития, а дискретными

элементами, подлежащими упорядочиванию, — структурами, системами, взаимосвязями. История для представителей модернистского эмпиризма перестала быть объяснительной моделью, но осталась источником данных¹. В политологии данный принцип широко использовался представителями старого институционализма.

Прорывы в социологии² и ряде естественнонаучных дисциплин, сопрягавшиеся с своеобразным разочарованием в познавательных способностях (методологических основаниях и инструментарии) социальных наук, потенциал которых был дезавуирован на фоне не понимания происходящих в мире процессов (в частности, приход фашистов и нацистов к власти в Европе), привели к развитию идей модернистского эмпиризма и попытке приложения исследовательского инструментария естественных наук к социальным процессам. В политической науке перигеем данного процесса стало формирование новой исследовательской парадигмы, получившей наименование бихевиорализм³, а апогеем — становление теории рационального выбора.

Однако политологи были далеко не первыми учеными, отважившимися применить в своих исследованиях методы, ранее считавшиеся уделом естественнонаучных дисциплин. Первопроходцами в деле апробации естественнонаучного инструментария применительно к человеческому и социальному материалам являлись психологи Чикагского университета, увидевшие в психоанализе З. Фрейда и изучении “сознания” слишком много субъективизма⁴. “Вместо интроспективных попыток пробраться к иллюзорной и донаучной области разума американские бихевиористы провозгласили предметом научной психологии законы явного поведения”⁵.

Родоначальник бихевиоризма Дж. Уотсон считал, что в основе научной теории должен лежать объективный фактологический материал, а не результат субъективного самонаблюдения пациента, научным может считаться лишь то, что находит объективное подтверждение, поэтому фокусировать внимание следует не на изучении неосознанного сознания, а на всеми фиксируемых поведенческих актах человека. В качестве универсальной схемы человеческого

¹ *Bevir M.* Meta-methodology: clearing the underbrush // *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford, 2008. P. 48–70.

² В частности, открытие репрезентативной выборки в 1936 г.

³ *Berndtson E.* Behavioralism: origins of the concept', prepared for presentation at the XVIIth World Congress of the International political science association August 17–21, 1997 Seoul, Korea. URL: <http://www.mv.helsinki.fi/home/berndtso/behavior.htm> (accessed: 27.03.2015).

⁴ *O'Donohue W., Kitchener R.* Handbook of behaviorism. Boston, 1999.

⁵ *Коллинз Р.* Четыре социологических традиции. М., 2009. С. 45.

поведения бихевиористы рассматривали модель стимул-реакция (S—R), предполагалось, что стимул определяет характер и тип реакции, побуждает организм вести себя определенным образом. Проводившиеся на протяжении нескольких десятилетий замеры выявили наличие пробелов в данной схеме. В частности было зафиксировано, что один стимул может повлечь за собой наступление множества реакций. Наличие вариативности в реакциях индивидов стало объектом изучения оперантного бихевиоризма — направления, разрабатываемого Б. Скиннером. Ученый модернизировал привычную схему, добавив в нее (O) — промежуточные переменные (S—O—R). В роли основной промежуточной переменной Б. Скиннер рассматривал подкрепление, следующее за определенной реакцией индивида. Различия в реакциях индивидов на один и тот же стимул он объяснял неодинаковым подкреплением реакции в прошлом. Многочисленные эксперименты Б. Скиннера над животными и людьми показывали, что реакция, за которой следовало негативное подкрепление, минимизировалась, в то время как реакция, за которой следовало позитивное подкрепление, повторялась. Иными словами, различия в поведении индивидов связывались с процессом научения, предшествующим опытом взаимодействия со средой, социализацией. Данные идеи выходили за рамки чистой психологии как науки о психической деятельности человека и групп людей, и вскоре были подхвачены представителями дисциплины, фокусирующей внимание непосредственно на взаимоотношениях индивида и общества, — социологии.

В социологии положения модернизированного Б. Скиннером психологического бихевиоризма нашли отражение сразу в двух подходах — теории социального обмена (Дж. Хоманс и П. Блау) и символическом интеракционизме (Дж. Мид). Теория социального обмена в бихевиористской схеме делает акцент на подкреплении. Она рассматривает индивидов как гедонистов, ищущих вознаграждений за свои действия и стремящихся избежать страданий. Стараясь максимизировать свою полезность, индивиды вступают во взаимоотношения обмена, при этом принятие решения об исполнении обязательств перед контрагентом происходит при опоре на результаты предыдущих социальных взаимодействий. В свою очередь символический интеракционизм (Дж. Мид, являющийся представителем Чикагской социологической школы, называл свою теорию социальным бихевиоризмом), сохраняя схему (S—O—R), в качестве промежуточной переменной рассматривает интерпретацию. В данной модели для последующего действия индивида важен не столько стимул, сколько его интерпретация. Индивид замечает сти-

мул (предмет или явление), оценивает его, придает ему собственное или считает уже существующее значение и только после этого действует, сообразно со значением стимула.

Использование бихевиористской модели для объяснения явлений социального характера неизбежно затрагивало проблематику политического. И обменный характер социальных отношений, и символическое столкновение социальных ролей встречались с социально создаваемым феноменом власти, что способствовало перенесению изначально психологической модели в политологию. Ч. Мерриам, основатель Чикагской школы политологии, был одним из первых деятелей политической науки, начавшим использовать бихевиористскую схему применительно к политическим явлениям. В данных начинаниях его активно поддерживали близкие к психологии и социологии Г. Лассуэл и П. Лазарсфельд. Эти исследователи внесли огромный вклад в развитие политической науки в целом и таких ее субдисциплин, как политическая социология и политическая психология. Направление, в котором они работали, на несколько десятилетий заняло позиции доминирующей парадигмы в политической науке и получило наименование бихевиорализма.

Бихевиорализм (поведенческий анализ)

Целью бихевиорализма стало превращение социальной науки в точную дисциплину, очищенную от субъективизма и идеологической окрашенности и редуцированную лишь до данных верифицируемых наблюдений⁶. Бихевиоралисты сместили исследовательский фокус с изучения формальных институтов на поведение индивидов (акторов), сделав тем самым единицей своего анализа поведенческий акт.

Отцами-основателями бихевиорализма в политической науке стали Д. Трумен, П. Геринг, П. Одегард, В. Кей. Примечательно, что весомый вклад в формирование парадигмы также внесли авторы, формально бихевиоралистами не являвшиеся. Такие общепризнанные биографы и систематизаторы бихевиорализма, как Д. Истон, Р. Даль, Х. Эйлау, в группу родоначальников поведенческого анализа не входили (хотя Р. Даль был близким другом В. Кея) и свои основные труды писали в рамках иных методологических парадигм.

С точки зрения бихевиоралистов, теория должна конструироваться лишь на основании реально зафиксированных (эмпирически

⁶ *Truman D.* The impact on political science of the revolution in the behavioral sciences // *Research Frontiers in Politics and Government*. Washington, 1955.

достоверных) фактов⁷. Теорией может считаться лишь совокупность зафиксированных на эмпирическом материале закономерностей. Соответственно, для того чтобы построить качественную теорию, необходимо неоднократно подтвердить наличие того или иного явления, процесса, причем на различных данных⁸. Лишь зафиксировав значительное количество событий, возможно проследить определенную взаимосвязь, закономерность, которая реально существует, а не является плодом чьего-то воображения. По мнению бихевиоралистов, только созданная на подобных основаниях теория может и объяснять происходящие в обществе процессы, и предсказывать их дальнейшее развитие⁹.

Основные принципы бихевиорализма как политологической парадигмы были изложены Д. Истоном¹⁰. Политолог редуцировал воззрения бихевиоралистов до восьми положений:

1. **Закономерности.** С точки зрения бихевиоралистов, в поведении индивидов существуют устойчивые закономерности, которые можно зафиксировать путем наблюдения. В качестве универсальной закономерности, характеризующей любой поведенческий акт, бихевиоралисты использовали модель “стимул+реакция=поведение”.

2. **Верификация.** Из выявленных эмпирическим путем закономерностей можно построить опытную теорию, которая будет не только объяснять происходящие процессы, но и прогнозировать их развитие. Научной может считаться только эмпирически подтвержденная теория. Все компоненты бихевиоралистской теории должны поддаваться проверке и быть потенциально фальсифицируемыми.

3. **Надежность и обоснованность методики, строгость методов.** От обоснованности методов и методики исследования, а также строгости их соблюдения напрямую зависит результат фиксируемых поведенческих актов. В связи с этим ученые должны особое внимание уделять проработке методик и совершенствованию методов исследования.

4. **Квантификация.** Бихевиоралисты стремились к снижению степени исследовательского субъективизма путем использования естественнонаучных математизированных статистических (коли-

⁷ Sanders D. Behaviouralism // Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

⁸ Easton D. Political science in the United States: past and present // International Political Science Review (Revue internationale de science politique). 1985. Vol. 6. N 1. P. 133–152.

⁹ Easton D. The current meaning of behaviouralism // Contemporary Political Analysis / Ed. by J.C. Chatsworth. N.Y., 1967.

¹⁰ Easton D. Introduction: the current meaning of behavioralism // Limits of Behaviouralism in Political Science / Ed. by J.C. Chatsworth. Philadelphia, 1962. P. 7–8.

чественных) методов, что в свою очередь требовало оцифрования (перевода в цифровой вид) социальных явлений и сбора значительного количества наблюдений (больших массивов данных). Однако данное требование не являлось обязательным, в особенности для бихевиоралистов, использующих качественные методы. “Количественный анализ должен использоваться не ради самого себя, а только в тех случаях, когда он возможен, релевантен и значим для достижения целей исследования”¹¹. Для бихевиоралистов “значение имело не то, являются ли методы анализа количественными или качественными, а то, что, с одной стороны, они используются для оценки высказанных предположений; а с другой — что данные используются систематически, а не иллюстративно”¹².

5. Ценности. Ученый должен быть свободен от оценочных суждений и идеологических предвзятостей. Задача политолога — констатация фактов, а не выражение этических суждений. При сохранении аутентичности исследовательского инструментария и соблюдении строгости его использования исследовательская работа может быть объективной, т.е. лишенной ценностных воззрений ученого и общества.

6. Систематичность. Эмпирическое исследование не является самоцелью, оно всегда направлено на умножение и систематизацию уже существующей теории. Эмпирическое исследование всегда должно быть ориентировано на теорию, а теория — на эмпирическое подтверждение. По словам Д. Истона, “исследование, не изученное теорией, может оказаться тривиальным, а теория, не подтвержденная эмпирикой, — бесполезной”¹³. Поэтому целью любого исследования должно являться доказательство или же опровержение уже существующей теории. Из этого положения вытекает важное для бихевиоралистов следствие — гипотеза исследования должна фундироваться на положениях уже существующих теорий.

7. Чистая наука. Бихевиорализм декларирует приоритет научного знания перед знанием прикладным, ориентированным на решение конкретных социальных проблем. В логике “академизма” ученый должен отдавать приоритет исследованиям, направленным на фундаментальное понимание и объяснение того или иного феномена, а не проектам, нацеленным на решение остро стоящих социальных проблем. С точки зрения бихевиорализма, ученому чтобы дать правильную рекомендацию, необходимо досконально изучить

¹¹ Eesuola K. Political behavior. Lagos, 2013. URL: http://www.nou.edu.ng/NOUN_OCL/pdf/SASS/POL318%20POLITICAL%20BEHAVIOR.pdf (accessed: 27.03.2015).

¹² Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=21128> (дата обращения: 27.03.2015).

¹³ Easton D. Introduction: the current meaning of behavioralism. P. 7.

искомый объект, а это возможно только при приоритете “чистого” научного знания, в ином случае исследователь может дать неправильную рекомендацию. Данное положение снимает с ученых ответственность за отказ от решения насущных, но плохо понимаемых социальных проблем, в пользу конкретизированных теоретических изысканий.

8. Интеграция. Бихевиорализм утверждает потребность в объединении знаний и методов различных социальных наук в процессе постижения окружающей действительности. Сближение различных дисциплин позволит учитывать достижения других наук, что должно способствовать выявлению позитивистского знания¹⁴.

Расцвет бихевиорализма в политической науке пришелся на первые десятилетия после окончания Второй мировой войны. В это время исследовательский фокус политологического мейнстрима был перенесен с изучения институтов на политическое поведение человека и анализ факторов, влияющих на его электоральные предпочтения. Установление и многократное эмпирическое подтверждение взаимосвязей между различными социальными характеристиками (такими, как пол, возраст, образование, имущественное положение, религия и т.п.) и политическим выбором избирателей воспринимались как прорыв в социальной науке. Хрестоматийными работами, созданными в рамках бихевиоральной парадигмы, являются такие труды, как “Политика: кто получает, когда и как” Г. Лассуэлла (1936)¹⁵, “Выбор народа. Как избиратель принимает решения во время кампании по выборам президента” П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Х. Годе (1944)¹⁶, “Голосование. Исследование процесса формирования мнения избирателя во время кампании по выборам президента” П. Лазарсфельда, Б. Берельсона, и У. Макфи (1954)¹⁷, “Избиратель принимает решения” А. Кэмпбелла, Дж. Гурина и У. Миллера (1954)¹⁸, “Политический человек: социальные основания политики” С. Липсета (1960)¹⁹, “Американский избиратель” А. Кэмпбелла, У. Миллера, Д. Стокса, Ф. Конверса, Дж. Гурина (1960)²⁰, “Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах” Г. Алмонда и С. Вербы

¹⁴ *Easton D.* Political science in the United States: past and present. P. 133–152.

¹⁵ *Lasswell H.D.* Politics: who gets what, when, how. Cleveland, 1936.

¹⁶ *Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. N.Y., 1944.

¹⁷ *Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W.* Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago, 1954.

¹⁸ *Campbell A., Gurin G., Miller W.* The voter decides. Evanstone, 1954.

¹⁹ *Lipset S.M.* Political man: the social bases of politics. Garden City; N.Y., 1960.

²⁰ *Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E.* The American voter. N.Y., 1960.

(1963)²¹, “Консенсус и идеология в американской политике” Г. Мак-кlosки (1964)²² и др. Однако уже в 60-е гг. в рамках данной научной парадигмы стали выкристаллизовываться существенные ограничения²³.

Критика бихевиорализма

Основные положения критики заключались в следующих утверждениях:

1. **Сложность человеческого поведения.** Оппоненты поведенческого анализа подвергли сомнению аргумент, согласно которому политическое поведение людей характеризуется однородностью, которая может быть зафиксирована через систематическое научное изучение. Критики поведенческого подхода утверждали, что человеческое поведение состоит из многочисленных не поддающихся контролю, а подчас необъяснимых и уникальных факторов, которые постоянно меняются, поэтому все закономерности и генерализации человеческого поведения являются либо неточными, либо тривиальными²⁴.

2. **Сложность верификации (проверки).** Бихевиоралисты утверждали, что все утверждения, обобщения и теории о политическом поведении должны основываться на эмпирическом материале, а у других исследователей должна быть возможность проверить эти утверждения на иных выборках. Критики бихевиорализма указывали на крайне ограниченный набор политических поведенческих актов, которые можно наблюдать. Поведенческий анализ не может фиксировать (а, следовательно, и изучать) многочисленные нормативные, ценностные и идеологические переменные, которые также оказывают влияние на политическое поведение²⁵.

3. **Сложность методов и изменение объекта изучения.** Концентрация внимания на использовании строгих и сложных методов, с точки зрения критиков поведенческого подхода, привела к приоритету изучения методов и методики исследования, а не первоначального объекта. Изучение метода исследования проблемы заняло место

²¹ *Almond G., Verba S.* The civic culture: political attitudes and democracy in five nations // Campbell A. et all. The American voter. N.Y., 1960.

²² *McClosky H.* Consensus and ideology in American politics // The American Political Science Review. 1964. Vol. 58. Iss. 2. P. 361–382.

²³ *Pye L.* The behavioral revolution and the remaking of comparative politics // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / Ed. by E. Robert, Ch.T. Goodin. Oxford, N.Y., 2006. P. 797–805.

²⁴ *Wahlke J.C.* Pre-behavioralism in political science // The American Political Science Review. 1979. Vol. 73. N 1. P. 9–31.

²⁵ *Haass M., Becker L.* The behavioural revolution and after // Approaches to the Study of Political Science / Ed. by M. Haas, H. Kariel. San Francisco, 1970.

изучения самой проблемы: вместо изучения собственно политики, политологи стали изучать как правильно изучать политику. В результате бихевиоралисты потеряли связь с действительностью, они игнорировали реальную политическую жизнь, которая зачастую не поддавалась изучению через предлагаемые методы, а изучали узкие оторванные от реальности проблемы преимущественно методологического характера.

4. Излишнее внимание к количественному анализу. Бихевиорализм приводил доводы в пользу использования количественных измерений и построения математических моделей. Однако с точки зрения критиков поведенческого подхода, политическая жизнь: а) либо включает в себя множество неисчислимых явлений, которые поведенческий анализ, стремящийся к исчислению всего и вся, просто не фиксирует; б) либо вовсе не может быть точно подсчитана. Политические явления столь неточные, сложные и непредсказуемые, что простая фиксация количества и измерение явлений могут предоставить либо сильно ограниченные, либо банальные результаты²⁶.

5. Невозможность игнорировать ценности. Многочисленные замечания в академическом сообществе вызвал тезис бихевиорализма о ценностной нейтральности ученых и их исследований. Основной контраргумент заключался в том, что все актуальные политические проблемы увязаны с ценностями — демократия, свобода, справедливость, расизм, национализм и т.п., поэтому изучение этих явлений в моральном вакууме считалось как минимум сложно осуществимым. Кроме того, поднимался вопрос об объяснительной способности подобного изучения ценностных проблем. Также критики обращали внимание на то, что ученый, выбирая проблему для исследования, опирается не столько на научные критерии, сколько на свои индивидуальные предпочтения, имманентно содержащие ценностные элементы.

Более того, некоторые исследователи обвиняли бихевиорализм в том, что он, заявляя свою ценностную непредвзятость, на самом деле является идеологически ангажированным научным подходом, направленным на сохранение статус-кво (во многом данный тезис появился благодаря работе Т. Куна). Согласно данной точке зрения, бихевиорализм занял распространенные в обществе либерально ориентированные идеологические позиции и выступал против любой попытки поднять морально-этические ценностные вопросы, так как это могло оспорить основы сложившегося политического

²⁶ *Christian B.* A critical evaluation of the behavioral literature // James A., Vincent T. Contemporary Political Thought: Issues and Scope, Value and Direction. N.Y., 1969.

устройства²⁷. Иными словами, критики утверждали, что методологические основания бихевиорализма имеют целью не “объективное” постижение реальности (не производство новых знаний), а “объяснение” реальности в соответствии с существующими представлениями и нормами.

6. Систематизация. Бихевиоралисты утверждали необходимость проведения эмпирических исследований для увеличения и систематизации знания об уже существующих теориях, однако фактически представители поведенческого подхода так и не смогли перейти от эмпирической проверки гипотез к развитию и формированию надежных теорий, описывающих политическое поведение; достижения бихевиоралистов оказались фрагментарными.

7. Изучение политики не может быть “чистой” наукой. С точки зрения критиков бихевиорализма “чисто” научное исследование бесполезно, если оно не может быть использовано для решения существующих социально-политических проблем. За отказ от изучения актуальных социально-политических проблем в пользу выстраивания универсальной теории и получения фундаментальных знаний об объекте сторонники поведенческого анализа обвинялись в социальной безответственности и бегстве в “башню из слоновой кости”²⁸.

8. Возможная потеря идентичности. Критики поведенческого подхода соглашались с тем, что использование знаний и методов из смежных социальных дисциплин может способствовать активному развитию научного знания, однако они обращали внимание на потенциальную опасность размывания идентичности, целостности, а главное независимости политической науки как дисциплины в случае излишнего сближения наук.

60-е гг. XX в. для США были ознаменованы целой чередой политических потрясений: война во Вьетнаме (1965–1975), антивоенные движения (Поход на Пентагон, 1967), студенческие беспорядки (протесты во время съезда Демократической партии США в Чикаго, 1968), восстания афроамериканцев (восстание в Уоттсе, 1965; бунт в Детройте, 1967; беспорядки, последовавшие за убийством М.Л. Кинга, 1968) и коренного населения Америки (инцидент в Вундед-Ни, 1973), “сексуальная революция” и контркультурные движения (Стоунволлское восстание, 1969) и др. Для американских политологов, ранее заявлявших о понимании логики политических процессов американского общества, все эти явления были

²⁷ *Kirn M.E.* Behavioralism, post-behavioralism, and the philosophy of science: two houses, one plagues // *The Review of Politics*. 1977. Vol. 39. N 1. P. 82–102.

²⁸ *Rathore L. S.* The tragedy of political theory // *The Indian Journal of Political Science*. 1990. Vol. 51. N 1. P. 1–14.

полной неожиданностью. Академическое сообщество было вынуждено признать, что происходящие события не вписываются в сформированные его представителями теоретические рамки, поэтому их появление не было предсказано, а их дальнейшее развитие не может быть спрогнозировано.

Исследователи, ранее заявлявшие об открытии универсальных, а главное неизменных закономерностей, столкнулись с трансформацией выявленных ими же взаимосвязей. Социальные характеристики, ранее воспринимавшиеся в качестве детерминант человеческого поведения, все еще сохраняли некоторую привязку к предпочтениям представителей социальных групп, однако направленность этих предпочтений существенно изменилась. Так, в 1960-е гг. дети богатых белых американцев, оплота консерваторов, стали голосовать за демократов, а бедные чернокожие стали оказывать поддержку не демократам, пролоббировавшим для афроамериканцев законы о равных гражданских (1964) и избирательных (1965) правах (политика Д. Кеннеди и Л. Джонсона), а республиканцам (в 1968 г. на президентских выборах победу одерживает республиканец Р. Никсон, а не преемник президента-демократа Л. Джонсона — Х. Хамфри). Объяснительная и прогностическая импотенция политической науки, обнажившаяся на фоне кризисов 1960-х гг., актуализировала потребность в пересмотре положений доминирующей в академическом сообществе исследовательской парадигмы. Результатом научных изысканий в сфере методологических ограничений поведенческого анализа стала модернизация бихевиоралистских принципов и появление пост-бихевиорализма.

Пост-бихевиорализм

Строго говоря, пост-бихевиорализм не является законченной и консолидированной научной парадигмой, он не несет четких исследовательских моделей и включает в свои ряды как непримиримых противников поведенческого подхода в политологии, так и бихевиоралистов-реформаторов (П. Бахрах, К. Бэй, Г. Моргентхау, Т. Лови, Г. Касза). Первым попытку систематизации осевых элементов нового методологического направления вновь произвел Д. Истон. В 1969 г. на 65-м Ежегодном съезде Американской ассоциации политической науки (American Political Science Association) Д. Истон изложил семь методологических нововведений, составивших костяк пост-бихевиорализма²⁹.

²⁹ *Easton D.* The new revolution in political science // *The American Political Science Review.* 1969. N 62. P. 1051–1061.

1. **Сущность/содержание (Substance).** Пост-бихевиорализм провозгласил приоритет содержательной стороны проблемы над методами ее изучения (проблема впереди метода). Для сторонников пост-поведенческого анализа использование строгих и сложных научных методов не является самым важным в исследовании политики, хоть и остается желательным, главное — досконально изучить содержательную сторону проблемы.

2. **Ориентация на социальные изменения.** Уходя от обвинений в защите существующей системы, пост-бихевиорализм выдвинул принцип необходимости преодоления социального консерватизма и устремления к прогрессивному и конструктивному изменению общества. Иными словами, пост-бихевиорализм провозгласил ориентацию на проведение исследований, направленных на улучшение общества, а не на оттачивание методологической безукоризненности.

3. **Реализм.** Компенсируя перегибы поведенческого анализа, пост-бихевиорализм заявил о том, что политологи не должны прятаться в “башню из слоновой кости” и игнорировать остросоциальные проявления человеческого поведения. Поэтому пост-бихевиорализм должен изучать, прежде всего, реальные проблемы, существующие в обществе, и способствовать их решению, и только потом уделять внимание улучшению методов исследования. Данное положение также требовало более пристального внимания к контекстуальным условиям — реальности политического устройства.

4. **Социальная релевантность (уместность).** Еще одним кардинальным разворотом пост-бихевиорализма стала трансформация отношения к релевантности исследований. Согласно воззрениям пост-бихевиоралистов, исследования должны быть направлены на улучшение общества и решение его проблем, а не на выстраивание универсальной теории. Основная задача ученых — улучшение общества и увеличение общего блага.

5. **Ценности.** Пост-бихевиоралисты признали невозможность полного абстрагирования ученого от ценностей³⁰, вследствие чего было решено, что ученый должен руководствоваться исключительно гуманистическими принципами справедливости, равенства, свободы и т.п.

6. **Действия.** Пост-бихевиорализм провозгласил также и принцип социальной ответственности ученых, согласно которому академическое сообщество несет ответственность за процессы, происходя-

³⁰ Singh B.P. The problem of value in the post-behavioural era // The Indian Journal of Political Science. 1986. Vol. 47. N 3. P. 353–365.

щие в обществе. Наличие социальной ответственности вынуждает ученых не только производить исследования во благо общества, но и принимать активное участие в продвижении своих идей в реформировании государственного устройства, так как исследователь несет ответственность не только за качество научной работы, но и за последствия применения его знаний на практике. “Знать — значит нести ответственность за действие, а действовать — значит участвовать в изменении общества. Созерцательная наука была продуктом XIX в., когда существовало широкое моральное согласие. Современная деятельная наука должна отражать существующий конфликт в обществе по поводу идеалов”³¹.

7. Политизация. Положения пост-бихевиорализма обусловили потребность в активном вовлечении академического сообщества в политическую жизнь общества. Имплементация результатов своих исследований требует от ученых активного проникновения в политическую сферу уже не как исследователей, а как политиков.

Фактически пост-бихевиорализм представляет собой умеренную вариацию классического поведенческого анализа³². Принципиальные отличия пост-поведенческого анализа заключаются в 1) потребности сделать исследование политики в большей степени социально релевантным и 2) отказе от тезиса об идеологической непредвзятости исследователей. Увеличение релевантности эмпирических исследований социально-политическим процессам привело к возвращению исследовательского фокуса в реальный мир, что снизило давление эмпиризма и смягчило требования, предъявляемые к выборке и исследовательскому инструментарию. В противовес лозунгу, используемому бихевиоралистами, — “Лучше быть неправильным, чем нечетким”, — сторонники пост-бихевиорализма выдвинули девиз — “Лучше быть нечетким, чем не соответствующим реальной проблеме”. Тем самым пост-бихевиоралисты утверждали, что неточное и соответствующее реальности знание для общества более важно, чем знание точное, но тривиальное. Признание невозможности ценностной нейтральности ученого в свою очередь привело к трансформации роли исследователя в социальной и политической жизни общества, актуализировало необходимость ответственного отношения к конечному результату научно-

³¹ *Easton D.* The political system: an inquiry into the state of political science. N.Y., 1974. P. 325–327 (Цит. по: *Василенко И.А.* Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Учеб. пособ. М., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-7/6.htm> (дата обращения: 27.03.2015).

³² *Easton D.* The future of the postbehavioral phase in political science // *Contemporary Empirical Political Theory* / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley; Los Angeles, 1997. P. 13–46.

исследовательской работы, способствовало укреплению позиций независимых академических сообществ (ассоциаций и саморегулирующихся организаций ученых).

Однако несмотря на переосмысление методологических оснований, бихевиорализм утратил “пальму первенства” в политической науке, пост-бихевиорализму не суждено было стать доминирующим исследовательским подходом³³. Вместе с тем кризис классического поведенческого анализа вызвал импульс, сформировавший в политической науке несколько “новых” методологических подходов. Вдохновленные сначала взлетом, а после и падением бихевиорализма, перенесшего в политологию инодисциплинарное видение политики и естественнонаучный инструментарий психологии и социологии, политологи стали наполнять свой предмет элементами из других наук. При этом изыскания академического сообщества пошли по двум путям: ученые, вдохновившиеся успехами бихевиорализма, стали искать “истину” путем увеличения заимствований из естественнонаучных дисциплин, математизации и квантификации политологии (так возникли системный подход, когнитивная политология, теория рационального выбора)³⁴, а исследователи, указывавшие на методологическую ограниченность бихевиорализма, стали применять к изучению политических явлений новые качественные (нестрогие) методы; в результате движения по этому направлению появились политическая феноменология, политическая герменевтика, коммуникативный подход³⁵.

В заключение стоит несколько слов сказать о современных бихевиоралистах. Современные политологи-бихевиоралисты (Н. Малхотра, Дж. Кросник, Ф. Сциоли, Дж. Дракман, Д. Грин) признают свое нахождение в пост-бихевиоралистской эре и соглашаются с некоторыми критическими замечаниями в адрес используемого ими методологического подхода. Вместе с тем их интерпретации методологических ограничений бихевиорализма не столь жестки.

Потеряв статус представителей доминирующего исследовательского направления, бихевиоралисты более не оспаривают ограниченную социально-политическую релевантность парадигмы, а апеллируют к методологическому плюрализму академического сообщества.

³³ *Dahl R.A.* The behavioral approach in political science: epitaph for a monument to a successful protest // *The American Political Science Review*. 1961. Vol. 55. N 4. P. 763–772.

³⁴ *Ostrom E.* A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: presidential address, American political science association, 1997 // *The American Political Science Review*. 1998. Vol. 92. N 1. P. 1–22; *Ward H.* Rational choice // *Theory and Methods in Political Science* / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

³⁵ *Contemporary empirical political theory* / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley, 1997.

Их объяснения сводятся приблизительно к следующему: действительно, определенные явления не поддаются фиксации при помощи методов, которые употребляются в поведенческом анализе, целый ряд проблем не может быть изучен в рамках классического и пост-бихевиорализма, однако для их изучения существуют иные методологии, использующие другие методы, ничто не мешает ученым использовать другие методологии. В самом деле, бихевиоралисты акцентируют внимание на методах и процедурах исследования в ущерб актуальным политическим вопросам, но ведь кто-то же должен заниматься изучением методов? На то и существует академическое разделение труда. Более того, на фоне вакханалии, сотворенной постмодернистами над идеей объективных методов в социальных науках, обвинения в методологическом консерватизме и занудстве стали восприниматься скорее как комплимент.

Вместе с тем современные бихевиоралисты отмечают, что довольно распространенное представление о том, что поведенческий анализ не исследует психологические переменные, не совсем верно³⁶. С точки зрения апологетов, бихевиорализм маркирует психологические переменные как ненаблюдаемые или как сложно наблюдаемые, но это не означает, что он их не изучает. Психологические переменные всегда представляли интерес для бихевиоралистов, так как именно они являются теми самыми промежуточными между стимулом и реакцией переменными. Поведенческие акты — это наиболее объективный заключительный элемент в цепочке взаимоотношений человека и политического: верование — аттитюд — намерение — поведение³⁷. И хотя бихевиорализм считает, что большую часть элементов в цепи сложно научно изучать, он проводит огромную работу над систематизацией и измерением этих переменных. Результатами работы бихевиоралистов в данном направлении в частности явились книги Г. Алмонда и С. Вербы, А. Кемпбелла, Р. Инглхарта и К. Вельцеля.

Тезис о невозможности сформировать универсальную теорию из наблюдения за людьми бихевиоралисты парируют тем, что ученые недооценили воздействие контекстуальных условий, но в этом видится вина исследователей, а не парадигмы. Систематический поиск эмпирических закономерностей в поведении продолжает оставаться для представителей поведенческого анализа основой фор-

³⁶ *Adcock R.* Interpreting behavioralism // *Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880* / Ed. by R. Adcock, M. Bevir, S. Stimson. Princeton, 2007. P. 180–208.

³⁷ *Fishbein M., Ajzen I.* Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. Reading, 1975.

мирования теорий, проблему и поле для новых исследований они видят в определении того, как поведет себя закономерность при стремительном изменении контекстуальных условий.

По поводу критики слабой прогностической силы поведенческого анализа бихевиоралисты отмечают, что до бихевиористской революции в политической науке не стояло вопроса даже о возможности прогнозирования. Политологи, как правило, занимались тем, что апостериорно рационализировали череду уже произошедших событий и выводили из нее связи³⁸, поэтому слабая прогностическая сила лучше, чем отсутствие оной вовсе. Наряду с этим бихевиоралисты подчеркивают, что значимость поведенческого анализа заключается не столько в его прогностической силе, сколько в успехах в деле выявления возможных последствий событий, уже произошедших или происходящих в данный момент³⁹.

Завершающим аргументом современных бихевиоралистов является указание на распространенность работ, использующих поведенческий анализ в качестве методологического основания. Несмотря на критику бихевиорализм все равно активно используют, критика сняла с бихевиорализма ореол величия, но не создала ему полноценных альтернатив⁴⁰.

Таким образом, в данной работе была рассмотрена история бихевиорализма в политической науке. Был прослежен путь поведенческого анализа от психологической модели до политологической парадигмы, создающей новые исследовательские подходы. Бихевиорализм не только внес в политическую науку новые методы исследования, приблизившие изучение политических процессов к естественнонаучной точности, но еще и задал планку академической щепетильности, трепетного отношения к процессу сбора и обработки данных, формулированию выводов, перевернул существующие представления о том, как должно выглядеть политологическое исследование. И хотя бихевиорализму сильно досталось от всевозможных противников занимаемых им позитивистских позиций, его принципы прочно укрепились в методологических основаниях политологии как дисциплины. Сегодня привнесенный бихевиоралистами в политологию принцип необходимости четкого обоснования используемых методов и строгости в соблюдении ме-

³⁸ *Tagepera R.* Predictive versus postdictive models // *European Political Science*. 2007. N 6. P. 114–123.

³⁹ *Johns R.* Behaviouralism // *The Oxford Handbook of British Politics* / Ed. by M. Flinders, A. Gamble, C. Hay, M. Kenny. Oxford, 2009. P. 92–110.

⁴⁰ *Rose R.* Perspectives on political behavior in time and space // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Ed. by R.J. Dalton, H.D. Klingemann. Oxford, 2007. P. 283–304.

тодик является общепризнанным и общеобязательным для исследователей всех обществоведческих дисциплин, а сам поведенческий анализ и по сей день остается популярным направлением в политической науке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Т.А. Современные политические теории. М., 2001. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=21128> (дата обращения: 27.03.2015).

Василенко И.А. Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия: Уч. пособ. М., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-7/6.htm> (дата обращения: 27.03.2015).

Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М., 2009.

REFERENCES

Adcock R. Interpreting behavioralism // *Modern Political Science: Anglo-American Exchanges since 1880* / Ed. by R. Adcock, M. Bevir, S. Stimson. Princeton, 2007. P. 180–208.

Alekseeva T.A. Sovremennye politicheskie teorii [Modern political theories]. М., 2001. URL: <http://www.mgimo.ru/publications/?id=21128> (data obraschteni-nya: 27.03.2015)) (in Russian).

Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations // *Campbell A. et al. The American Voter*. N.Y., 1960.

Berelson B., Lazarsfeld P., McPhee W. Voting: a study of opinion formation in a presidential campaign. Chicago, 1954.

Berndtson E. Behavioralism: origins of the concept', prepared for presentation at the XVIIth World Congress of the International political science association, August 17–21, 1997 Seoul, Korea. URL: <http://www.mv.helsinki.fi/home/berndtso/behavior.htm> (accessed: 27.03.2015).

Bevir M. Meta-methodology: clearing the underbrush // *The Oxford Handbook of Political Methodology*. Oxford, 2008. P. 48–70.

Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American voter. N.Y., 1960.

Campbell A., Gurin G., Miller W. The voter decides. Evanstone, 1954.

Christian B. A critical evaluation of the behavioral literature // *James A., Vincent T. Contemporary Political Thought: Issues and Scope, Value and Direction*. N.Y., 1969.

Contemporary empirical political theory / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley, 1997.

Dahl R.A. The behavioral approach in political science: epitaph for a monument to a successful protest // *The American Political Science Review*. 1961. Vol. 55. N 4. P. 763–772.

Easton D. Political science in the United States: past and present // *International Political Science Review. Revue internationale de science politique*. 1985. Vol. 6. N 1. P. 133–152.

Easton D. Introduction: the current meaning of behavioralism // Limits of Behavioralism in Political Science / Ed. by J.C. Chatsworth. Philadelphia, 1962. P. 1–25.

Easton D. The current meaning of behaviouralism // Contemporary Political Analysis / Ed. by J.C. Chatsworth. N.Y., 1967.

Easton D. The future of the post-behavioral phase in political science // Contemporary Empirical Political Theory / Ed. by K.R. Monroe. Berkeley; Los Angeles, 1997. P. 13–46.

Easton D. The new revolution in political science // The American Political Science Review. 1969. N 62. P. 1051–1061.

Easton D. The political system: an inquiry into the state of political science. N.Y., 1974.

Eesuola K. Political behavior. Lagos, 2013. URL: http://www.nou.edu.ng/NOUN_OCL/pdf/SASS/POL318%20POLITICAL%20BEHAVIOR.pdf (accessed: 27.03.2015).

Fishbein M., Ajzen I. Belief, attitude, intention, and behavior: an introduction to theory and research. Reading, 1975.

Haass M., Becker L. The behavioural revolution and after // Approaches to the Study of Political Science / Ed. by M. Haas, H. Kariel. San Francisco, 1970.

Johns R. Behaviouralism // The Oxford Handbook of British Politics / Ed. by M. Flinders, A. Gamble, C. Hay, M. Kenny. Oxford; N.Y., 2009. P. 92–110.

Kirn M.E. Behavioralism, post-behavioralism, and the philosophy of science: two houses, one plague // The Review of Politics. 1977. Vol. 39. N 1. P. 82–102.

Kollinz P. Chetyre sociologicheskikh tradicii [Four sociological traditions]. M., 2009 (in Russian).

Lasswell H.D. Politics: who gets what, when, how. Cleveland, 1936.

Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The people's choice: how the voter makes up his mind in a presidential campaign. N.Y., 1944.

Lipset S.M. Political man: the social bases of politics. Garden City; N.Y., 1960.

McClosky H. Consensus and ideology in American politics // The American Political Science Review. 1964. Vol. 58. Iss. 2. P. 361–382.

O'Donohue W., Kitchener R. Handbook of behaviorism. Boston, 1999.

Ostrom E. A behavioral approach to the rational choice theory of collective action: presidential address, American political science association, 1997 // The American Political Science Review. 1998. Vol. 92. N 1. P. 1–22.

Pye L. The behavioral revolution and the remaking of comparative politics // The Oxford Handbook of Contextual Political Analysis / Ed. by R.E. Goodin, Ch.Tilly. Oxford; N.Y., 2006. P. 797–805.

Rathore L.S. The tragedy of political theory // The Indian Journal of Political Science. 1990. Vol. 51. N 1. P. 1–14.

Rose R. Perspectives on political behavior in time and space // The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. Oxford; N.Y., 2007. P. 283–304.

Sanders D. Behaviouralism // Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

Singh B.P. The problem of value in the post-behavioural era // The Indian Journal of Political Science. 1986. Vol. 47. N 3. P. 353–365.

Tagepera R. Predictive versus postdictive models // European Political Science. 2007. N 6. P. 114–123.

Truman D. The impact on political science of the revolution in the behavioral sciences // Research Frontiers in Politics and Government. Washington, 1955.

Vasilenko I.A. Administrativno-gosudarstvennoe upravlenie v stranah Zapada: SShA, Velikobritanija, Francija, Germanija: Uch. posob. [Administrative public administration in the countries of the West: USA, Great Britain, France, Germany: education guidance]. M., 2001. URL: <http://www.bibliotekar.ru/administrativnoe-pravo-7/6.htm> (data oratscheniya: 27.03.2015)) (in Russian).

Wahlke J.C. Pre-behavioralism in political science // The American Political Science Review. 1979. Vol. 73. N 1. P. 9–31.

Ward H. Rational choice // Theory and Methods in Political Science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Houndmills; Basingstoke, 2002.

А.И. Кравченко, докт. социол. наук, проф., ведущий науч. сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ВЫБОР ПРОФЕССИИ КАК СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Kravchenko Albert Ivanovich, doctor of sociology, professor, leading researcher of the Department of history and theory of sociology of the sociological faculty of Moscow State University, e-mail: kravchenkoai@mail.ru

THE OCCUPATIONAL CHOICE AS A SOCIOLOGICAL PHENOMENON: QUESTIONS OF THE THEORY

На разных этапах истории различные виды труда закреплялись за членами общества принудительным или недобровольным способом. Только в рыночном обществе, т.е. при капитализме, способ закрепления труда за работниками приобретает характер почти свободного выбора профессии. На профессиональные предпочтения соискателя влияют не только его потребности, желания, мотивация и личностные качества, но также ситуация на рынке труда и экономическое положение семьи.

В отечественной социологии различают два явления — выбор профессии и профессиональный подбор. Выбор профессии — стихийный индивидуальный процесс поиска рабочего места, характеристики которого соответствовали бы характеристикам личности (склонностям, темпераменту, социальному статусу, месту жительства и т.д.). Профессиональный подбор — целенаправленный отбор одного кандидата среди нескольких претендентов на свободную вакансию, который осуществляется специалистом — сотрудником организации, на основе списка требований, характеризующих данное рабочее место. Социологи нередко пользовались определением, которое предложили психологи. Согласно точке зрения последних, профессиональный подбор — это целенаправленный процесс выбора одного кандидата из группы претендентов на данную должность, кто соответствует требованиям рабочего места по своим личностным качествам.

Профессиональный отбор — это процесс, с помощью которого предприятие или организация выбирает из числа кандидатов одного или нескольких, наилучшим образом подходящих под критерии отбора на вакантное место, принимая во внимание текущие условия окружающей обстановки. Профессиональный выбор, в отличие от профессионального самоопределения (по Е.И. Головахе), — это решение, затрагивающее лишь ближайшую жизненную перспективу школьника. Американский социолог и психолог Дж. Сьюпер считает, что в течение жизни (карьеры)

* Кравченко Альберт Иванович, e-mail: kravchenkoai@mail.ru

человек вынужден совершать множество выборов (сама карьера рассматривается как “чередующиеся выборы”).

Социологу всегда интересно знать, как человек выбирал профессию: шел по стопам родителей, выбирал институт, где был наименьший конкурс или, наоборот, поступал в престижный вуз. Если не удалось пройти конкурс с первого раза, то поступал ли в тот же институт еще раз. Или решил гибко подойти к решению проблемы, не ломать копыя о непрístupную стену и выбрать ту же специальность, но в другом учебном заведении. А может, вообще, после неудачи решил не рисковать и перекинулся на другую профессию.

Выбор профессии и профессиональные ориентации молодежи стали особенно интересовать отечественную социологию в 1960-е гг. Вслед за новосибирскими социологами изучать профессиональные и образовательные ориентации начали социологи Прибалтики во главе с М.Х. Титмой (М.И. Тальюнайте, К.А. Пярна), ленинградские вместе с В.В. Водзинской и В.А. Ядовым, социологи из Свердловска (М.Н. Руткевич, Л.Я. Рубина, Ф.Р. Филиппов), украинские социологи под руководством В.Ф. Черноволенко (В.Л. Оссовский, В.И. Паниотто), а также социологи Белоруссии (В.Н. Тихонов, Я.В. Леверовская), Армении (Джилавян), Таджикистана (Ш. Шоисматулов), Узбекистана (З.Х. Саидов), Туркмении (Г.Н. Джумаева). В 1990-е и 2000-е гг. под руководством Д.Л. Константиновского, В.Н. Шубкина, Ф.Э. Шереги, В.Г. Харчевой, И.М. Козиной проведены серьезные исследования профессиональных ориентаций российских школьников. Полученные данные установили, что притязания учащихся в сфере будущей профессии завышены по сравнению с нуждами общества.

Автор стремится провести четкие границы между выбором профессии как психологическим (внутренняя мотивация) и социологическим (внешняя институционализация) феноменом. Во втором случае на решение человека влияют такие социальные агенты, как значимые другие, и такие социальные факторы, как семейное происхождение, материальный достаток, социальная среда. Важными факторами профессионального выбора являются вакансии на рынке труда, материальное положение семьи происхождения, социально-экономический статус, престиж профессии, возраст, национальные традиции и расовые особенности. В статье проводится разграничение между двумя близкими понятиями — профессиональный выбор и профессиональный подбор.

Ключевые слова: выбор профессии, профессиональный подбор, социальные агенты влияния, значимые другие.

At different stages of the history of various types of labor assigned to the members of the society forced or involuntary manner. Only in a market society, i.e., under capitalism, the process of securing the labor of employees assumes the character almost free occupational choice. On the professional preferences of the applicant affect not only his needs, desires, motivation and personal qualities, but also the situation on the labour market and economic situation of the family.

In the Russian sociology there are two phenomena — the occupational choice and occupational selection. The occupational choice — a spontaneous process of

finding an individual workplace, the characteristics of which would correspond to the characteristics of the person (inclinations, temperament, social status, place of residence, etc.). Occupational selection — purposeful selection of a single candidate among several applicants for vacancies, which is carried out expert — an employee of the organization, on the basis of the list of requirements that characterize a given workplace. Sociologists often use the definition that is offered by psychologists. According to the latest point of view, the occupational selection — a purposeful process of selecting a single candidate from the group of applicants for the position of those persons who meet the requirements of the workplace in their personal qualities.

Occupational selection — the process by which a company or an organization chooses from among the candidates of one or more that best fit under the criteria of selection for the vacant position, taking into account the current environment conditions. The occupational choice, as opposed to professional self-determination (for E.I. Golovakha) — a decision that affects only the near-term student life. American sociologist and psychologist D. Super believes that during the life (career), a person is forced to make a lot of choices (he considered a career as an “alternating elections”).

Sociologist is always interesting to know how a person chooses a profession: walking in the footsteps of their parents, chose institute, where was the least competition or, on the contrary, he acted in a prestigious university. If unable to pass competition from the first contest, he have done in the same institute again. Or he decided flexible approach to solving the problem, not to break the spear of an impenetrable wall and choose the same profession, but in a different school. Or, in general, after the failure he has decided not to risk and spread to another profession.

The occupational choice and professional orientations of young people became the subject of studies by Russian sociologists in the 1960s. Following Novosibirsk sociologists study the professional and educational orientations began Baltic sociologists headed by M.H. Titma (M.I. Talyunayte, K.A. Pyarna), Leningrad with V.V. Vodzinskoy and V.A. Yadov, sociologists from Sverdlovsk (M.N. Rutkevich, L.Ya. Rubina, F.R. Filippov), Ukrainian sociologists led by V.F. Chernovolenko (V.L. Ossovsky, V.I. Paniotto), as well as Belarus sociologists (V.N. Tihonov, Ya.V. Leverovskaya), Armenia (Dzhilavyan), Tajikistan (Sh. Shoismatuloev), Uzbekistan (Z.H. Saidov), Turkmenistan (G.N. Dzhumaeva). In the 1990s and 2000s under the leadership of D.L. Konstantinovskiy, V.N. Shubkin, F.E. Sheregi, V.G. Harcheva, I.M. Kozina conducted serious research professional orientations of Russian schoolchildren. The data found that the claims of the students in future career too high in comparison with the needs of society.

The author seeks to draw clear boundaries between the occupational choice as a psychological (intrinsic motivation) and sociological (external institutionalization) phenomenon. In the second case, the person's decision is influenced by such social agents as significant others, and social factors such as family background, material prosperity, social environment. Important factors of the occupational choice are vacancies in the labor market, the financial situation of the family of origin, socio-economic status, the prestige of the profession, age, na-

tional traditions and racial characteristics. The article distinguishes between two close concepts — occupational choice and professional selection.

Keywords: *occupational choice, professional selection, social agents of influence, significant others.*

Институционализация и мотивация выбора

В социологии различают два явления — выбор профессии и профессиональный подбор. *Выбор профессии* — осознанное или неосознаваемое предпочтение при определении своего места в профессиональной стратификации общества. Если психологи и педагоги трактуют его прежде всего либо исключительно как стихийный и индивидуальный процесс поиска человеком своего рабочего места, параметры которого должны соответствовать характеристикам личности (склонностям, темпераменту, социальному статусу, месту жительства и т.д.), то социологи смотрят на выбор иначе. Самое главное отличие состоит в том, что социологи уходят от интерпретации выбора профессии исключительно как индивидуально-личностного процесса. Выбор совершают за человека не его личные склонности, желания и потребности. Хотя, разумеется, они играют важную роль. Выбор за него совершают: а) социальные обстоятельства (юноше надо кормить семью и он берется за любую работу; в небольшом городке очень узкий рынок труда и выбирать почти не из чего); б) социальные агенты, партнеры, родственники, друзья (круг значимых других) и СМИ. Человеку остается только регистрировать и озвучивать происходящую внутри него и часто не осознаваемую игру разных сил, агентов и факторов. При этом они не просто сталкиваются, противоборствуют, вытесняют или уничтожают друг друга. Сами они между собой ни в какое столкновение входить не могут. Каждый фактор влияния на выбор профессии в нашей голове субъективно оценивается, эмоционально окрашивается, ранжирруется. Мнение родителей в одних случаях перевешивает советы друзей, в других — уступает им. Борьба между этими агентами влияния происходит не только у разных людей с разным исходом, но часто у одного человека в разное время с разным исходом. Иными словами, наше сознание, жизненный опыт, привязанность к близким, доверие или недоверие к социальным агентам конструируют мощное силовое поле выбора, — социальное по своему контексту и функциям, — которое специалисты шифруют как “выбор профессии”.

Профессиональный подбор — целенаправленный отбор одного кандидата среди нескольких претендентов на свободную вакансию, который осуществляется специалистом, сотрудником организации, на основе списка требований, характеризующих данное рабочее

место. Лично от нас здесь мало что зависит. Никакого борения сил во внутреннем поле сознания не происходит. Вы можете, конечно, переживать, пригласят вас на эту должность или нет, но сам процесс отбора кандидатов институционализирован задолго до вашего решения выбрать профессию, формализован множеством инструкцией и правил, наконец, бюрократизирован и просчитан и калькулирован экономическим отделом предприятия. Индивид здесь не ферзь или король, но всего лишь пешка. Это не его игра. В процессе профессионального подбора человек включен совсем в другое поле — макросоциальное и макроэкономическое поле рыночной борьбы и конкуренции. На разных этапах развития человечества виды труда закреплялись за членами общества по-разному и лишь в рыночном обществе, т.е. при капитализме, способ закрепления труда за производителями приобретает характер выбора профессии¹.

В американской социологии изучают то, как на профессиональный выбор прямо или косвенно влияют социальные факторы, в том числе социально-экономическое неравенство и мобильность. В число этих факторов включают профессиональный престиж, социально-экономический статус (SES) родителей, образование родителей, структурные характеристики получаемого образования (школа, колледж, вуз, их престижность, географическое расположение и др.). В социологии социальные факторы перемещаются на передний план, в то время как личностные переменные уходят на второй план (Johnson & Mortimer, 2002). Профессиональный выбор представляет для социологов интерес в качестве контекста для изучения межпоколенной мобильности (продвижение и карьера детей в сравнении с отцами). В круг социологического поиска включают гендер, этническую принадлежность, размер местного сообщества, количество братьев и сестер, особенности семьи происхождения, дискриминацию женщин, расовых и этнических меньшинств, степень доступности образования и рынка труда для представителей различных национальностей, конфессий, классов, формальные и неформальные практики приема на работу, стратегии и модели профессионального роста и др.

Известно, что родителей не выбирают, хотя над выбором профессии люди задумываются уже на протяжении многих тысячелетий. Самое удивительное заключается в том, что в этой области чужие советы практически ничем не помогают. Каждый должен пройти путь профессионального выбора на собственном опыте, пробуя и ошибаясь, мучаясь, сомневаясь и очаровываясь. Выбор

¹ *Титма М.Х.* Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975. С. 2.

профессии для мужчины порой представляется более важным шагом, чем выбор жены. Хотя и женщины подходят сегодня к такому выбору гораздо более ответственно, чем прежде. Правильный выбор профессии — считай, половина успеха в жизни. Легче бывает развестись с женой и найти себе новую, о чем свидетельствует неутешительная статистика разводов, чем сменить профессию. Оно и понятно: для перемены рода деятельности надо заново учиться или переучиваться, заканчивать вуз, поступить в который — при нынешних условиях — почти нереально. А для смены спутника жизни достаточно сходить в загс, подписать нужные документы и поделить имущество.

Социологу всегда интересно знать, как человек выбирал профессию: шел по стопам родителей, выбирал институт, где был наименьший конкурс или, наоборот, поступал в престижный вуз. Если не удалось пройти конкурс с первого раза, то поступал ли в тот же институт еще раз. Или решил гибко подойти к решению проблемы, не ломать копыя о неприступную стену и выбрать ту же специальность, но в другом учебном заведении. А может, вообще, после неудачи решил не рисковать и перекинулся на другую профессию.

Если производительность труда правильно избравшего профессию и выполняющего работу с желанием принять за 100%, то у человека, охотно работающего, но неправильно выбравшего профессию, она будет равняться 50%, а у работающего без желания, да к тому же еще и неправильно выбравшего профессию, — 30%².

Углубление общественного разделения труда увеличивает количество специальностей (число которых сегодня доходит до 40–50 тыс.) и усложняет проблему выбора профессии. Перед человеком, попавшим на рынок труда, открывается широкий выбор сфер профессиональной занятости. Не все они открыты в равной мере, большинство требует наличия определенных способностей и навыков, которыми индивид не обладает, либо трудового опыта, которого он еще не имеет. Ряд профессий недоступен в силу их клановой закрытости, т.е. монополии на определенный вид деятельности со стороны разветвленной системы родства или профессиональной корпорации. Немаловажную роль играют социокультурные и исторические условия. Каждое общество характеризуют присущие только ему уровень специализации труда и каналы трудовой мобильности, формирующие пространство возможных альтернатив. Выбор профессии — не только личное, но и общественное дело. В любом случае это сознательное действие, целерациональный

² Труд как первая жизненная потребность. Минск, 1987. С. 43.

выбор, на который, тем не менее, влияют и такие факторы, которые не поддаются рациональному учету, но определяются действием конъюнктуры или случайного стечения обстоятельств. В частности, Т. Уотсон считает, что решение стать танцовщицей стриптиза “спонтанно, нерационально, случайно и основано на ситуативном давлении и обстоятельствах”³. Важность столь ответственного шага определяется тем, что выбор профессии задает будущую диаграмму жизненного пути: статус, заработок, социальное окружение и круг знакомых, досуг, место жительства, образ жизни.

Выбор профессии — это всегда мотивированное действие. Из множества альтернатив человек останавливается на одной, видимо, самой привлекательной. В терминах теории ожиданий В. Врума⁴, для любого человека в каждый период времени различные профессии обладают различной степенью привлекательности, или валентности. Согласно одной из гипотез, валентность профессии есть монотонно возрастающая функция от алгебраической суммы произведений валентностей ожидаемых результатов (целей жизни, например, высокого социального положения) и полезности этой профессии для достижения таких целей. Иными словами, чем выше цели в жизни ставит индивид, тем выше требования к будущей профессии. Если он стремится стать знаменитым писателем, то специальность столяра и учеба в ПТУ ему никак не подойдут.

Конечно, одного желания занять высокую позицию недостаточно. Важно и то, верит ли в свои силы человек, насколько сильна мотивация добиваться поставленной цели. Вторая гипотеза теории В. Врума гласит: сила, побуждающая индивида выбрать ту или иную профессию, есть монотонно возрастающая функция от произведения валентности (значимости) этой профессии и его ожидания относительно вероятности ее достичь. Многие стремятся быть юристами, но понимают, что шансов у них не так много — то ли не хватает знаний или способностей, то ли недостаточно высокое социальное положение или доход семья. Валентность профессии юриста для таких людей высока, но ожидания, уверенность в ее достижении низки, поэтому они предпочтут выбрать другую, более доступную профессию.

Гораздо в меньшей степени люди стремятся заниматься ремонтом машин, хотя условий у них может быть предостаточно, в том числе унаследованная от отца мастерская. Специальность автослесаря можно приобрести, не прикладывая особых усилий, но она непривлекательна, т.е. имеет низкую валентность. Таким образом,

³ *Watson T.J.* Sociology, work and industry. N.Y., 1995. P. 217.

⁴ *Vroom V.H.* Motivation in management. N.Y., 1965.

конечный выбор профессии — это мультипликативное соотношение двух или нескольких переменных, когда одна стремится к нулю, а другие занимают промежуточные позиции на шкале от 1 до 0.

Выбор профессии является попыткой реализации ощущения собственного “Я”. Стремление к профессиональному успеху и связанные с ним ожидания также зависят от самооценки. Подростки, которые поставили перед собой определенные профессиональные цели, имеют более высокую самооценку, чем те, у кого таких целей нет. Молодость — это время, наиболее благоприятное для выбора профессии и супруга. Прежде чем найти себя и закрепиться в профессии, молодежь должна многое испробовать. Именно поэтому она часто меняет работу и сексуальных партнеров. Выбор ограничивается, если материальное положение молодого человека (либо родителей) затруднительное. Ему приходится бороться за первое попавшееся место, но не супруга. В этом случае средний возраст вступления в брак увеличивается. Когда экономическая ситуация в стране благоприятна, безработица невысока, а численность вступающей в трудоспособный возраст молодежи мала, рабочие успевают перепробовать профессии за более короткое время и раньше закрепиться на рабочем месте. Если безработица велика, закрепление происходит позже. Молодые рабочие Америки сегодня дольше остаются молодыми. Им труднее найти работу, у них выше средний возраст первого брака и средний возраст, когда они рожают первого ребенка.

В 1960–1980-е гг. советские социологи проводили немало исследований, посвященных *выбору профессии*. В круг изучения попали такие вопросы, как привлекательность конкретных профессий, профессиональные ценностные ориентации, мотивы выбора профессии. Под *мотивами выбора профессии* В.В. Водзинская понимала осознанные побуждения в конкретном виде труда реализовать внутренне значимые ценности, в том числе выполнение общественного долга, творчества, материального обеспечения⁵. Ученым удалось выявить “мотивационное ядро”, которое включало четыре фактора: творчество, рост, социальный престиж, заработок. Они служили основным источником перемены места работы, именно их искали люди, переходя с одной работы на другую.

Любопытный эксперимент по профессиональному клирингу провела студентка пятого курса социологического факультета МГУ Л.Ю. Тараненко. Она использовала цветовой метод тестирования Люшера. Испытуемые разделились на две группы: 18 работающих

⁵ Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию (социальные проблемы социалистического промышленного производства). М., 1973. С. 43.

социологов в возрасте от 23 до 62 лет (обследовались в течение 1987–1991 гг.) и 18 студентов четвертого курса социологического факультета в возрасте 20–21 года (обследовались в 1992 г.). Для каждой группы построены профессиограммы — обобщенные психологические портреты. В чем-то они были сходны, а в чем-то различались. Общие черты — любознательность, интерактивность, чувственность, целеустремленность, самостоятельность. Различия работающих и обучающихся социологов были следующие: первые были пессимистичны, замкнуты, озабочены, вторые — оптимистичны, коммуникабельны, беззаботны.

Но интересно вовсе не это. Когда дополнительная группа экспертов выделила 40 способностей/признаков, необходимых профессиональному социологу (самоконтроль, интуиция, любознательность, творческий и аналитический склад, коммуникативность, гибкость, открытость и т.д.), и эти данные сравнили с первыми двумя, то оказалось, что серьезных различий нет. Иначе говоря, по основным параметрам и студенты-социологи, и ученые-социологи соответствуют идеальным стандартам профессии. Конечно, второстепенных различий было множество. Но в главном — сходство. Что же это значит? Это значит, что естественный отбор студентов в университет так же эффективен, как и научный. На социологический факультет подобрались будто по заказу. Но в таком случае нужен ли научный профотбор, если он дает те же результаты, что и стихийный самоотбор.

Каналы информации

Удовлетворенность своим выбором зависит от множества факторов, которые могут быть и не связаны между собой, а потому и плохо контролируемы. Маленький городок или поселок — это всегда очень узкий рынок труда. Да и брачный рынок тоже. Подобрать здесь хорошую работу, как и завидную (-ого) невесту/жениха, крайне трудно. Другим сдерживающим фактором служит наличие подходящих учебных заведений. Ты мечтаешь стать модельером, а в округе кроме кулинарного техникума ничего нет.

К перекосам при выборе профессии приводит недостаточная или искаженная информация о ней. Свою базу данных на будущее подросток, для которого актуален такой выбор, комплектует из самых разных источников — книг, журналов, газет, телепередач, рассказов близких и родных, советов случайных или малознакомых людей, увиденных жизненных ситуаций, объявлений на столбе или на воротах заводской проходной, наконец, из интернета. Ни один из них нельзя признать достоверным, объективным или надеж-

ным источником данных. У каждого свои особенности. Один достаточной полный, но информации в нем так много и она настолько несистематизирована, что кроме “каши” в голове после общения с таким источником ничего не остается. Как уже догадались, речь идет о самом современном канале информации — интернете. Другой источник сообщит такие “интимные” подробности, каких не услышишь ни из какой телепередачи, но он явно субъективен и пристрастен. Подруга может отсоветовать идти в эстрадные певцы, поскольку в этой профессии, по ее словам, “всех пропускают через постель”. Хотя реальность и далека от эмоциональных суждений подружки, основанных то ли на ее неудачном личном опыте, то ли на слухах и сплетнях, полученных от знакомых.

Можно сказать, что ни один канал информации о профессиях не выдерживает испытания на достоверность и объективность. Но самое удивительное кроется в том, что такого канала в принципе существовать не может. Любая информация о любой профессии основана исключительно на личных впечатлениях тех людей, которые заняты ею и видят ее изнутри. А видят люди совершенно разные картины мира. Общими и достоверными могут быть самые общие сведения, проверяемые статистикой, и главное среди них — размер материального вознаграждения. К объективным сведениям можно отнести данные о характере и содержании труда, режиме работы и некоторые другие. Они определены законодательно или сложившейся культурной практикой общества, мало меняются в зависимости от места работы. Скажем, авиадиспетчер или менеджер по продажам, в каком бы городе он ни трудился или в каком учреждении ни состоял на службе, повсюду встретит одни и те же условия занятости. А вот условия труда, например комфортность рабочего места, всевозможные льготы, надбавки и доплаты могут быть совершенно разными на разных местах работы.

В результате недополученных сведений молодой человек, задумывающийся о своем, быть может, самом главном выборе в жизни, на самом деле выбирает не профессию, а место работы. Подобная путаница сводит с ума специалистов, так чего уж говорить о неопытной молодежи?! Кто разберется, что идет от места службы, а что от профессии? В вузе или техникуме учат профессии, а не месту работы.

Реальный выбор профессии предполагает наличие информации как о мире профессий в целом, о возможностях и требованиях каждой из них, так и о себе самом, своих способностях и интересах. Но объективной информации молодежи как раз и не хватает. Недостаток жизненного опыта и некоторая гипертрофия собственного

“Я” формируют завышенный уровень притязаний к профессиям, одни из которых чрезмерно романтизируются, другие — отвергаются с порога: в “хорошей” профессии все хорошо, в “плохой” — все плохо. Людям в возрасте проще — они прекрасно владеют ситуацией и ориентируются в большинстве существующих профессий. Но им уже ничего выбирать не надо. Получается социальная или жизненная несправедливость: когда нужно выбирать самое главное в жизни, информация в дефиците, а когда уже ничего не надо выбирать, человек все обо всем знает. Исход известен — от 30 до 40% людей разочаровываются в избранной специальности на третьем—четвертом курсах, до 50% меняют профессию после окончания вуза или трудятся не по специальности. Аналогичная статистика наблюдается и у той части молодежи, которая не поступила в вуз, а устроилась работать. И она меняет профессии и места работы как в калейдоскопе.

Агенты и факторы влияния

Агентами влияния называются индивиды, группы или институты, оказывающие на принятие окончательного решения либо очень заметное, либо преобладающее воздействие. Агентами влияния при выборе профессии выступают родители, родственники, друзья и знакомые, школа, рынок труда, а факторами, оказывающими такое влияние, — пол, возраст, социальный класс, уровень образования, место жительства, доступность информации о профессиях.

Среди агентов влияния выделяются родители, которые испокон веков оказывали и оказывают ныне решающее влияние в кризисные периоды жизни или в момент решительных поступков. Выбор профессии, несомненно, относится к таковым. С одной стороны, он является решительным моментом, поскольку требует максимальной концентрации силы воли, необходимой для принятия решения, и умения взять на себя повышенную ответственность. С другой стороны, это кризисный период, поскольку протекает в условиях стресса, нервных срывов, аффективных действий, нерешительности, глубоких раздумий и сомнений.

Социальный статус родительской семьи, уровень ее материального благополучия, образование и методы воспитания родителей являются тем фундаментом, с опорой на который происходит планирование жизненной и профессиональной карьеры детей. Однако влияние исходной базы в силу различия между семьями может происходить как в позитивную, так и в негативную сторону. Родители могут научить ребенка, как стать достойным человеком либо как не стоит жить на свете.

Родители оказывают влияние, обучая своей профессии. Эмпирические исследования, проведенные в США, показали, что на профессиональный выбор известных математиков, по их словам, в решающей мере повлияло то обстоятельство, что один из родителей был математиком. В другом исследовании было доказано, что наличие в родне хотя бы одного учителя, оказывает решающее влияние, по заявлениям абитуриентов, на их поступление в педагогический вуз⁶. Примерно 44% сыновей врачей также становятся медиками, а 28% сыновей адвокатов выбирают юридическую карьеру — процент, значительно более высокий, чем при случайном выборе⁷.

В семьях с низким социально-экономическим статусом подростки часто вообще не имеют выбора⁸. В таких семьях родители просто передают свое мастерство детям.

Родители создают ролевые модели, которым следуют дети. Хотя родители могут и не стремиться повлиять на выбор детей, но они делают это своим примером, особенно если дети привязаны к своим родителям. Эмпирические исследования обнаружили закономерность: отцы, являющие собой пример позитивной профессиональной и общей ролевой модели, оказывают наиболее сильное и положительное влияние на выбор их детьми будущей профессии. Несмотря на то что влияние отца на выбор профессии в семьях с низким социально-экономическим статусом не оценивается как положительное (обычно у них или нет достаточно близких отношений с детьми, или они не принимают активного участия в их воспитании, или их занятие не престижно), тем не менее оно бывает довольно значительным⁹.

Как показывает исследование¹⁰, проблема выбора профессии становится актуальной у школьников лишь по мере приближения окончания школы. Хотя уже в 9-х классах значительный процент молодежи обсуждает ее с кем-либо из своего социального окружения. Среди них приоритетную роль играет для 76,1% опрошенных мать, 58,1% обсуждают проблему выбора профессии также с друзьями, 48,8 — с отцом, 29,5% — с кем-либо из родственников и, наконец, последнее, шестое, место по ответам опрошенных занимают

⁶ *Lankard B.A.* Family role in career development // ERIC Digest. 1995. N 164.

⁷ *Conger J.J.* Adolescence and youth. N.Y., 1973.

⁸ *DeRidder L.* The impact of parents and parenting on career development. Knoxville, 1990.

⁹ *Райс Ф.* Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000. С. 535–537.

¹⁰ Исследование проведено в старших (9-, 10-, 11-х) классах средних школ европейской части России и Урала в конце октября 1996 г. и охватило 1750 учеников.

учителя — всего 16,3%. Следовательно, при решении проблем профессионального самоопределения самыми неавторитетными фигурами являются педагоги школы.

Родители направляют, предопределяют или ограничивают выбор своих детей, настаивая на продолжении или прекращении обучения, на определенном вузе или спецшколе, на приобретении такой профессии, которую они считают наиболее выгодной или самой лучшей. Взрослые в подобной ситуации не считаются с интересами или желаниями своих детей, заранее считая их незрелыми и не заслуживающими внимания. Часто получается, что они обрекают своих чад всю жизнь заниматься делом, к которому они совершенно не приспособлены. Зачастую подростки, привыкшие к авторитарному воспитанию, не решаются возражать родителям либо соглашаются с их желаниями, чтобы сделать им приятное или просто оттого, что сами не знают, чего хотят. Поскольку авторитарные методы воспитания чаще практикуются в семьях низшего класса, именно в них родители навязывают детям то, какую профессию тем следует выбрать. Поступая вопреки своим желаниям, дети рабочих испытывают двойную психологическую перегрузку: с одной стороны, они подавлены тем, что им не позволяют реализовать заветную мечту, с другой — испытывают чувство вины перед родителями, когда поступают по-своему и не оправдывают надежд родителей. В авторитарных семьях подростки настолько подавлены, что неспособны отличить своих желаний от желания и воли своих родителей¹¹.

Иногда отец стремится к тому, чтобы его сын приобрел специальность, которой он сам всегда интересовался, но так и не смог ее получить. В этом случае ребенок выполняет функцию агента реализации родительской мечты. Навязывание своей воли может происходить еще и потому, что отец или мать нашли удовлетворение в своей профессии и полагают, что детям она тоже понравится. Отец может оказывать давление посредством денег, или же отправляя сына учиться в суворовское училище, которое некогда окончил сам и с которым у него связаны лучшие воспоминания.

Представители низших классов считают, что иметь высшее образование не обязательно, поскольку они-то прожили без него. Другие родители, не ожидая от своих детей больших успехов или

¹¹ Middleton E.B., Loughhead T.A. Parental influence on career development: an integrative framework for adolescent career counseling // Journal of Career Development. 1993. Spring. Vol. 19. N 3. 161–173; Penick N., Jepsen D. Family functioning and adolescent career development // Career Development Quarterly. 1992. March. Vol. 40. N 4. P. 208–222.

выдающихся талантов, не прилагают усилий к тому, чтобы они поступили в престижную школу или вуз. Так или иначе, но родители ломают судьбу детей, не предоставив им шанса добиться чего-то большего, чем ожидают родители или чего они сами добились. Ограничение возможностей профессионального выбора может служить прямым отражением ограниченности материального уровня родительской семьи или ограниченности родительского кругозора.

В своем исследовании Дж. Мортимер¹² установил, что при ограниченности материальных ресурсов в малообеспеченных семьях деньги на образование и получение приличной профессии родители направляют прежде всего на сыновей, а затем уже — на дочерей. Гендерное неравенство в низшем классе более заметно, чем в других классах. Его усиливает не только практика преимущественных инвестиций в обучение сыновей, но и существующая в среде рабочего класса система стереотипов относительно разделения труда в семье, согласно которым место женщины — у плиты.

На выбор детей оказывает влияние также то, как родители оценивают тот или иной вид деятельности. Однако по результатам одного из исследований, в рамках которого проводилось сравнение оценок различных профессий 322 студентами колледжей и их родителями, ценностные ориентиры детей существенно отличались от родительских¹³. Очевидно, что влияние родителей в современном обществе постепенно ослабевает, а роль других факторов, таких, как средства массовой информации или образование, заметно возрастает.

Влияние родителей тем заметнее, чем больших успехов в жизни они сами добились и чем выше их социальный статус. Исследования показывают, что подросток тем скорее прислушается к мнению матери относительно целей образования, чем выше уровень ее собственного образования. Оно весомее в тех ситуациях, когда осуществляется в демократических, а не в авторитарных формах, когда учитывает в большей степени интересы ребенка, чем интересы самих родителей. Наконец, согласованные действия родителей, когда между отцом и матерью нет конфликта или противостояния интересов, оказывают более заметное воздействие в сфере профессионального выбора детей, чем рассогласованные и противоречивые.

Роль родителей заметно возрастает с повышением социального статуса семьи. В высшем классе явное и латентное (через наследо-

¹² *Mortimer J. et al.* Influences on adolescents vocational development. Berkeley, 1992.

¹³ *Vodanovich S.J., Kramer T.J.* An examination of the work values of parents and their children // *Career Development Quarterly*. 1989. N 37. P. 365–374.

вание крупного состояния, среду общения) влияние родителей очень заметно. Оно несколько ослабляется в среднем классе, в котором меньше имущественных рычагов воздействия на поведение детей и шире распространена практика демократического общения поколений. Наконец, в низшем и рабочем классах роль родителей минимальна. В лучшем случае она эквивалентна влиянию на выбор профессии сверстников и случайных факторов. Подростки из рабочего класса стремятся достичь более высокого статуса, если их в этом поддерживают родители и друзья. Согласно данным исследования, проведенного под руководством Дж. Бахмана, юноши, которые изначально были уверены, что их родители хотят, чтобы после школы они пошли работать, как правило, именно так и поступали¹⁴.

При выборе профессии российские школьники, как и учащиеся СПТУ, на первое место “ставят” (чаще всего) не те профессии, которые они считают “престижными”, а те, которые возможно получить по соображениям “доступности” и “полезности”, т.е. более высокой зарплаты. Например, среди “престижных” профессий профессия программиста не получила и долей процента, тогда как после окончания школы 5,8% юношей и 0,3% девушек не прочь освоить именно эту профессию. Не попали в престижные профессии “педагоги”, которыми хотят стать 4,5% девушек и 0,4% юношей. Аналогичная ситуация и с профессиями медработника, занявшими на шкале “престижа” последнее место, тогда как 4,5% юношей и столько же девушек пойдут в медицинские вузы. Таким образом, молодежь весьма реалистично оценивает свои возможности в выборе профессии. Часто эти возможности выходят на первое место по сравнению с профессиональными интересами и способностями молодых людей¹⁵.

Социо-экономический статус семьи влияет на осведомленность молодых людей о различных профессиях. У родителей, принадлежащих к среднему классу, больше шансов дать своим детям широкую информацию о существующих специальностях, сформировать у них целенаправленный интерес и получить представление о возможностях трудоустройства за пределами родного района. Напротив, подростки из неблагополучных семей обладают более узким профессиональным кругозором, они меньше читают и меньше слышаны о разных профессиях. Ограниченная профессиональная

¹⁴ *Schulenberg J., O'Malley P., Bachman J., Johnston L.* Paths into adulthood, well-being, and substance use // Research Network on the Transitions to Adulthood. 2004. Oct. Iss. 13.

¹⁵ *Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В.* Социология образования: прикладной аспект. М., 1997. С. 18.

осведомленность снижает шансы благополучного трудоустройства на рынке труда. Отечественные социологи отмечают, что малодоходные группы уже на этапе выбора профессии занижают свои потребности, исходя из ограниченных возможностей их реализации.

Местные традиции профессионального выбора, скажем, предпочтение аграрных, пастушеских или ремесленных занятий, оказывают влияние не меньшее либо сопоставимое с воздействием классовой позиции индивида. Немаловажным фактором является также район проживания молодого человека — живет он в городе или в сельской местности. Подростки в городах имеют более широкие возможности, чем сельские жители.

Фактором, определяющим профессиональную карьеру индивида, является возраст начала трудовой деятельности, в общем случае чем он ниже, тем ниже ранг будущей профессии, ее позиции в общественном разделении труда. Дети рабочих, начиная трудиться с 12—14 лет, так и остаются рабочими на всю жизнь. Поскольку сочетать учебу и работу очень сложно или вовсе не удается, подростки не получают базового образования, необходимого для овладения высоко престижной профессией. Чем более интенсивна выполняемая работа, тем менее вероятно, что молодые люди продолжают свое образование. Таким образом, можно сделать вывод, что работа подростков в раннем возрасте может способствовать тому, что некоторые из них в выборе между работой и учебой отдадут предпочтение работе.

Средняя общеобразовательная школа отсеивает слабых учеников, т.е. тех, кто не нацелен на учебу, сбрасывая ненужный груз в профессиональные училища и техникумы, где учится молодежь, которая к усвоению знаний, в том числе профессиональных, абсолютно не тяготеет. В 1990-е гг. “золотая молодежь” успешно завершает 11 класс и стройными рядами направляется в вуз. Не удивительно, что более 70% подростков в 11-м классе однозначно намерены пойти в вуз¹⁶. Образование в профессиональном выборе играло раньше и играет сегодня определяющую роль в обретении первоначально необходимых для работы знаний. В 1971 г. 87,5% опрошенных по общесоюзной выборке школьников намеревались продолжать учебу, 8% — работать, а 4,5% — совмещать работу с учебой¹⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Подмарков В.Г. Введение в промышленную социологию (социальные проблемы социалистического промышленного производства). М., 1973.

¹⁶ Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Указ. соч. С. 18—19.

¹⁷ Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975.

Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб., 2000.
Титма М.Х. Выбор профессии как социальная проблема. М., 1975.
 Труд как первая жизненная потребность. Минск, 1987.
Шереги Ф.Э., Харчева В.Г., Сериков В.В. Социология образования: прикладной аспект. М., 1997.

REFERENCES

- Arulmani G., Van Laar, D., Easton S.* The influence of career beliefs and socioeconomic status on the career decision-making of high school students in India // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2003. N 3. P. 193–204.
- Career choice and development / Ed. by D. Brown. San Francisco, 2002.
- Conger J.J.* Adolescence and youth. N.Y., 1973.
- Creed P. A., Patton W., Prideaux L.* Causal relationship between career indecision and career decision-making self-efficacy: a longitudinal cross-lagged analysis // *Journal of Career Development*. 2006. N 33. P. 47–65.
- DeRidder L.* The impact of parents and parenting on career development. Knoxville, 1990.
- Ford J., Box S.* Sociological theory and occupational choice // *The Sociological Review*. 1967. Nov. Vol. 15. N 3. P. 287–299.
- Ginzberg E., et al.* Occupational choice: an approach to a general theory. N.Y., 1951.
- Inkson K.* Understanding careers: the metaphors of working lives. Thousand Oaks, 2007.
- Johnson M.K., Mortimer J.T.* Career choice and development from a sociological perspective // *Career Choice and Development* / Ed. by D. Brown. San Francisco, 2002. P. 37–81.
- Lankard B.A.* Family role in career development // *ERIC Digest*. 1995. N 164.
- Lent R.W.* A social cognitive view of career development and counseling // *Career Development and Counseling: Putting Theory and Research to Work* / Ed. by S.D. Brown, R.T. Lent. Hoboken, 2005. P. 101–127.
- Middleton E.B., Loughhead T.A.* Parental influence on career development: an integrative framework for adolescent career counseling // *Journal of Career Development*. 1993. Spring. Vol. 19. N 3. P. 161–173.
- Mortimer J. et al.* Influences on adolescents vocational development. Berkeley, 1992.
- O'bryant S.L., Durrett M., Pennebaker J.W.* Developmental and sex differences in occupational preferences // *The Journal of Social Psychology*. 1978. Vol. 106. N 2.
- Penick N., Jepsen D.* Family functioning and adolescent career development // *Career Development Quarterly*. 1992. March. Vol. 40. N 4. P. 208–222.
- Podmarkov V.G.* Vvedenie v promyshlennuju sociologiju (Social'nye problemy socialisticheskogo promyshlennogo proizvodstva) [Introduction to Industrial Sociology (Social problems of socialist industrial production)]. M., 1973 (in Russian).

Rajs F. Psihologija podrostkovo i junosheskogo vozrasta [Psychology of adolescence and youth]. SPb., 2000 (in Russian).

Schulenberg J., O'Malley P., Bachman J., Johnston L. Paths into adulthood, well-being, and substance use // Research Network on the Transitions to Adulthood. 2004. Oct. Iss. 13.

Sheregi F.Je., Harcheva V.G., Serikov V.V. Sociologija obrazovanija: prikladnoj aspekt [Sociology of education: applied aspect]. M., 1997 (in Russian).

Slocum W. L. Some sociological aspects of occupational choice // The American Journal of Economics and Sociology. 1959. Jan. Vol. 18. N 2. P. 139–147.

Smithers A. A structural study of the occupational value orientations of engineering students // The Vocational Aspect of Education. 1969. Vol. 21. N 50.

Super D. E. Vocational development. N.Y., 1957.

Titma M.H. Vybora professii kak social'naja problema [The choice of profession as a social problem]. M., 1975 (in Russian).

Trud kak pervaja zhiznennaja potrebnost' [Work as the first vital need]. Minsk, 1987 (in Russian).

Vodanovich S.J., Kramer T.J. An examination of the work values of parents and their children // Career Development Quarterly. 1989. N 37. P. 365–374.

Vroom V.H. Motivation in management. N.Y., 1965.

Watson T.J. Sociology, work and industry. N.Y., 1995.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Н.Г. Деханова, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

А.В. Маркеева, канд. социол. наук, доц. кафедры социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ В НЕСТАБИЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ (обзор научной конференции)

Dehanova Natal'ya Gennad'evna, candidate of sociology sciences, associate Professor Department of sociology of public administration, Lomonosov Moscow State University, e-mail: ndehanova@mail.ru

Markeeva Anna Valer'evna, candidate of sociology sciences, associate professor Department of sociology of organisations and management, Lomonosov Moscow State University, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

MANAGING SOCIAL CHANGE IN THE TURBULENT ENVIRONMENT (review of the scientific conference)

Материал посвящен итогам проведения Всероссийской научной конференции “Управление социальными изменениями в нестабильных условиях”.

Современные социальные практики ставят вопрос о поисках новых решений в области социальных изменений и роли в этих процессах основных субъектов социальной политики — семьи, организаций, государства. Внешние и внутренние риски обуславливают необходимость исследования адаптационных процессов в управлении социальными изменениями на каждом из уровней социальной политики. При этом необходимо выявление влияния новых факторов на устоявшиеся тренды социальной динамики, выявление новых процессов стратифицированной структуры российского общества.

В качестве главной цели конференции обозначено исследование новых тенденций в управлении социальными процессами, определение трендов развития взаимодействия государства и общества.

Научная конференция посвящена анализу социальных изменений в условиях внешних и внутренних рисков, выработке предложений по стимулированию социальной динамики, исходя из опыта социальных практик Российской Федерации и зарубежных стран.

Ключевые слова: социальные изменения, социальное управление, демографические факторы социальных изменений, организационные изменения, социальное государство.

*Деханова Наталья Геннадьевна, e-mail: ndehanova@mail.ru

**Маркеева Анна Валерьевна, e-mail: anna_markeeva@mail.ru

Current article is dedicated to All-Russian scientific conference “Managing social change in the turbulent environment”.

Modern social unstable environment determine the search for new solutions in managing change. The crucial transformations and changes take place in the main subjects of social life — family organizations and the state. External and internal risks actualize the study of adaptation processes in the management of social change at every level of social policy. It is necessary to identify the impact of new technological, demographic and cultural factors on the established trends of social dynamics.

The main aim of the conference was an identification of new trends in the managing social processes on the base of cooperation between the state, nongovernmental organizations and people. The scientific conference was devoted to the analysis of social change in the conditions of uncertainty and ambiguity. The proposals for optimization of social dynamics will revise the experience of social practices in the Russian Federation and foreign countries.

Keywords: *social change, social politics, social management, demographic factors of social change, the corporate change, the welfare state.*

24 мая 2016 г. на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова прошла Всероссийская научная конференция “Управление социальными изменениями в нестабильных условиях”. Организатором конференции выступил социологический факультет МГУ. Председателем программного комитета конференции стала доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ Надежда Геннадьевна Осипова. Актуальность темы конференции определяется тем фактом, что современные социальные практики ставят вопрос о поисках новых решений в области социальных изменений и роли в этих процессах основных субъектов социальной политики — семьи, организаций, государства. Внешние и внутренние риски обуславливают необходимость исследования адаптационных процессов в управлении социальными изменениями на каждом из уровней социальной политики. При этом необходимо выявление влияния новых факторов на устоявшиеся тренды социальной динамики, выявление новых процессов стратифицированной структуры российского общества. Конференция была направлена не только на диагностику происходящих социальных процессов, но, прежде всего, на обсуждение и выработку предложений по управлению социальными изменениями на основе современного социологического знания, текущих характеристик развития российского общества, анализа социальных практик Российской Федерации и зарубежных стран. В целом работа конференции позволила выявить новые тенденции в управлении социальными процессами, определить тренды развития взаимодействия государства и общества, представить новые данные о факторах социальной динамики. Для обсуждения на конференцию были вынесены следующие вопросы:

- модификация принципов социального государства в условиях нестабильности;
- социальные изменения в организациях: роль новых институтов;
- риски демографических факторов социальных изменений.

Обсуждение обозначенных проблем состоялось в рамках пленарного заседания и трех секций. Тема конференции получила широкий отклик среди преподавателей и научных сотрудников российских вузов и зарубежных вузов: поступило 285 заявок, 190 из которых были отобраны и вошли в программу конференции, среди них представители других государств — Белоруссии, Казахстана, Украины и 15 субъектов Российской Федерации.

Пленарное заседание началось с выступления председателя программного комитета конференции, декана социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доктора социологических наук, профессора Н.Г. Осиповой “Роль социологии в управлении социальными изменениями”. В своем выступлении она подчеркнула важность социологического знания в условиях социальной нестабильности. Особенно роль социологии повышается тогда, когда она основана на принципе участия социологов в общественной функции, т.е. когда социология полноценно выполняет свою практическую функцию. Сегодня социологическое знание еще недостаточно включено в систему управления обществом, соответственно, властные структуры управляют обществом на основе социальной мифологии. Нежелание властей учитывать результаты социологических исследований можно объяснить тем, что социология — это наука критическая. Однако по мнению Н.Г. Осиповой, многие социальные проблемы не всегда обусловлены бездеятельностью властей или их нежеланием учитывать интересы и потребности народа. Корни эффективного взаимодействия общества и власти лежат гораздо глубже. Само общество позволяет власть имущим делать то, что они считают правильным; в нем нет понимания того, что государство должно существовать для народа, а не народ для государства. Для того, чтобы общество стало действительно гражданским, а государство — правовым, необходимо объединение усилий не одного поколения страны. Не последнюю роль в этом процессе должны играть социологи. В первую очередь речь идет об активном включении социологического знания в систему управления обществом, систему управления различными институтами и организациями.

Пленарное заседание продолжилось выступлением доктора социологических наук, профессора, заведующего кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова С.А. Баркова. В своем докладе “Ра-

дость прогресса и счастье дауншифтинга: модерн и постмодерн” он указал, что идея прогресса является одной из важнейших в формировании ценностных ориентаций современной цивилизации, она сконцентрировала и выразила собой саму суть индустриального общества. Постмодернизм резко отреагировал на такую неоднозначную и вместе с тем исключительно влиятельную идеологию эпохи модерна, как прогресс. Постмодернизм сегодня однозначно связывается с отвержением идеи прогресса. Но одно дело философски развенчать категорию прогресса, и совсем другое — найти реальное, практическое применение такому развенчанию. С точки зрения С.А. Баркова, развенчание идеи прогресса связано с появлением и развитием такого социального явления как дауншифтинг. Именно после того, как модерн сделал идею прогресса основополагающей и стал внедрять ее во все сферы жизни людей, могло возникнуть явление, на практике отвергающее такое строение и понимание мира.

В докладе заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора философских наук, профессора А.И. Антонова “Современная динамика населения и приоритеты семейно-демографической политики” внимание присутствующих было сконцентрировано на такой важной социальной проблеме, как массовая малодетность. А.И. Антонов указал, что массовая малодетность является проявлением стандартности, стереотипности, одномерности современного образа жизни и ведет к одинаково низкой рождаемости на всех континентах. Данное явление связано с малодетным образом мыслей и чувств, с внесемейной системой ценностных ориентаций личности, социальных групп и общностей. Именно эта направленность жизненных ценностей диктует реальные результаты семейного поведения — однодетность и двудетность семьи. Представленные в докладе результаты социологических исследований подтверждают рост в России прежде осуждавшихся, а ныне привычных настроений вне-семейности и даже “анти-семьетизма”. В качестве мер, способных остановить глобальное шествие депопуляции в мире, А.И. Антонов указал на необходимость повышения ценности института семьи в обществе, радикальное изменение положения института семьи по отношению к институту государства и другим социальным институтам; создание монетарной поддержки родительства; создание мощной системы поощрения семейности, включая СМИ и искусство.

Доклад профессора кафедры моделирования экономических и информационных систем Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктора экономических наук, профессора И.В. Трегуб “Корпоративные социальные инвестиции как фактор управления трансформацией организаций” был посвя-

щен развитию корпоративной социальной ответственности (КСО) в российском бизнесе. И.В. Трегуб было указано, что у российских компаний растет потребность в анализе и оценке социальных инвестиций, которые являются основной формой выражения социальной ответственности компаний. Особое значение социальные инвестиции приобретают для нефтегазовых компаний, деятельность которых оказывает существенное влияние на окружающую среду и местное сообщество, а реализация проектов по добыче ископаемых сопровождается высокими рисками реализации. Присутствующим была представлена авторская модель оценки социальных инвестиций на примере ОАО “Лукойл”, которая может быть использована предприятиями других сфер деятельности для прогнозирования величины бизнес эффекта в зависимости от изменения объема социальных инвестиций.

Завершилось пленарное заседание докладом заведующего кафедрой социологии государственного управления социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженного работника высшей школы РФ, кандидата экономических наук, доцента В.П. Васильева “Государственное управление: социальные цели реформирования”, который был посвящен вопросам эффективности созданной в России социально-экономической системы и способности государственных органов управления своевременно и адекватно реагировать на современные вызовы. Докладчик подчеркнул, что в связи с кризисной ситуацией в России практически перестали действовать официальные концепции 2020 и прогноз социально-экономического развития России до 2030. В выступлении было отмечено, что вопрос не должен сводиться к проблеме замены нефти и газа во внешней торговле на другие товары или масштабной денежной эмиссии и раздаче денег под низкий процент, введению государственного программирования, а касается, прежде всего, выстраивания системы социальных целей, от реализации которых зависит экономическое развитие. В выступлении В.П. Васильева был сделан акцент на двух основополагающих целях для современной России — формировании адекватной развитому обществу социальной структуры и форсированным мерам по развитию человеческого капитала.

После пленарного заседания конференция продолжилась работой секций. На заседании секции “Государственное управление: реализация принципов социального государства” присутствовали 40 преподавателей, научных сотрудников и магистрантов российских и зарубежных вузов, было заслушано 11 докладов. Тематика докладов секции была посвящена широкому кругу вопросов: социальной политике Российского государства в условиях кризиса,

региональным системам социальной защиты в условиях нестабильности, влиянию экономического кризиса на уровень жизни населения и др.

Так, в докладе доктора экономических наук, профессора, заместителя директора ИСПЭН РАН О.А. Александровой “Экономическая и идейная десуверенизация как угроза социальному государству” констатировалась интенсификация секвестирования социальных расходов в современной России, оптимизация сети учреждений социальной сферы, сокращение социальных гарантий, т.е. следование курсу на сворачивание социального государства в прежних объемах. Докладчик акцентировала внимание собравшихся на доминировании неолиберальной парадигмы, в рамках которой социальные расходы выступают антагонистами экономического роста. Притом, что с опорой на данные международных сравнительных исследований западные же оппоненты такого подхода убедительно доказывают, что критичным является не масштаб государственных расходов на социальную сферу, а характер и организация системы социального обеспечения — ее способность создавать массовый платежеспособный спрос и обеспечивать национальных производителей высокопроизводительной рабочей силой.

Проблеме эффективности государственного управления, а именно ресурсному потенциалу “человеческого капитала”, “интеллектуального капитала”, “социального капитала”, ядром которого является “социальное доверие”, определяющее качество социальных связей, на межличностном и институциональном уровнях, взаимное доверие общества и различных структур власти, социальных институтов, устойчивость экономического развития был посвящен доклад доктора социологических наук, профессора Н.Р. Маликовой (ВШСН МГУ).

Тематику взаимодействия социальных институтов для решения социальных проблем продолжила кандидат экономических наук, доцент Донецкого национального университета Е.Г. Кошелева. В своем докладе “Социальная безопасность как результат взаимодействия государства и субъектов бизнеса” она подчеркнула, что социальная безопасность — комплексное понятие, которое является, с одной стороны, целью управления в рамках реализации принципов социального государства, а с другой — результатом реализации принципов социальной ответственности бизнеса и залогом долгосрочных и взаимовыгодных отношений с нанятыми работниками.

В выступлении зав. лабораторией Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ Е.Е. Гришиной “Влияние экономического кризиса на уровень жизни населе-

ния” на основе данных социологических исследований и Росстата был сделан вывод об устойчивом снижении реальных располагаемых денежных доходов населения, реальной заработной платы и реального размера назначенных пенсий с ноября 2014 по декабрь 2015 г. Докладчик полагает, что при затяжном характере кризиса существенного роста бедности можно избежать лишь при переходе к адресной социальной поддержке, предоставляемой с учетом нуждаемости, что позволит увеличить размер социальных выплат наименее обеспеченным получателям, а также при реализации мер по поддержке занятости для лиц, испытывающих трудности при трудоустройстве.

Тема преодоления бедности и социальной защиты населения была продолжена в выступлениях кандидата социологических наук, старшего научного сотрудника Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ Е.А. Цацур “Региональные системы социальной защиты: принятие решений в условиях нестабильности”, кандидата экономических наук, доцента НИУ ВШЭ Н.И. Кутеповой “Социальное государство в условиях кризиса: обуза для госбюджета или условие экономического роста?” и кандидата социологических наук, доцента ИСПИ РАН И.С. Шушпановой “Право российских граждан на жилище в практиках социального государства”.

В рамках обозначенной проблематики секции, однако, несколько в другом ракурсе, был представлен доклад доктора социологических наук, профессора РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал) Н.А. Романович “Иерархия прав и свобод в глазах населения”, посвященный результатам социологического опроса относительно значимости для населения отдельных гарантий, закрепленных в Конституции РФ.

В работе секции “Институциональная трансформация организаций” приняли участие 38 преподавателей, научных сотрудников и магистрантов российских вузов. Открытие секции началось с приветственного слова руководителя секции, доктора социологических наук, профессора, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ С.А. Баркова.

В ходе заседания секции были заслушаны и обсуждены 11 докладов участников, посвященных широкому спектру актуальных для современной социологической науки тем исследований, связанных с трансформацией современных организаций, институциональными преобразованиями и эффективности институциональных трансформаций в сложившихся социально-экономических условиях.

Оживленную дискуссию вызвал доклад профессоров А.Ю. Афонина и В.И. Добренькова “Инновационное развитие: лучший ми-

ровой опыт коммерциализации интеллектуальной собственности”, посвященный определению эффективных инструментов поддержки творческой инициативы, механизмам материальной и нематериальной поддержки новаторства, изобретательства и рационализаторства в современной России. Авторы доклада проанализировали мировой опыт поддержки инновационных проектов, выявили текущие проблемы законодательного, экономического и социально-культурного порядка, препятствующие инновационному развитию в России, а также указали на необходимость создания институтов поддержки инновационной идеи на начальном этапе (посевной стадии), среди которых особое место отводится институтам бизнес-ангелов или посевных инвесторов. Особое внимание в докладе было уделено высшим учебным заведениям и их роли в создании инновационной среды, в частности проекту технологической долины “Воробьевы горы” МГУ имени М.В. Ломоносова. Авторы констатировали, что более масштабное развитие вузовских и региональных офисов коммерциализации технологий, патентно-лицензионных служб в вузах будет не только способствовать правовой защите объектов интеллектуальной собственности, но и выступит “шлюзом” между наукой и промышленностью при коммерциализации результатов научно-технической деятельности. В заключении доклада была подчеркнута важность включения социологических знаний в инновационное развитие организаций, создание благоприятной инновационной экосистемы для раскрытия творческого потенциала общества. В этой связи актуальными становятся концептуальное осмысление мирового опыта и разработка собственных механизмов поддержки рационализаторства и изобретательства, так как практика показывает, что заимствование и подражание даже самым эффективным инновационным системам мало что дают социально-политическим институтам и национальным экономикам.

Тема формирования инновационной экономики в России была продолжена доцентом НГТУ А.А. Алетдиновой. В докладе “Развитие новых форм обеспечения продвижения социальных проектов в сетевой экономике” она обратила внимание собравшихся на то, что построение социально-ориентированной рыночной экономики, переход на инновационный путь развития невозможны без активного развития новых форм взаимодействия при формировании и реализации как коммерческих, так и социальных проектов. Докладчик представила результаты авторского социологического исследования, посвященного использованию социальной технологии краудсорсинга для продвижения социальных проектов. А.А. Алетдинова выделила факторы, от которых зависит успешность применения краудсорсинга для продвижения социальных проектов, в частно-

сти, установлена зависимость успешности привлечения денежных средств посредством краудфандинга от качества оформления проекта, категории, к которой принадлежит социальный проект, планируемой длительности проекта; также был представлен социальный портрет участников краудсорсинговых проектов.

Ведущий научный сотрудник социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.М. Долгоруков в своем выступлении “Эффективность власти и институциональные преобразования” задал новый вектор дискуссии на секции. Его выступление затронуло вопрос институциональных изменений как сложного процесса изменений в правилах, неформальных ограничениях, а также “в способах и эффективности принуждения” к исполнению правил и ограничений. Было отмечено, что в основании успешных организационных изменений на институциональном уровне лежит эффективность власти, которая определяется целым рядом факторов, “сплетенных” в довольно сложную структуру. Прежде всего, по мнению автора доклада, эффективность власти определяется ее способностью влиять без применения прямого насилия. Не менее важным является и то, что от высшего руководства и сложившейся культуры часто зависит, какие политики станут явными, а какие уйдут в “тень”, структура карьеры, “правила игры”, а также механизмы выработки и принятия управленческих решений.

Тема эффективности государственной власти была продолжена в выступлении кандидата социологических наук, доцента кафедры социологии и философии СмолГУ С.Н. Макарова «Особенности категории “руководство” при осуществлении внутриорганизационного управления в органах государственной власти». С.Н. Макаров указал, что государственное управление находится в зависимости от качества его ресурсной базы, необходимой для оптимального взаимодействия государства с институтами гражданского общества. Это выводит анализ специфики государственного управления на новый уровень — изучения внутриорганизационных взаимодействий, что необходимо для реализации управленческой деятельности института государства. Особый акцент в выступлении был сделан на том, что для эффективного использования мотивационных ресурсов в государственном управлении важной составляющей является совпадение индивидуальных мотивационных ресурсов с социальными ожиданиями целевых аудиторий. Выводы и основные положения доклада были проиллюстрированы результатами социологических исследований автора по данной проблематике.

Л.М. Злотникова, доцент Белорусского торгово-экономического университета сконцентрировала внимание участников секции на таком важном аспекте современных институциональных преобра-

зований, как социализация человека. По мнению докладчика, новшества в современном мире часто представлены радикальными изменениями принципов, структур и форм. Реформаторская методология, внедряя поведенческий индивидуализм, стимулирует максимальное получение выгоды. Это привело к тому, что несколько десятилетий активно насаждается политика второстепенности и подчиненности социализации человека. В результате общество получило систему латентных противоречий между экономическим индивидуализмом и объективно существующими тенденциями объединения. Поляризация индивидуализма и общности усугубляется господствующей идеологией экономического роста. Увлеченность экономическим ростом проявляется в нарастании глобальных, континентальных, местных и личностных проблем. Важнейшей глобальной проблемой признано социальное и экономическое неравенство. Использование экономических механизмов для его смягчения, как справедливо отмечает автор доклада, не приносит результатов.

Важнейшим институтом социализации человека была и останется система образования. Но в ней сегодня остро проявляются противоречия между требованиями времени, методами обучения и ролью в социализации человека. Длительное господство традиционного мышления привело к ускоренной диверсификации и узкой специализации в образовании, нацеленности на удовлетворение сиюминутных потребностей материального производства. В то же время тенденции развития цивилизации убедительно демонстрируют необходимость формирования социального человека, а не упрощенного фактора производства.

И.С. Шушпанова, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН в докладе “Потенциал гражданского общества” представила результаты мониторингового исследования, направленного на выявление факторов развития гражданского общества в России. Авторским коллективом Центра был разработан Индекс гражданского потенциала общества, измеряемый с помощью семи социологических индикаторов. В совокупности своих базисных фундаментальных признаков этот индекс показывает величину сущностного ядра функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества. Вокруг этого сущностного ядра, по мнению разработчиков методики, можно выделить, наблюдать и измерять другие характеристики, стороны жизнедеятельности гражданского общества. В докладе была представлена четырехуровневая модель, включающая индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе, индекс

выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом, индекс обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина, индекс мнений граждан о развитии гражданского общества. Представленные данные о динамике индексов позволяют, по мнению И.С. Шушпановой, утверждать, что российское гражданское общество постепенно расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны и составляют 75,2%.

Доклад Е.А. Когай, доктора философских наук, профессора, зав. кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета “Тренды гражданского участия социально-ориентированных НКО Центрального Черноземья” был посвящен гражданским инициативам, выступающим важнейшим элементом “социального капитала”, задающим импульс развитию общества. Автором было указано, что социальная сфера выступает наиболее емкой областью, в которой находит свое проявление гражданский сектор. В современной России данный сектор постепенно захватывает все новые ниши, которые ранее были закреплены за государством, тем самым постепенно осуществляя институциональную трансформацию социальной сферы. Е.А. Когай на основе серии авторских исследований были выявлены тренды гражданского участия социально-ориентированных НКО регионов Центрального Черноземья, среди которых наиболее важными являются нацеленность на решение проблем духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан, активная фиксация представителями гражданского общества Центрального Черноземья проблем социально-экологического характера, усиление работы НКО по защите социально незащищенных групп населения. Еще одним трендом гражданской активности социально-ориентированных НКО является расширение сферы добровольчества и волонтерства. Исследование 2015 г. в Курской области продемонстрировало высокую степень готовности граждан региона к участию в благотворительной деятельности, а также весомый уровень доверия к благотворительным организациям, что является свидетельством значительного укрепления позиции сферы добровольчества и благотворительности на фоне нарастающих социальных и экономических проблем. В то же время Е.А. Когай отметила, что проявление гражданского активизма на уровне НКО, а тем более на уровне отдельных граждан Центрального Черноземья в настоящее время не соответствует вызовам современности. Соответственно, перед общественными организациями макрорегиона, в том числе и перед региональными Общественными палатами, стоят задачи повышения эффективности деятельности общественных организаций через совершенство-

вание методов и форм деятельности, достижения большей открытости, повышения профессионализма, активного рекрутирования в общественную деятельность энергичных, профессионально ответственных граждан. И очень важно, чтобы при этом в общественных организациях не получили широкого распространения имитационные практики, столь массово используемые сегодня в государственном и муниципальном управлении и тормозящие реальное осуществление институциональных изменений в российских регионах.

В работе секции “Демографические факторы социальных изменений” приняли участие 25 человек, было заслушано 10 докладов.

Актуальную для современного общества тему поднял в своем выступлении “Демографические последствия стремления к личной независимости” доктор социологических наук, доцент А.Б. Синельников (социологический факультет МГУ). Докладчик приходит к вполне обоснованному выводу, что современное российское общество может позволить себе лишь минимальный уровень безбрачия и бездетности, так как в нашей стране очень мало многодетных семей, которые являются как бы демографическим противовесом для тех, у кого детей нет. Но приходится признать, что даже среди демографов есть люди, считающие эти социальные нормы насилием общества над личностью и нарушением прав человека, в число которых они включают право на безбрачие и бездетность. Однако если поставить демократические критерии прав человека и свободы личности выше демографического критерия выживания общества, то оно совершит демографическое самоубийство и пользоваться правами человека будет некому.

Тема социальных последствий демографического кризиса в современной России была продолжена в выступлении доктора социологических наук, профессора РГПУ им. Герцена М.Б. Глотова “Изменение в системе образования в условиях современной демографической ситуации”. Сложившаяся современная демографическая ситуация в России ставит перед государственной системой образования ряд важных проблем. Эти проблемы касаются учащихся всех ступеней образования. Особенно остро в связи с демографическим кризисом в России встала проблема образования в сельской местности, полагает М.Б. Глов.

Доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД РФ А.В. Носкова в своем докладе “Гендерные уязвимости: гуманистический поворот в исследованиях народонаселения” констатирует потребность в новом подходе к анализу гендерной проблемы — “гуманистическом повороте” в исследованиях народонаселения.

Подобный взгляд на проблему особенно востребован в условиях нашей страны, где проблема гендерных уязвимостей (и мужских, и женских) стоит остро и влияет как на демографическую ситуацию, так и на показатели индивидуального благополучия россиян.

В ходе заседания секции была затронута и приобретающая все большую актуальность тема миграции. В частности, ей был посвящен доклад кандидата политических наук, доцента Сибирского института управления (филиала РАНХиГС при Президенте РФ) Е.В. Шевцовой “Миграция и социальные сдвиги в восприятии мигрантов”.

Секции запомнились не только содержательными докладами, но и яркими дискуссиями о проблемах управления социальными изменениями в условиях нарастающей нестабильности внешней среды. Помимо прочего смысл дискуссий сводился к тому, что необходимо не только всесторонне исследовать социальные изменения, выявлять актуальные тренды их развития, но и более активно внедрять мнения экспертов, социологов в повестку дня, ведь без осознания руководителями различных уровней управления необходимости выработки эффективных, адекватных современным запросам инструментов, методов и технологий управления социальными изменениями, общество рискует быть втянутым в водоворот целого ряда кризисов.

Разумеется, обсуждение не позволило найти ясных и однозначных решений поставленных проблем. Однако само внимание представителей научного сообщества к этой проблематике, готовность вступать в диалог и находить общие подходы вселяет некоторую надежду на лучшее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десуверенизации // Народонаселение. 2015. № 4. (70).

Антонов А.И. Демография в эру депопуляции // Демографические исследования. № 1. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=78 (дата обращения: 20.04.2016).

Антонов А.И., Борисов В.А. Лекции по демографии: Уч. для вузов. М., 2011.

Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. М., 2014.

Барков С.А. Социальное неравенство и проблема принципала-агента // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2.

Барков С.А., Зубков В.М. Социология организаций: Уч. пособ. М., 2015.

Васильев В.П. Целевые ориентиры социальной политики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 3.

Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Государственное управление: Уч. пособ. М., 2010.

Вершинина И.А., Маркеева А.В. Трансформация рынка труда глобальных городов и ее социальные последствия // Теория и практика общественного развития. 2015. № 14.

Викторов А.Ш. Особенности демографических процессов в современном обществе в контексте социального воспроизводства населения // Ежегодник "Россия: тенденции и перспективы развития". Вып. 11. Ч. 1. М., 2016.

Гавриленко О.В. Россия между западом и востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 3.

Горшков В.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. № 7.

Деханов С.А., Деханова Н.Г. О некоторых междисциплинарных аспектах понимания справедливости // Социально-политические науки. 2016. № 4.

Исследование Всемирного банка: В 2014 году Россия переживает экономический спад и кризис доверия // Центр гуманитарных технологий. 2014.04.04. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/04/6683/> (дата обращения: 27.01.2015).

Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009).

Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // Социологические исследования. 2014. № 7.

Леденева В.Ю. Международная образовательная миграция в России: потенциал и перспективы // Социология образования. 2014. № 3.

Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындык А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27).

Новосёлова Е.А. Демографические, социальные и экономические аспекты пенсионного возраста в России // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 4.

Нортон Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.

Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8.

Осинова Н.Г. Прошлые, настоящее и будущее теоретической социологии в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 2.

Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. 2015. № 4.

Трансформация общества и проблемы управления: Коллективная монография / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. М., 2012.

Трегуб И.В. Оценка эффективности социальных инвестиций с применением корреляционно-регрессионного анализа // *Управленческие науки*. 2014. № 4.

Управление социальными изменениями в нестабильных условиях // *Сборник материалов Всероссийской научной конференции*. М., 2016.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию. М., 2004.

REFERENCES

Aleksandrova O.A. Social'naja politika v uslovijah social'no-jekonomicheskoi i idejnoi desuverenizacii // *Narodonaselenie*. 2015. N 4 (70).

Antonov A.I. Demografija v jeru depopuljacii // *Demograficheskie issledovanija*. N 1. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=78 (data obrashhenija: 20.04.2016).

Antonov A.I., Borisov V.A. Lekcii po demografii: Uchebnik dlja vuzov. M., 2011.

Auzan A. Jekonomika vsego. Kak instituty opredel'ajut nashu zhizn'. M., 2014.

Barkov S.A. Social'noe neravenstvo i problema principala-agenta // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. 2014. N 2.

Barkov S.A., Zubkov V.M. Sociologija organizacij: Ucheb. posobie. M., 2015.

Dehanov S.A., Dehanova N.G. O nekotoryh mezhdisciplinarnyh aspektah ponimaniya spravedlivosti // *Social'no-politicheskie nauki*. 2016. N 4.

Fukujama F. Doverie: social'nye dobrodeteli i puti k procvetanju. M., 2004.

Gavrilenko O.V. Rossija mezhdz zapadom i vostokom: organizacija, kul'tura, praktiki upravlenija i otnoshenija neravenstva // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. 2014. N 3.

Gorshkov V.K. Obshhestvennye neravenstva kak ob#ekt sociologicheskogo analiza // *Sociologicheskie issledovanija*. 2014. N 7.

Human development report 2015 // URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GDI> (accessed: 09.04.2016).

Issledovanie Vsemirnogo banka: V 2014 godu Rossija perezhivaet jekonomicheskij spad i krizis doverija // *Centr gumanitarnyh tehnologij*. 2014.04.04. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/04/6683/> (data obrashhenija: 27.01.2015).

Koncepcija dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 17.11.2008 № 1662-r (red. ot 08.08.2009).

Ledenjova V.Ju. Mezhdunarodnaja obrazovatel'naja migracija v Rossii: potencial i perspektivy // *Sociologija obrazovanija*. 2014. N 3.

Levashov V.K. Social'noe gosudarstvo: istoricheskij genezis i dinamika stanovlenija v Rossii // *Sociologicheskie issledovanija*. 2014. N 7.

Maleva T.M., Burdjak A.Ja., Tyndik A.O. Srednie klassy na razlichnyh jetapah zhiznennogo puti // *Zhurnal Novoj jekonomicheskoi associacii*. 2015. N 3 (27).

Managing Social Change in the Turbulent Environment: All-Rissian scientific conference; May, 24, 2016, Moscow, MSU, Faculty of sociology: materials of the All-Rissian scientific conference / Under the general editorship of V.P. Vasiliev. M., 2016. URL.: <http://ww.socio.msu.ru/index.php/научная-жизнь/>

managing-social-change-in-the-turbulent-environment (data obratcscheniya: 21.06.2016).

Norton D. Instituty, institucional'nye izmenenija i funkcionirovanie jekonomiki. M., 1997.

Noskova A.V. Social'nye aspekty reshenija demograficheskoy problemy nizkoj rozhdaemosti // Sociologicheskie issledovanija. 2012. N 8.

Novosjolova E.A. Demograficheskie, social'nye i jekonomicheskie aspekty pensionnogo vozrasta v Rossii // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2016. N 4.

Osipova N.G. Proshloe, nastojashhee i budushhee teoreticheskoy sociologii v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2015. N 2.

Sinel'nikov A.B. Supruzhestvo, otcovstvo i materinstvo v rossijskom obshhestve // Sociologicheskij zhurnal. 2015. N 4.

Transformacija obshhestva i problemy upravlenija: Kollektivnaja monografija / Pod red. S.A. Barkova, V.I. Zubkova. M., 2012.

Tregub I.V. Ocenka jeffektivnosti social'nyh investicij s primeneniem korreljacionno-regressionnogo analiza // Upravlencheskie nauki. 2014. N 4.

Upravlenie social'nymi izmenenijami v nestabil'nyh uslovijah / Sbornik materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii. M., 2016.

Vasil'ev V.P. Celevye orientiry social'noj politiki // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. 2015. N 3.

Vasil'ev V.P., Dehanova N.G., Holodenko Ju.A. Gosudarstvennoe upravlenie: Uch. posob. M., 2010.

Vershinina I.A., Markeeva A.V. Transformacija rynka truda global'nyh gorodov i ee social'nye posledstvija // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. 2015. N 14.

Viktorov A.Sh. Osobennosti demograficheskikh processov v sovremennom obshhestve v kontekste social'nogo vosproizvodstva naselenija // Ezhegodnik "Rossija: tendencii i perspektivy razvitija". Vyp. 11. Ch. 1. M., 2016.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

М.Е. Попов, докт. филос. наук, проф. кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК СПОСОБ КОНСТРУКТИВНОГО РАЗРЕШЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ: СЕВЕРОКАВКАЗСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Popov Maxim Evgenievich, professor of department of social philosophy and ethnology North Caucasus Federal University, e-mail: maximus.popov@gmail.com

SOCIOCULTURAL INTEGRATION AS A TOOL FOR CONSTRUCTIVE CONFLICT RESOLUTION: THE CASE OF THE NORTH CAUCASUS

Цель исследования — анализ социокультурной интеграции как способа разрешения региональных этнических конфликтов. В статье акцентируется внимание на исследовании потенциала социокультурной интеграции относительно деэскалации этнической напряженности и трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конфликты интересов. Социокультурная интеграция — макросоциальный процесс формирования справедливого общества на основе принципов конфликтной деэскалации, инклюзии, борьбы с дискриминацией, толерантности, социального равенства, сплоченности и солидарности. Автор рассматривает факторы региональных конфликтов и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности. В качестве структурных условий роста этнической напряженности и ее перерастания в деструктивные конфликты идентичностей выступают социальные неравенства, экономическая поляризация. Основным источником конфликтов идентичностей на Северном Кавказе — противоречия между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Регионализация в этом случае приобретает выраженный конфликтно-генный характер: специфика региональных конфликтов обусловлена противоречием между статичными (традиционализация) и динамичными (модернизация) типами социального воспроизводства. Эскалация насилия в этнорегиональных конфликтах детерминирована интенсивностью и масштабами этнической мобилизации и социальной неудовлетворенности, выступающими необходимыми условиями открытого столкновения. Региональные конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и групповые идентичности, поэтому участники эмо-

* **Попов Максим Евгеньевич**, e-mail: maximus.popov@gmail.com

** Статья подготовлена в рамках проекта “Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе”, Грант Президента МД-7429.2015.6.

ционально вовлечены в идентификационные конфликты; в силу эмоциональной заряженности и иррациональности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: политизация этничности и негативные культурные стереотипы в восприятии “других” играют ключевую роль в инициации таких конфликтов. При обсуждении антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция — это макрополитический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость и невозможность ориентации на изоляционизм и культурную исключительность той или иной этносоциальной системы. Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, может быть преодолена целенаправленным конструированием интеграционной идентичности, культивированием плюрализма и толерантности. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах гражданской солидарности и межэтнического сотрудничества. Интеграционные задачи обеспечения региональной безопасности и преодоления этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме — конфликтов идентичностей — носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения — упреждающего воздействия на конфликтную среду путем структурных решений региональных проблем, трансформации и рационализации этнических противоречий.

Ключевые слова: социокультурная интеграция, региональные конфликты, этнические конфликты, конфликты идентичностей, этническая напряженность, политизация этничности, разрешение конфликтов, Северный Кавказ.

The paper is devoted to research of sociocultural integration as a tool for resolving regional conflicts. The modern theory of conflict resolution focuses on the ability of the sociocultural integration in the transformation of destructive identity-based conflicts into conflicts of interest. The author considers the systemic factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Ethnic mobilization, social inequalities, economic polarization and civic identity crisis are structural factors that determine the acuity of ethnic tension and escalation of regional identity conflicts as a result. Contradictions between the modernization system and social disintegration are the primary source of identity conflicts in the North Caucasus. Regionalization takes conflictogenic form in this case, i.e. the specifics of regional conflicts is associated with a conflict of static (traditionalization) and dynamic (modernization) types of social propagation. Structurally, escalation of violence in regional conflicts is determined by the intensity and scope of ethnic mobilization and social dissatisfaction as necessary conditions of a collision. Regional conflicts affect existentially meaningful collective values and group identities, that is why the participants

are involved emotionally into identification conflicts; due to their emotional charge and irrationality, identity conflicts are no longer a means of overcoming social frustrations, but a destructive goal in itself, i.e. ethnicity polarization and negative cultural stereotypes in perceiving “the others” play a key role in initiating such conflicts. The following must be considered for discussing anti-conflict mechanisms of sociocultural integration in the North Caucasus. First, sociocultural integration is a political project with its content determined to a wide extent by defense challenges of the polyethnic Russian society. Second, development of the North Caucasian region after armed conflicts shows unacceptability and inability of orientation on isolationism of one or another ethno-social system within the Russian political space. Integration tasks of ensuring regional safety and overcoming ethnic contradictions in their most destructive form, which is the conflict of identities, are of systemic all-Russian nature. Sociocultural integration must serve as a conflict-preventive tool in this context, i.e. a pro-active action on the conflict environment by way of providing structural solutions for regional problems, transforming and rationalizing ethnic contradictions.

Keywords: *sociocultural integration, regional conflicts, ethnic conflicts, identity-based conflicts, ethnic tensions, politicization of ethnicity, conflict resolution, the North Caucasus.*

Проблема исследования социокультурной интеграции как инструмента урегулирования региональных конфликтов идентичностей связана с решением следующих задач: 1) системным анализом взаимосвязи и взаимозависимости интеграции, идентичности, конфликта; 2) выявлением структурных факторов эскалации этнической напряженности в северокавказском регионе; 3) концептуализацией социокультурной интеграции в качестве инструмента конструктивного разрешения этнических противоречий на Северном Кавказе.

В современной России социокультурная интеграция характеризуется тенденцией к увеличению этнических контактов, размывающих культурные границы. Системная стабильность и безопасность полиэтнических регионов зависят от масштабов и уровня макросоциальной солидарности и гражданской интеграции. В этой связи первоочередное значение приобретает комплексный анализ социокультурной интеграции как процесса ценностной консолидации, благодаря которому этносоциальные субъекты достигают высокого уровня гражданского самосознания и надэтнической идентификации. По словам А.К. Мамедова и О.И. Якушиной, “проблемы конструирования идентичности, сплоченности социальных групп на глобальном уровне связаны с широкомасштабными преобразованиями, которые обусловлены транснациональным капитализмом, модернизацией и глобализацией. Исследования в области теорий индивидуализма отмечают такие ключевые процессы со-

циальных изменений, как наличие определенного давления, целенаправленной политики идентичности и индивидуализации, обособление личной культуры”¹.

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации региональных сообществ к изменяющимся условиям российской модернизации являются одними из актуальных в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблемы интеграции в социальных и политических науках, а также поиском новых консолидационных ресурсов в процессе деэскалации террористических угроз и преодоления региональных этнических конфликтов.

Социокультурная интеграция соотносится с базовыми принципами социального взаимодействия, благодаря которому субъекты связаны друг с другом в общем социально-ценностном пространстве; понятие системной интеграции характеризует функциональные отношения между структурными и институциональными элементами социокультурной системы. Однако само использование понятия “интеграция” не означает, что описываемые социокультурные отношения и взаимодействия имплицитно гармоничны: условия интеграции могут заключать в себе как социальный порядок, так и групповой конфликт.

В макросоциологической теории основным источником интеграции/дезинтеграции современных обществ является классовая система. В соответствии с веберовскими представлениями о социальной стратификации развитие статусных систем с большой вероятностью приведет к политической солидарности и гармоничным формам интеграции, в то время как классовые общества генерируют конфликтные формы дезинтеграции. Теория посттрадиционных трансформаций пытается рассматривать социокультурную интеграцию через призму системной: Д. Локвуд отмечает, что теории конфликта подчеркивают политический конфликт в качестве основного двигателя социальных изменений, в то время как нормативные функционалисты принижают роль политических акторов и стремятся подчеркнуть (функциональные или дисфункциональные) отношения между социальными институтами. Для Д. Локвуда задача интеграционной теории состоит в том, чтобы преодолеть этот теоретический дуализм².

¹ Мамедов А.К., Якушина О.И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1. С. 56.

² Lockwood D. Some remarks on “the social system” // The British Journal of Sociology. 1956. Vol. 7. N 2. P. 39.

Концепт социокультурной интеграции относится к фундаментальным “конструктивистским” категориям, которые в настоящее время широко используются в современной социологии для описания концепции, цель которой заключается в масштабном содействии развитию социокультурной системы, в которой стабильность, безопасность, терпимость, уважение к многообразию, равенство возможностей, социальная инклюзия являются необходимыми и атрибутивными принципами. Социокультурная интеграция — макросоциальный процесс формирования справедливого общества на основе принципов инклюзии и защиты прав человека, борьбы с дискриминацией, толерантности, социального равенства, сплоченности и солидарности.

Эффективным результатом политики социокультурной интеграции будут граждане, непосредственно участвующие в принятии политических решений, чувствующие включенность в культурную жизнь общества. Аналогичным образом легитимность политических институтов и структур посттрадиционных демократий обусловлена высокой степенью конфликтной деэскалации, гражданской идентификации, сплоченности и политического участия отдельных личностей и групп в полноценной жизни общества. Социальная сплоченность как нормативно-ценностный результат интеграции основывается на осознанной и добровольной готовности людей сотрудничать и работать вместе на всех уровнях общества для достижения общих конструктивных целей.

Специфика региональных этнических конфликтов как угроз и вызовов интеграции северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих ценностей и идентичностей. Понятие ценностного столкновения уточняет концепт этнического конфликта как конфликта идентичностей, подчеркивая системно-генетический характер данной объяснительной модели. В структурном отношении региональные конфликты выступают следствием эскалации социальных неравенств и мобилизации этничности, угрожающих социальной безопасности и интеграционным процессам в полиэтническом сообществе. Как отмечают Дж. Эстебан, Л. Мейорал, Д. Рей, в современном мире “внутригосударственные конфликты приобретают выраженный этнический характер. Более половины гражданских конфликтов после Второй мировой войны классифицированы как этнические или религиозные. Одним из оснований классификации регионального этнического конфликта является его идентификация в качестве антигосударственного мятежа от имени этнической группы. Брубейкер и Лейтин, рассматривая историю внутригосударственных конфликтов второй половины XX века, пришли к выводу об

исчезновении биполярной идеологической оси на фоне масштабной этнизации насильственных столкновений”³.

Социальная дезинтеграция усиливает изоляционистские тенденции и регионализацию Северного Кавказа, порождает аномию, апатию, пассивность, а носителей радикальных идеологий подталкивает к этнополитическому и религиозному экстремизму. Актуализация антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции связана с необходимостью выработки секулярной и надэтнической модели макросоциальной консолидации, поддерживающей межэтническое сотрудничество и межкультурный диалог. Интеграция как процесс конструирования и продвижения гражданских ценностей, идентичностей, институтов, позволяющий этносоциальным субъектам бесконфликтно взаимодействовать на основе принципов безопасности, справедливости, равноправия, становится основным методом разрешения региональных этнических конфликтов.

Методологической основой исследования является системный подход к анализу социокультурной интеграции, объединяющий конфликтологическую и неофункционалистскую парадигмы. На этапе исследования структурных причин роста этнической напряженности на Северном Кавказе важным методологическим основанием служит концепция “конфликтов идентичностей” Дж. Бертон и Дж. Ротмана⁴. Это позволяет определить региональные этнические конфликты в качестве конфликтов идентичностей, социальных по форме (между этносоциальными субъектами различного уровня) и ценностных по содержанию, источником которых являются этничность и культурные различия. Современная теория разрешения этнических конфликтов акцентирует внимание на потенциале социокультурной интеграции относительно трансформации деструктивных конфликтов идентичностей в конструктивные конфликты интересов.

Теоретическая традиция исследования социокультурной интеграции связана с концептуальным противоборством теорий конфликта, мультикультурализма, структурного функционализма: противоречие заключается в трактовке сущности интеграции как способа деэскалации этнического конфликта и статуса этнических меньшинств в плюралистических обществах, при этом конфликтологи опираются на анализ конфликтной природы этничности, мультикультуралисты исходят из нормативности аскриптивной этни-

³ *Esteban J., et al. Ethnicity and conflict: theory and facts // Science. 2012. Vol. 336. P. 858.*

⁴ *Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь, 2011. С. 24.*

ческой идентификации, представители функционалистской парадигмы интерпретируют статус и права этнических групп с позиций равенства возможностей и императивности интеграции. Как отмечают Дж. Фирон и Д. Лейтин, полноценная теория этнического конфликта должна объяснить, почему, несмотря на серьезные напряженности, этнические отношения, основанные на мире и сотрудничестве (интеграции), являются более типичным явлением, чем крупномасштабное насилие⁵.

Необходимость стимулирования социокультурной интеграции в полиэтническом сообществе обусловлена ценностными и инструментальными причинами: с этической точки зрения, создание интегрированного “общества для всех” является самоочевидной социетальной целью; структурные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к социальной фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение региональных этнических конфликтов (социокультурная интеграция подразумевает формирование надэтнической общегражданской идентичности).

Социокультурная интеграция находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных факторов:

- 1) признания плюрализма этнических идентичностей в рамках единого нормативно-правового пространства;
- 2) представительства этнических групп в целях предоставления гарантии того, что их интересы учитываются в процессе принятия государственных решений;
- 3) перераспределения экономических ресурсов между различными этносоциальными субъектами в целях предотвращения социальных неравенств, поляризаций, диспропорций, фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

На макросоциальном уровне социокультурная интеграция направлена на создание условий для адаптации различных категорий мигрантов на основе толерантности и метаэтнической солидарности. По словам С.В. Рязанцева, «в России интеграция стала частью миграционной политики с 2012 года, когда была принята Концепция государственной миграционной политики России до 2025 года. В ней прописано: “важными элементами государственной миграционной политики... является создание условий для адаптации и интеграции мигрантов”, хотя, еще несколько лет назад понятие

⁵ Fearon J., Laitin D. Explaining interethnic cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. N 4. P. 715.

“интеграция” отсутствовало в “лексиконе” российской миграционной политики... В настоящее время в России, как обеспеченной ресурсами стране, созрели все предпосылки для того, чтобы в области миграционной политики ставить более амбиционные задачи, не фокусируясь только на трудовой миграции, депортации недокументированных мигрантов и пресечении незаконной иммиграции. Пора заниматься формированием миграционных потоков и интеграцией необходимых стране категорий мигрантов»⁶.

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контр-нарративов насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению культурных различий на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание “общества для всех”, является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют социальным субъектам получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное общество, в котором социальные субъекты могут принимать участие в социальной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства.

Политика социокультурной интеграции имеет ценностно-нормативной целью социальную инклюзию, подразумевая равные возможности и права для всех социальных субъектов: в результате реализации этой задачи социальная система становится более интегрированной, что предполагает равенство и улучшение жизненных стратегий. Критики интеграции обращают внимание на ее потенциальные негативные последствия, вызывающие в воображении репрессивный образ ассимиляционной политики и “навязанного” культурного единообразия.

В современном научном дискурсе проблемы интеграции могут быть обобщены следующим образом:

⁶ *Рязанцев С.В.* О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 25–29.

1) социокультурная интеграция имеет морально-ценностный императив и системную задачу, заключающиеся в социальном прогрессе в направлении к более справедливому и равноправному обществу;

2) в процессе социокультурной интеграции конфликтогенные факторы социальных неравенств и экономической поляризации могут быть смягчены за счет социального включения личностей и групп, ранее исключенных из определенных видов деятельности;

3) в стремлении к социальной инклюзии, универсализму, единообразию политика интеграции может нивелировать ценности мультикультурализма и принципы культурного разнообразия;

4) максимальная концентрация на нормативной цели социокультурной интеграции может препятствовать политическим трансформациям.

Социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности и безопасности, ослаблением этнической мобилизации и редукцией негативной стереотипизации “других” как “этнических врагов”. Анализируя статус этничности в динамике региональных конфликтов, необходимо указать на связь групповых идентичностей с примордиальными ценностями закрытых традиционных обществ, в которых индивидуализм не играет заметной идеологической роли. Сегодня такие общества могут функционировать в глобализированном мире посредством сохранения собственной культуры на основе коллективных ценностей; в пределах этих коллективов групповая идентификация может соотноситься с этническими ценностями и религиозными традициями. По мнению Дж. Ротмана и М. Альберштейна, когда в процессе медиации конфликтологи имеют дело с этногрупповым столкновением, обращение к индивидуальным интересам не в состоянии загладить трещину, возникшую в результате конфликта; попытки манипулировать группами могут привести к интенсификации конфликта идентичностей⁷.

Региональные конфликты — следствие реактуализации и радикализации политизированных этничностей. В качестве системных факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию конфликтов идентичностей на Северном Кавказе, выступают социальные неравенства, фрагментации и поляризации. Анализ взаимосвязи конфликтности и идентичности приводит к мысли о деструктивном воздействии на безопасность северокавказского региона факторов этнической интолерантности

⁷ Rothman J., Alberstein M. Individuals, groups and intergroups: understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. N 28 (3). P. 631–658.

и социальной дезинтеграции. По словам В.А. Ачкасова, «этнополитический конфликт — это не только вооруженное или политико-правовое противостояние, это конфликт различных историософий, исторических и культурных ценностей и символов. Это порождает феномен “конкурирующих культурных и исторических традиций”, чаще всего это противоборство национальных или этнических традиций в рамках многонационального социума, борьба за “историческое наследие” (конструктивисты не без оснований пишут о том, что не существует объективных исторических фактов, они изменчивы и, по сути, являются продуктом интерпретации тех, кто имеет большие или меньшие права на их легитимную номинацию) или конфликты между традициями представителей различных социальных групп. Возможны острое соперничество и религиозных, и этнических традиций в мультиконфессиональном или мультиэтническом обществе, противостояние региональных традиций, борьба за определение смысла конфликта и установление его причин и т.д. Зачастую подобная “война интерпретаций”, борьба с помощью той или иной выборки исторических фактов, становится прологом к острым межгосударственным политическим конфликтами»⁸.

Впервые термин “конфликты идентичностей” появляется в работах Дж. Бертон и Дж. Ротмана в 1990-е гг. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности — потребность в идентичности и потребность в безопасности; по мнению Дж. Ротмана, важнейшими атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, глубокая субъективность и неуправляемость⁹. Мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода; ради удовлетворения своих материальных интересов люди вряд ли станут сознательно рисковать жизнью. В конфликтах идентичностей участие сторон имеет выраженный характер жертвенности, а не неизбежного риска: готовность приносить жертвы ради идентификационных и ценностных идеалов эмоционально переживается, осознается и вербализируется участниками конфликтов. Эскалация этнической напряженности происходит в том случае, когда этнокультурная

⁸ Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политэкс. 2013. Т. 9. № 2. С. 41–61.

⁹ *Burton J.* Conflict: resolution and prevention. L., 1990. P. 362; *Rothman J.* Resolving identity-based conflict: in nations, organizations, and communities. San Francisco, 1997. P. 230.

группа склонна воспринимать себя как “жертву” ценностных притязаний со стороны “других” групп.

«Если мы хотим добиться успеха в исследовании причин конфликтов идентичностей, — отмечает Дж. Ротман, — мы должны начать с определения, которое приведет к ценному теоретизированию и конструктивным методам разрешения. Мы рассматриваем идентичности как самовосприятие, наполненное культурной формулой. Культурная формула основывается на внутренних потребностях и предпочтениях, групповых характеристиках и коллективных ценностях. В конфликтах идентичностей идентичность может быть персональной, групповой или межгрупповой, но она всегда является источником конфликтогенного восприятия противоречия и катализатором конфликта. Стороны могут воспринимать себя в качестве персональных “максимайзеров”, защищая индивидуальные ценности, преследуя собственные интересы и выражая индивидуалистические потребности; они могут быть социокультурными группами и ощущать себя частью коллективного целого; они могут ощущать себя носителями множественных социокультурных идентичностей и вступать в конфликт на межгрупповом уровне. Все эти восприятия генерируются культурной формулой, идентичностью. Идентичность становится идеологической базой участников конфликта, наполненной персональными, групповыми и межгрупповыми эмоциями, ценностями и смыслами»¹⁰.

Региональный конфликт идентичностей имеет собственные уникальные характеристики, и в разных контекстах некоторые из этих элементов будут более заметны, чем другие, но все они являются общими знаменателями генезиса такого конфликта. Примордиалистский подход помогает объяснить конфликтный потенциал этничности; концепция этнополитических антрепренеров объясняет, как взаимодействуют институциональные факторы и этнические стереотипы. Этничность воплощает в себе элемент мощной эмоциональной напряженности, которая может быть реактивирована, если группами осознается угроза идентичностям, ценностям и интересам, что приводит к этнификации, этнической интолерантности и в конечном итоге — насильственному этническому конфликту.

Конфликты идентичностей опасны тем, что в их генезисе и динамике социальная неудовлетворенность будет с высокой степенью вероятности политизирована; воздействие установок на экстремизм и насилие состоит в том, чтобы сконцентрировать агрессивный потенциал в точке этнической интолерантности и конфессиональной непримиримости. Величина насилия в конфликтах идентич-

¹⁰ Rothman J., Alberstein M. Op. cit. P. 631–658.

ностей детерминирована интенсивностью этнической напряженности и социальной неудовлетворенности, а также масштабами институциональной поддержки и мобилизации, являющимися условиями открытого противостояния.

Конфликтогенность мобилизованной этничности обусловлена негативной стереотипизацией “других” в процессе конструирования этнических “границ”. Культурные различия не приводят к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к социокультурной интеграции и межэтническому диалогу; однако, когда этноконфессиональные различия политизируются и интерпретируются как угрозы групповой безопасности — возникают трудно разрешимые конфликты идентичностей. По словам В.А. Ачкасова, «если государственные институты не предпринимают усилий, направленных на обеспечение коммуникации между этническими группами и обуздание их притязаний, или не имеют возможностей и ресурсов для этого; если слабы или отсутствуют посреднические институты гражданского общества, то возрастает риск, что перед конфликтующими этническими группами остро встанет дилемма безопасности. Каждая из них будет (обоснованно или нет) ожидать, что другая группа воспользуется слабостью государства и протолкнет свою “политическую повестку дня”. В целях самозащиты группа предпримет упреждающие меры предосторожности, которые могут быть интерпретированы противоположной стороной как акт агрессии»¹¹.

В качестве структурных факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию региональных конфликтов, выступают этническая мобилизация, социальные неравенства, экономическая поляризация, кризис гражданской идентичности. Основным источником конфликтов идентичностей на Северном Кавказе — противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией. Регионализация в этом случае приобретает выраженный конфликтогенный характер: специфика региональных конфликтов обусловлена противоречием между статичными (традиционализация) и динамичными (модернизация) типами социального воспроизводства.

Эскалация насилия в этнорегиональных конфликтах детерминирована интенсивностью и масштабами этнической мобилизации и социальной неудовлетворенности, выступающими необходимыми условиями открытого столкновения. Региональные конфликты затрагивают экзистенциально значимые коллективные ценности и

¹¹ Ачкасов В.А. Указ. соч. С. 41–61.

групповые идентичности, поэтому участники эмоционально вовлечены в идентификационные конфликты; в силу эмоциональной заряженности и иррациональности конфликты идентичностей перестают быть средством преодоления социальных фрустраций и становятся деструктивной самоцелью: политизация этничности и негативные культурные стереотипы в восприятии “других” играют ключевую роль в инициации таких конфликтов.

При обсуждении антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция — это макрополитический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость и невозможность ориентации на изоляционизм и культурную исключительность той или иной этносоциальной системы.

Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, может быть преодолена целенаправленным конструированием интеграционной гражданской идентичности, культивированием плюрализма и толерантности. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении различий, но на принципах гражданской солидарности и межэтнического сотрудничества.

Интеграционные задачи обеспечения региональной безопасности и преодоления этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме — конфликтов идентичностей — носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения — упреждающего воздействия на конфликтную среду путем структурных решений региональных проблем, трансформации и рационализации этнических противоречий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политэкс. 2013. Т. 9. № 2.

Мамедов А.К., Якушина О.И. Теоретические подходы к пониманию идентичности в современной социологической науке // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 1.

Попов М.Е. Конфликты идентичностей в посттрадиционной России: общероссийский и региональный аспекты. Ставрополь, 2011.

Рязанцев С.В. О языковой интеграции мигрантов как новом ориентире миграционной политики России // Социологические исследования. 2014. № 9.

REFERENCES

- Achkasov V.A.* Etnopoliticheskiy konflikt kak sledstvie etnizatsii socialnyh problem // Politeks. 2013. Vol. 9. N 2.
- Burton J.* Conflict: resolution and prevention. L., 1990.
- Esteban J. et al.* Ethnicity and conflict: theory and facts // Science. 2012. Vol. 336.
- Fearon J., Laitin D.* Explaining interethnic cooperation // The American Political Science Review. 1996. Vol. 90. N 4.
- Lockwood D.* Some Remarks on "the social system" // The British Journal of Sociology. 1956. Vol. 7. N 2.
- Mamedov A.K., Yakushina O.I.* Teoreticheskiye podhody k ponimaniyu identichnosti v sovremennoy sociologicheskoy nauke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2015. N 1.
- Popov M.E.* Konflikty identichnostey v posttradicionnoy Rossii. Stavropol, 2011.
- Rothman J.* Resolving identity-based conflict: in nations, organizations, and communities. San Francisco, 1997.
- Rothman J., Alberstein M.* Individuals, groups and intergroups: understanding the role of identity in conflict and its creative engagement // Ohio State Journal on Dispute Resolution. 2013. N 28 (3).
- Ryazancev S.V.* O yazykovoy integratsii migrantov kak novom orientire migracionnoy politiki Rossii // Sociologicheskkiye issledovaniya. 2014. N 9.

В.В. Краснопевцева, асп. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова*

НА ПУТИ К ГРАЖДАНСКОМУ ОБЩЕСТВУ (по результатам социологического исследования в Тульской области)

Krasnopevtseva Viktoria Vyacheslavovna, postgraduate student department of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: viktorija-krasnopevtseva@mail.ru

CIVIC CULTURE IN CONTEMPORARY RUSSIA (on the example of Tula region)

Статья посвящена перспективам становления гражданского общества в Туле и Тульской области. Тульская область принадлежит к третьему типу регионов России на основании классификации регионов по потенциалу развития гражданского общества, что говорит о наличии благоприятных условий для развития его институтов. Действительно, сегодня прослеживается тенденция к все более активному гражданскому участию населения региона, которому способствует ряд факторов.

Одной из основ формирования гражданского общества в Тульской области является деятельность некоммерческих организаций (НКО). В первую очередь следует выделить молодежные НКО, выполняющие важную роль в политической социализации молодежи и поддержке молодежных инициатив. В данном контексте необходимо также отметить роль просветительских организаций, целью которых является гражданское образование и воспитание молодых людей.

Очевидно значительное увеличение количества добровольческих организаций и отрядов. Особую активность в осуществлении их деятельности проявляет именно молодое поколение. Волонтерские объединения включают молодежь в профессиональную и общественную деятельность, формируют социальную и гражданскую ответственность. Таким образом, добровольчество является одним из важнейших проявлений функционирования гражданского общества. За последние несколько лет в регионе появились более 30 добровольческих организаций и отрядов, а также созданы несколько центров содействия волонтерам. Эти меры представляют собой важный шаг к институционализации волонтерства в Тульской области.

Гражданское общество невозможно без высокого уровня правосознания населения. Развитию институтов гражданского общества способствует деятельность различных правозащитных организаций, направленная на повышение правовой культуры жителей региона.

Значимую роль в жизни Тулы и области играют патриотические и благотворительные организации, а также политические партии. Являясь

* **Краснопевцева Виктория Вячеславовна**, e-mail: viktorija-krasnopevtseva@mail.ru

посредниками между гражданским обществом и властными структурами, политические партии агрегируют интересы граждан и представляют их в государственных институтах. Более того, как один из институтов социализации, политические партии формируют определенное политическое мышление и поведение, а также соответствующие навыки и качества гражданского участия в политической жизни. Наблюдается поддержка гражданских инициатив и со стороны областной власти, запустившей в последние годы ряд социальных сервисов и интернет-проектов.

В целом, исследователи отмечают высокий потенциал становления гражданского общества в Тульской области. Однако несмотря на отмеченные положительные тенденции уровень гражданской культуры туляков в настоящий момент остается не очень высоким, что, по мнению экспертов, может быть исправлено дополнительной информационной поддержкой волонтерских мероприятий и дальнейшим развитием гражданского образования и просвещения в регионе. Благодаря принятию должных мер, можно будет говорить о положительных перспективах развития гражданского общества в Туле и Тульской области в ближайшее время.

Ключевые слова: гражданская культура, гражданское общество, гражданское участие, НКО, волонтерство, молодежь, гражданское образование, Тульская область.

The article focuses on the prospects of the development of civil society in Tula and Tula region. Tula region belongs to the third type of Russian regions according to the classification of regions on the potential development of civil society. This demonstrates the presence of favorable conditions for the development of civil society institutions in Tula. Actually today there is a tendency towards more active civic participation of the population in the region. There are several factors which contribute to this.

One of the foundations of civil society formation in Tula region is the activity of non-profit organizations. First of all youth non-profit organizations should be mentioned. They play an important role in the political socialization of young people and youth initiatives support. In this context, it is also necessary to note the role of educational institutions, which purpose is civic education of young people.

There is a significant increase in the number of volunteer organizations and groups. The younger generation actively takes part in their work. Volunteer organizations involve young people in professional and social activities, form their social and civic responsibility. Thus, volunteering is one of the most important indicator of the functioning of civil society. Over the past few years more than 30 volunteer organizations and groups as well as several centers promoting volunteers have appeared in the region. These measures are a significant step towards the institutionalization of volunteering in Tula region.

Civil society is impossible without a high level of legal awareness of the population. The activity of various human rights organizations that promote the legal culture of the region's population contributes to the development of the civil society institutions.

Patriotic and charitable organizations as well as political parties play an important role in the life of Tula region. Being the intermediaries between civil society and the authorities, political parties aggregate and represent the interests of citizens in state institutions. Moreover, as one of the institutions of socialization,

political parties form the certain political thinking and behavior, the relevant skills and qualities of citizen participation in political life. Regional authorities also support civic initiatives — in recent years they have launched a number of social services and Internet projects.

In general, the researchers have noted the high potential of civil society in Tula region. However, despite the marked positive trends, the level of civic culture of the population of Tula region is not so high these days. It can be remedied by more information support of volunteer activities and the further development of civic education in the region. Due to proper measures we will be able to talk about the positive prospects of the development of civil society in Tula and Tula region in the near future.

Keywords: *civic culture, civil society, civic participation, non-profit organizations, volunteering, the youth, civic education, Tula region.*

Российская Федерация — огромное по своим масштабам государство, состоящее из множества субъектов, характеризующихся неоднородностью социальных, политических, экономических показателей. Вследствие этого гражданская культура России также отличается гетерогенностью, фрагментированным характером и полисубкультурностью. В данном ключе уместно предположить, что гражданская культура каждого региона обладает своими отличительными чертами и особенностями.

В качестве примера рассмотрим Центральный федеральный округ (ЦФО), в частности Тульскую область. ЦФО является крупнейшим по численности населения и количеству субъектов федеральным округом России и включает в себя 18 областей и город федерального значения, столицу РФ Москву. Из-за своего масштаба он является одним из самых неоднородных округов, что непосредственно отражается и на характеристике гражданского общества и гражданской культуры данного региона. Это становится очевидным при сравнении Москвы и Московской области с другими областями, входящими в состав ЦФО.

Тульская область принадлежит к третьему типу регионов России на основании классификации регионов по потенциалу развития гражданского общества, составленной исследовательской группой ЦИРКОН в 2011 г. Для данных регионов характерен средний уровень жизни населения и развития экономики, средний потенциал гражданской активности. Условия внешней среды региона, в частности экономика, являются благоприятными для развития институтов гражданского общества¹.

¹ См.: Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества. URL.: http://www.zircon.ru/upload/iblock/24e/Klassifikacija_rossijskih_regionov_po_potencialu_razvitija_GO.pdf

По оценкам ситуации в регионе на данный момент в деятельности туляков наблюдается устойчивая тенденция от инертности к гражданской активности². Прежде всего это связано с деятельностью некоммерческих организаций (НКО) — институтов опосредования между государством и гражданским обществом.

Некоммерческие организации — это объединения граждан, созданные для осуществления совместной деятельности и отстаивания общих интересов и целей (социальных, образовательных, научных, культурных, благотворительных и др.)³. Зачастую в отношении НКО в современной научной литературе и СМИ используется понятие “третий сектор”. Именно эти структуры сегодня задают вектор гражданской активности и становятся социальным лифтом для общественных активистов. Можно сказать, что НКО являются одной из основ гражданского общества в Туле и стране в целом.

В Тульской области зарегистрированы и активно развиваются более 1800 некоммерческих организаций по различным направлениям деятельности, таким, как социальная помощь и поддержка, охрана здоровья населения, защита окружающей среды, патриотическое воспитание, развитие образования, науки, культуры и искусства, охрана памятников истории и культуры, развитие межнациональных отношений, а также правозащитные, благотворительные организации и т.д.⁴ Успешно функционирует ряд молодежных, спортивных и ветеранских организаций.

Прежде всего необходимо отметить деятельность молодежных организаций. Молодое поколение — будущее нашей страны, поэтому от того, какое внимание ему будет уделено, зависят перспективы развития гражданского общества региона и России в целом. В настоящее время в Тульской области действуют региональное отделение Российского союза молодежи, Фонд поддержки развития молодежных инициатив “Открытый мир”, Тульское региональное отделение Общероссийской общественной организации Молодежный союз экономистов и финансистов, Общественная организация по содействию в развитии спорта “Гранд” Киреевского района Тульской области, Межрегиональная детская общественная организация “Юный друг закона”, региональное отделение программы “Школьники за продвижение глобального предпринимательства”. Целью данных молодежных организаций является как

² См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Тульской области за 2015 год. URL.: <https://www.tularegion.ru/tula/opto/>

³ См.: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ “О некоммерческих организациях”. Ст. 2. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p77

⁴ См.: Некоммерческие организации Тульской области. URL.: <http://nko71.ru/katalog-nko/>

общее развитие молодых людей, их социализация, так и конкретная помощь в реализации молодежных инициатив в той или иной сфере.

В данном контексте стоит отметить функционирование патриотических и просветительских организаций Тульской области, так как в большей степени они направлены именно на воспитание и политическую социализацию молодого поколения региона. Патриотизм является одной из важнейших составляющих гражданственности. Он представляет собой определяющий фактор консолидации и взаимодействия различных общественных объединений — групп, движений и т.д.⁵ К организациям патриотического толка можно отнести Тульское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов, Тульское областное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов “Боевое братство”, Тульскую региональную организацию Общероссийской общественной организации ветеранов войны и военной службы, Тульскую областную общественную организацию «Патриотическое объединение поисковых отрядов “Легион”», Молодежную общественную организацию «Клуб исторической реконструкции “Дружина “Авега”» города Тулы, Тульскую городскую организацию Общественной организации — общество “Знание” России, Новомосковскую районную общественную организацию “Пушкинское общество”, патриотическую организацию “Тульский Искатель”, а также молодежные центры — Центр патриотического воспитания и допризывной подготовки молодежи, молодежный патриотический центр “Юнга”, молодежный центр “Родина” и др.

Центр “Родина” активно задействует молодежь в добровольческой деятельности по организации различного рода патриотических мероприятий. Например, с 16 по 24 апреля 2016 г. в Туле состоялась акция “Память наших сердец”, посвященная благоустройству воинских захоронений и памятников событиям Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Участие в акции приняли волонтеры Центра, добровольческих отрядов других молодежных центров города, учащиеся школ и вузов и просто все желающие почтить память героев ВОВ.

В целом, в течение последних нескольких лет наблюдается все большая тенденция к участию граждан региона в добровольческой деятельности. Волонтерство является одним из важнейших проявлений функционирования гражданского общества, в первую очередь,

⁵ См.: Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2013—2014. Т. VII. Человек как субъект конструирования / Под ред. Ю.М. Резника, М.В. Тлостановой. М., 2014. С. 233.

молодой его части, оно включает молодежь в профессиональную и общественную деятельность, формирует социальную и гражданскую ответственность.

Осенью 2014 г. было проведено интервьюирование 37 кураторов волонтерской деятельности и руководителей добровольческих организаций, результаты которого указывают на довольно слабую вовлеченность молодежи в волонтерские проекты. Подтверждением этого служат и данные анкетных опросов: лишь 12% респондентов в 2014 г. назвали себя волонтерами. Тем не менее, можно отметить положительную тенденцию: в 2014 г. уже 35% респондентов готовы стать волонтерами (против 26% в 2012 г.)⁶.

О позитивных переменах говорит и рост количества добровольческих организаций и отрядов — от 20 в 2012 г. до 50 в 2015 г., а также создание центров содействия волонтерам: так, в 2013 г. на основе молодежного центра “Родина” был создан Волонтерский центр; годом позже при молодежном центре “Косогорец” был открыт волонтерский центр “Косогорец”. Данные меры стали важным шагом к институционализации волонтерства в Тульской области: за время их существования выросло число проводимых мероприятий, открылась возможность обучения в “Школе волонтерского мастерства”⁷.

Эксперты отмечают высокий добровольческий потенциал молодежи Тульской области. Однако более высокий его уровень отмечается, скорее, среди учащихся школ и вузов, нежели среди волонтеров молодежных центров. Эта особенность вызвана спецификой проведения мероприятий: готовый заранее план действий в молодежных центрах не вызывает такого энтузиазма, как менее формальные мероприятия в образовательной среде, где у учащихся есть бóльшая свобода для выбора целей и действий.

Если говорить о видах волонтерских акций, то молодые респонденты отмечают важность донорства, причем не только самой процедуры, но и ее популяризации. Также в Тульской области развито так называемое ивент-волонтерство — помощь в организации различного рода массовых мероприятий. Актуально и социальное добровольчество — помощь престарелым, инвалидам, беспризорным детям и т.п.

По мнению экспертов, для активизации волонтерского потенциала молодежи необходима информационная поддержка. При раз-

⁶ См.: Сычева А.В. Молодежное добровольческое движение в Тульской области в оценках экспертного сообщества // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 2. С. 50.

⁷ См.: Там же. С. 53–54.

витой системе информирования, включающей в себя, в частности, деятельность СМИ, эксперты дают положительный прогноз в отношении перспектив волонтерства в Тульской области на ближайшее десятилетие⁸.

Опрос молодых туляков, проведенный в ноябре—декабре 2014 г., показал, какие направления, по мнению опрошенных, необходимо усилить в работе структур учреждений сферы молодежной политики⁹:

Таблица 1

Варианты ответа	Кол-во человек	%
Обеспечение занятости и трудоустройства	194	43,0
Формирование здорового образа жизни и организация отдыха и оздоровления	153	33,9
Профилактика безнадзорности, правонарушений и наркозависимости, экстремистских проявлений	117	25,9
Поддержка молодых семей	94	20,8
Воспитание гражданственности и патриотизма	90	20,0
Поддержка талантливой и способной молодежи	90	20,0
Поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений	87	19,3
Духовно-нравственное воспитание	87	19,3
Правовое просвещение	54	12,0
Организация работы с детьми и молодежью по месту жительства	51	11,3
Повышение политической культуры и электоральной активности	50	11,1

В отношении мероприятий, которые были бы интересны молодежи в сфере гражданского и патриотического воспитания, ответы участников опроса распределились следующим образом¹⁰:

⁸ См.: Сычева А.В. Указ. соч. С. 50-51.

⁹ См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Тульской области за 2014 год. URL.: <https://www.tularegion.ru/tula/opto/>

¹⁰ Там же.

Таблица 2

Варианты ответа	Кол-во человек	%
Культурно-массовые и спортивные мероприятия, посвященные 23 февраля, 9 мая	156	34,6
Бесплатные экскурсии для молодежи в Тульский музей оружия	148	32,8
Работа с допризывной молодежью (молодежная общественная приемная, юридическая консультация, культурно-массовое мероприятие “День призывника”)	106	23,5
Информирование тульской молодежи о деятельности военно-патриотических объединений и клубов	74	16,4
Никакие	62	13,7
Затрудняюсь ответить	62	13,7

Однако в целом на вопрос: “Есть ли у вас желание в будущем принимать участие в мероприятиях, проводимых структурами и учреждениями сферы молодежной политики?” – почти половина молодых людей ответили отрицательно (47,2%).

Это наводит на серьезные размышления о необходимой корректировке государственной молодежной политики с учетом пожеланий самих молодых людей.

Нельзя недооценивать роль политических партий в процессе формирования гражданской культуры населения региона. По мнению Р. Даля, партии как “независимые ассоциации являются источником гражданской компетентности и информированного знания. Они предоставляют гражданам не только сведения, но и возможность вести дискуссии, устраивать обсуждения тех или иных вопросов и оттачивать свое политическое мастерство”¹¹. Политические партии можно назвать посредниками между гражданским обществом и властными структурами. Активно происходит обмен интересами между политическими партиями и гражданским обществом. Партии испытывают потребность в поддержании и укреплении социальной базы, гражданскому же обществу необходима помощь в реализации гражданских инициатив путем участия партий во властных отношениях. Значение политических партий в данном случае выражается в агрегировании ими интересов граждан и представлении их в государственных институтах, в демократическом контроле над деятельностью правящих элит, в институционализации политического

¹¹ Даль Р. О демократии. М., 2000. С. 97.

участия граждан, например, через институт выборов. Как один из институтов социализации политические партии определяют формы политического мышления и поведения, формируют тип отношения граждан к политическим объединениям и партийной системе, а также соответствующие навыки и качества гражданского участия в политической жизни.

В настоящий момент в Тульской области функционируют 58 региональных отделений политических партий, включая как крупные отделения партий “Высшей лиги”, так и отделения, насчитывающие в своем составе всего несколько человек¹².

Формирование гражданского общества и гражданской культуры напрямую связано с правовой культурой населения, должным уровнем правосознания и готовностью отстаивать свои права и интересы¹³. Деятельность Общественной палаты Тульской области, Уполномоченного по правам человека в Тульской области, Уполномоченного по правам ребенка в Тульской области в немалой степени способствует обеспечению прав граждан и становлению гражданского общества в регионе.

Институт Уполномоченного по правам человека функционирует в Туле с 2012 г. Он призван усилить гарантии защиты прав и свобод человека со стороны государства, содействовать восстановлению нарушенных прав граждан, т.е. стать своеобразным посредником между человеком и властью, гражданским обществом и государством¹⁴.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что относительно новый для области государственный правозащитный орган продемонстрировал свою необходимость и востребованность. Уполномоченный по правам человека пользуется доверием со стороны граждан региона — об этом свидетельствуют порядка 9000 обращений граждан по различным проблемам (жилищное право, права граждан в сфере социальной защиты и пенсионного обеспечения, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, защита экономических прав, содействие в восстановлении гражданских прав и т.д.).

2015 г. стал годом наивысшей гражданской активности туляков — за защитой своих прав к региональному Уполномоченному по правам человека обратились 3255 человек по 2097 обращениям (для

¹² См.: Администрация города Тулы. Политические партии. URL.: <http://www.tula.ru/activity/society/political-parties>

¹³ См.: Самсонова Т.Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. № 1. С. 56.

¹⁴ См.: Уполномоченный по правам человека в Тульской области. URL.: <https://ombudsman.tularegion.ru/>

сравнения, в 2013 г. было 1420 обращений от 1925 граждан). За четыре года были выстроены конструктивные отношения данного правозащитного института с органами власти, правозащитными организациями, научным сообществом.

При Уполномоченном по правам человека в Тульской области действует Экспертный совет, включающий в себя политологов, юристов, педагогов, специалистов-практиков и известных правозащитников региона. На заседаниях Экспертного совета обсуждаются самые острые вопросы защиты прав человека, разрабатываются полезные рекомендации для законодателя. Так, в 2015 г. прошло семь заседаний Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Тульской области, на которых обсуждались такие проблемные вопросы, как деятельность УФМС России по Тульской области по вопросам миграционной политики, реализация прав инвалидов на “доступную среду”, основные направления повышения правовой культуры, комплексный подход обеспечения прав на качественные услуги в сфере ЖКХ, защита прав недееспособных граждан.

Также в 2015 г. продолжилась практика активного взаимодействия Уполномоченного с региональным отделением ООО “Ассоциация юристов России” в проведении совместных конкурсов творческих работ, участии Уполномоченного по правам человека в межрегиональном молодежном юридическом лагере “Поле Куликово”, научно-практических конференциях, проведении Декады права. Декада права в Тульской области — традиционный комплекс мероприятий, проходящих с 1 по 10 декабря каждого года и посвященных Дню прав человека и Дню Конституции Российской Федерации.

Интенсивное обновление законодательства, правовой нигилизм выдвигают на первый план вопросы повышения правовой культуры населения, выражающейся как в знании закона, так и в правовой активности, что требует освоения обширного и сложного комплекса правовых знаний.

Уровень правовой культуры значительной части населения Тульской области, к сожалению, пока остается низким. У многих граждан отсутствует уважение к закону как основному условию жизнедеятельности современного общества. Об этом свидетельствуют сложная криминогенная обстановка, распространенный характер правонарушений в сфере земельного, налогового, семейного, природоохранного, жилищного, трудового, миграционного законодательства, игнорирование правил и требований дорожного движения и т.п.

Сегодня общеизвестно, что становление демократического правового государства предполагает развитие гражданского общества,

которое в свою очередь требует высокого уровня правосознания населения. В этой связи деятельность Уполномоченного по правам человека в Тульской области с общественными правозащитными организациями в вопросах правового просвещения является наиболее актуальной. В течение 2015 г. действовали совместные проекты регионального Уполномоченного по правам человека в адресной работе по защите прав граждан: с городской правозащитной организацией “За права человека” — проект “Правовое просвещение”, с областной общественной организацией “Тульское общество потребителей” — проект “Школа правовых знаний”.

В настоящее время осуществляется комплексная программа правового просвещения “Основные направления государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Тульской области”. Программа стала основополагающим документом и объединила комплекс мероприятий среди различных групп населения с использованием электронных и печатных ресурсов. Субъектами реализации программы стали территориальные подразделения федеральных органов, органы местного самоуправления и исполнительной власти, высшие учебные заведения, общественные правозащитные организации, учреждения социальной защиты, образования и культуры.

Характерной чертой правового просвещения в Тульской области стали ежегодные региональные правозащитные форумы, целями которых являются развитие стратегии повышения правовой грамотности и правовой культуры граждан, развитие правозащитных кадров, объединение правозащитных институтов, поддержка правозащитных проектов. Первый региональный правозащитный форум был посвящен актуализации вопросов государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в Тульской области, второй — задачам по формированию правовой культуры населения в свете основных направлений государственной политики в области правового просвещения граждан, утвержденных Указом Президента Российской Федерации 28 апреля 2011 г. Третий региональный правозащитный форум, состоявшийся 24 сентября 2015 г., стал эффективной дискуссионной площадкой по обсуждению правозащитным сообществом проблемных вопросов повышения правового сознания граждан.

В практике работы регионального правозащитного института прочно закрепилась инновационная форма повышения правовой культуры — конкурсы творческих работ среди учащихся и студентов. Чтобы проявить уважение к историческому прошлому нашей Родины, к ветеранам Великой Отечественной войны, труженикам тыла, детям войны, Уполномоченным по правам человека в Туль-

ской области в 2015 г. был объявлен конкурс творческих работ среди учащихся по программам основного общего, среднего общего, среднего профессионального и высшего образования Тульской области.

Успешно реализуется проект “Час информирования в местах лишения свободы”, за 2015 г. проведено восемь встреч с осужденными. Кроме того, для повышения правовой грамотности по конкретным вопросам гражданам региона предоставляется бесплатная юридическая помощь.

Подобные задачи и у Уполномоченного по правам ребенка — восстановление нарушенных прав ребенка, обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов ребенка, правовое просвещение населения по вопросам реализации прав и законных интересов ребенка, подготовка предложений по совершенствованию механизма обеспечения и защиты прав и законных интересов ребенка¹⁵.

Общественная палата Тульской области ставит целью своей деятельности обеспечение согласования общественно значимых интересов граждан, общественных объединений, органов государственной власти Тульской области и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов социально-экономического развития Тульской области, защиты прав и свобод граждан, демократических принципов развития гражданского общества в Тульской области¹⁶.

Все более прослеживается тенденция к открытости власти для диалога и взаимодействия с обществом. По словам В.С. Груздева, бывшего губернатора Тульской области, широкое распространение в регионе получили активная гражданская позиция, доверительный и открытый диалог власти и жителей¹⁷. В связи с этим 28 мая 2015 г. был принят новый Устав Тульской области, предлагающий следующие нововведения: право жителей на гражданскую инициативу и народное обсуждение, право законодательной инициативы для граждан¹⁸.

Подобной гражданской активности должен послужить такой проект Тульской области, как “Открытый регион”. Данный интернет-портал является открытой системой управления Тульской об-

¹⁵ См.: Уполномоченный по правам ребенка в Тульской области. URL.: <http://pravarebenka.tularegion.ru>

¹⁶ См.: Общественная палата Тульской области. URL.: <https://op71.ru>

¹⁷ См.: Послание Тульской областной Думе 2014. URL.: <http://www.gruzdev.ru/governor/ptod2/>

¹⁸ См.: Устав Тульской области. URL.: http://www.tulaoblдума.ru/o_dume/polnomochiya/ustav.pdf

ластью, с его помощью можно напрямую обратиться к правительству, сообщить о насущной проблеме и принять участие в жизни региона через монитор компьютера. В рамках данного проекта действуют более 20 социальных сервисов, такие, как “Народный контроль”, “Открытый бюджет”, “Общественная инициатива” и др.¹⁹ К интернет-ресурсам, призванным активизировать гражданское общество региона, относится и портал “Тула активная”²⁰. Его целью является объединение граждан региона с активной гражданской позицией и поддержка независимой, некоммерческой и социально значимой деятельности.

В городе и области регулярно проводятся заседания и конференции, тем или иным образом связанные с процессом формирования гражданской культуры и гражданского общества региона. Так, в декабре 2015 г. состоялся форум “Гражданское общество 71”, посвященный перспективам развития гражданского общества Тулы, взаимодействию властных структур и некоммерческих объединений. Целями форума являются оптимизация способов взаимодействия общественных объединений и гражданских активистов с органами власти для решения широкого спектра экономических и социальных задач региона, распространение лучших инициатив и практик общественных объединений для более эффективного привлечения социальных инвестиций, улучшение информированности населения об осуществляющих общественно полезную деятельность организациях²¹.

3 февраля 2016 г. в Тульской областной Думе в рамках приема для молодых ученых состоялась дискуссия на тему “Институты гражданского общества как основа социальной стабильности и опорная точка развития региона”. Участники обсуждения пришли к следующим выводам: основой гражданственности региона должно стать историческое сообщество — именно историческая память и традиции играют важную роль в осознании солидарности и идентичности граждан. Нельзя умалять роль образования — оно дает возможность сформировать картину мира и необходимую ценностную базу, что способствует раскрытию гражданского потенциала человека и его самоидентификации. Необходимым условием также является повышение вовлеченности молодежи в политику, в частности через задействование молодых людей в качестве наблюда-

¹⁹ См.: Открытый регион. Портал управления Тульской областью. URL.: <https://or71.ru/>

²⁰ См.: Тула активная. URL.: <http://tulactive.ru>

²¹ См.: В Туле прошел общественный форум активных граждан “Гражданское общество 71”. URL.: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2173/newsitem/31966?PHPSESSID=fq71uu6e5400jpn5eg3845kc6

телей на выборах и т.д.²² Подобные мероприятия проводятся в Туле не первый год и становятся традицией, способствующей грамотному анализу ситуации в области и регионе.

Итак, проанализировав вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Население Тулы и Тульской области обладает высоким потенциалом гражданского участия, а прогнозы по формированию гражданского общества в регионе в целом благоприятны. Свидетельство этого — растущее количество некоммерческих организаций, в частности молодежных, а также добровольческих отрядов, институтов содействия гражданскому обществу и т.д. Однако следует отметить, что пока это в большей мере количественные изменения, нежели качественные. Хотя молодые люди демонстрируют желание и готовность принимать участие в различного рода социально-политической, добровольческой активности, на практике они интересуются далеко не всеми тематиками и направлениями работы. Это отчасти связано со слабым информированием и недостаточной популяризацией отдельных видов деятельности. Более того, несмотря на развивающиеся механизмы обратной связи между народом и государством, властные структуры не всегда прислушиваются к пожеланиям и интересам граждан. Большая трудность заключается и в том, что сегодня молодых людей в первую очередь интересуют более насущные проблемы, такие, как трудоустройство, поддержка молодых семей и т.д. В совокупности с низким уровнем правовой культуры, неуважением к закону и даже его незнанием, все эти обстоятельства приводят к тому, что уровень гражданской культуры и правосознания остается не очень высоким, а без этого невозможно становление развитого гражданского общества. Необходимы объективные изменения в политической, экономической и социальной сферах, формирование условий для дальнейшего развития гражданского общества и гражданской идентичности населения. Эти задачи во многом возложены на плечи государства, в частности — органов местного самоуправления. Вместе с тем, важны поиск путей успешной политической социализации подрастающего поколения, совершенствование программ по гражданскому образованию и воспитанию. Тульская область демонстрирует последовательное и довольно уверенное решение этих проблем, однако региону и России в целом предстоит долгий путь становления развитого гражданского общества.

²² См.: Депутаты Тульской облдумы обсудили с молодыми учеными вопросы развития гражданского общества. URL.: <https://myslo.ru/news/tula/2016-02-11-deputati-tulskoy-obldumi-obsudili-s-molodimi-uchenimi-voprosi-razvitiya-grazhdanskogo-obshchestva>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Администрация города Тулы. Политические партии. URL.: <http://www.tula.ru/activity/society/political-parties> (дата обращения: 01.02.2016).

В Туле прошел общественный форум активных граждан “Гражданское общество 71”. URL.: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2173/newsitem/31966?PHPSESSID=fq71uu6e5400jpnd5eg3845kc6 (дата обращения: 05.02.2016).

Даль Р. О демократии. М., 2000.

Депутаты Тульской облдумы обсудили с молодыми учеными вопросы развития гражданского общества. URL.: <https://myslo.ru/news/tula/2016-02-11-deputati-tulskoy-obldumi-obsudili-s-molodimi-uchenimi-voprosi-razvitiya-grazhdanskogo-obshchestva> (дата обращения: 05.02.2016).

Доклад о состоянии гражданского общества в Тульской области за 2014 год. URL.: <https://www.tularegion.ru/tula/opto/> (дата обращения: 17.02.2016).

Доклад о состоянии гражданского общества в Тульской области за 2015 год. URL.: <https://www.tularegion.ru/tula/opto/> (дата обращения: 01.07.2016).

Классификация российских регионов по потенциалу развития гражданского общества. URL.: http://www.zircon.ru/upload/iblock/24e/Klassifikacija_rossijskih_regionov_po_potencialu_razvitija_GO.pdf (дата обращения: 01.02.2016).

Некоммерческие организации Тульской области. URL.: <http://nko71.ru/katalog-nko/> (дата обращения: 05.02.2016).

Общественная палата Тульской области. URL.: <https://op71.ru> (дата обращения: 10.02.2016).

Открытый регион. Портал управления Тульской областью. URL.: <https://or71.ru/> (дата обращения: 10.02.2016).

Послание Тульской областной Думе 2014. URL.: <http://www.gruzdev.ru/governor/ptod2/> (дата обращения: 01.02.2016).

Самсонова Т.Н. Формирование гражданской культуры в современной России // Философские науки. 2013. № 1.

Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2013–2014. Т. VII. Человек как субъект конструирования / Под ред. Ю.М. Резника, М.В. Толстановой. Т. VII. М., 2014.

Сычева А.В. Молодежное добровольческое движение в Тульской области в оценках экспертного сообщества // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 2.

Тула активная. URL.: <http://tulactive.ru> (дата обращения: 15.02.2016).

Уполномоченный по правам ребенка в Тульской области. URL.: <http://pravarebenka.tularegion.ru> (дата обращения: 15.02.2016).

Уполномоченный по правам человека в Тульской области. URL.: <https://ombudsman.tularegion.ru/> (дата обращения: 15.02.2016).

Устав Тульской области. URL.: http://www.tulaoblduma.ru/o_dume/polnomochiya/ustav.pdf (дата обращения: 17.02.2016).

Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ “О некоммерческих организациях”. Ст. 2. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p77 (дата обращения: 01.02.2016).

REFERENCES

Administracija goroda Tuly. Politicheskie partii. URL.: <http://www.tula.ru/activity/society/political-parties> (data obrashhenija: 01.02.2016).

Dal' R. O demokratii. M., 2000.

Deputaty Tul'skoj obldumy obsudili s molodymi uchenymi voprosy razvitija grazhdanskogo obshhestva. URL.: <https://myslo.ru/news/tula/2016-02-11-deputati-tulskoy-obldumi-obsudili-s-molodimi-uchenimi-voprosi-razvitiya-grazhdanskogo-obshchestva> (data obrashhenija: 05.02.2016).

Doklad o sostojanii grazhdanskogo obshhestva v Tul'skoj oblasti za 2014 god. URL.: <https://www.tularegion.ru/tula/opto/> (data obrashhenija: 17.02.2016).

Doklad o sostojanii grazhdanskogo obshhestva v Tul'skoj oblasti za 2015 god. URL.: <https://www.tularegion.ru/tula/opto/> (data obrashhenija: 01.07.2016).

Federal'nyj zakon ot 12.01.1996 N 7-FZ "O nekommercheskih organizacijah". St. 2. URL: http://www.consultant.ru/popular/nekomerz/71_1.html#p77 (data obrashhenija: 01.02.2016).

Klassifikacija rossijskih regionov po potencialu razvitija grazhdanskogo obshhestva. URL.: http://www.zircon.ru/upload/iblock/24e/Klassifikacija_rossijskih_regionov_po_potencialu_razvitija_GO.pdf (data obrashhenija: 01.02.2016).

Nekommercheskie organizacii Tul'skoj oblasti. URL.: <http://nko71.ru/katalog-nko/> (data obrashhenija: 05.02.2016).

Obshhestvennaja palata Tul'skoj oblasti. URL.: <https://op71.ru> (data obrashhenija: 10.02.2016).

Otkrytyj region. Portal upravlenija Tul'skoj oblast'ju. URL.: <https://or71.ru/> (data obrashhenija: 10.02.2016).

Poslanie Tul'skoj oblastnoj Dume 2014. URL.: <http://www.gruzdev.ru/governor/ptod2/> (data obrashhenija: 01.02.2016).

Samsonova T.N. Formirovanie grazhdanskoj kul'tury v sovremennoj Rossii // Filosofskie nauki. 2013. N 1.

Samsonova T.N. Stanovlenie grazhdanina-patriota // Voprosy social'noj teorii: Nauchnyj al'manah. 2013–2014. T. VII. Chelovek kak sub#ekt konstruirovaniya / Pod red. Ju.M. Reznika, M.V. Tlostanovoj. T. VII. M., 2014.

Sycheva A.V. Molodezhnoe dobrovol'cheskoe dvizhenie v Tul'skoj oblasti v ocenkah jekspertnogo soobshhestva // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 2015. Вып. 2.

Tula aktivnaja. URL.: <http://tulactive.ru> (data obrashhenija: 15.02.2016).

Upolnomochennyj po pravam rebenka v Tul'skoj oblasti. URL.: <http://pravarebenka.tularegion.ru> (data obrashhenija: 15.02.2016).

Upolnomochennyj po pravam rebenka v Tul'skoj oblasti. URL.: <https://ombudsman.tularegion.ru/> (дата обращения: 15.02.2016).

Ustav Tul'skoj oblasti. URL.: http://www.tulaoblдума.ru/o_dume/polnomochiya/ustav.pdf (data obrashhenija: 17.02.2016).

V Tule proshel obshhestvennyj forum aktivnyh grazhdan "Grazhdanskoe obshhestvo 71". URL.: https://www.oprf.ru/ru/about/interaction/region_chambers/431/2173/newsitem/31966?PHPSESSID=fq71uu6e5400jpnd5eg3845kc6 (data obrashhenija: 05.02.2016).

Е.В. Масланов, канд. философ. наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН*

Д.В. Масланов, асп. Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского**

И.С. Подсеваткин, асп. Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского***

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ПЛОЩАДОК В ОБЛАСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАУДСОРСИНГА

Maslanov Evgeny Valerevich, Cand.Sci. (Phil. Sci.), research fellow at the department of social epistemology, Institute of Philosophy, RAS, e-mail: evgenmas@rambler.ru

Maslanov Dmitrij Valerevich, a postgraduate of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, e-mail: maslanov.dmitry@yandex.ru

Podsevatkin Ilja Sergeevich, a postgraduate of the Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, e-mail: podsevatkin.ilya@mail.ru

FEATURES OF THE CREATION OF INTERNET-PLATFORMS IN POLITICAL CROWDSOURCING

В настоящее время возрастают общественные требования к легитимности власти. Одним из важнейших общественных запросов становится запрос на формирование прозрачного управления и развитие элементов прямой демократии. Перспективный механизм, используемый властью для удовлетворения общественных запросов, — новые информационно-коммуникационные технологии, в частности, краудсорсинг. В статье рассматривается феномен политического краудсорсинга. Выделяются общие и содержательные правила, а также контекстные принципы построения площадок политического краудсорсинга. Первые нацелены на привлечение граждан в краудсорсинговые проекты, формирование у них лояльности по отношению к конкретной краудсорсинговой площадке и сохранение определенного количества активно работающих на ней участников. При рассмотрении содержательных правил выделяются два типа краудсорсинговых площадок — открытые и профессиональные. Показано, что для каждого типа площадок характерны свои особенности постановки задач и работы с ними. Контекстные принципы предназначены для выстраивания специальных механизмов формирования лояльности и вовлеченности людей в работу краудсорсинговых проектов, совмещенных с формированием эмоциональной поддержки и выстраиванием лояльности

* Масланов Евгений Валерьевич, e-mail: evgenmas@rambler.ru

** Масланов Дмитрий Валерьевич, e-mail: maslanov.dmitry@yandex.ru

*** Подсеваткин Илья Сергеевич, e-mail: podsevatkin.ilya@mail.ru

по отношению к политическому актору. Эти результаты могут быть достигнуты за счет создания целостной сети площадок в области политического краудсорсинга и их использования как интеллектуального и кадрового ресурса политических акторов. В результате площадки в области политического краудсорсинга могут стать важным элементом медиа-образа современного политического актора.

Ключевые слова: интернет, краудсорсинг, политический краудсорсинг, гражданское общество, информационно-коммуникационные технологии, политический процесс.

At the present time there is an increase of public demands on the legitimacy of authority. The most important one is the request to create transparent management and development of elements of direct democracy. The perspective mechanism used by government to meet the public inquiries is new information and communication technologies, in particular, crowdsourcing. This article deals with the phenomenon of political crowdsourcing. The authors try to show the general and substantive rules and contextual principles of buildings of political crowdsourcing platforms. The first are focused on the involvement of citizens in crowdsourcing projects, formation of their loyalty to a particular crowdsourcing site and preservation of amount of active working members of crowd platform. During consideration of the substantive rules two types of crowdsourcing platforms were allocated: open and professional. It is shown that for each type of sites have its own characteristics in the formulation of the problems and work with them. Contextual principles are intended for construction special mechanisms for making people's loyalty to the crowdsourcing projects and involvement into their work, combined with the formation of emotional support and loyalty to the political actors. These results may be achieved through the creation of integrated network platforms in the field of political crowdsourcing and use them as an intellectual and human resources of political actors. As a result, political crowdsourcing platforms should be an important element of image of political actors.

Keywords: Internet, crowdsourcing, political crowdsourcing, civil society, information and communication technology, the political process.

В настоящее время общественные требования к легитимности власти постоянно возрастают. Считается, что демократическая рецессия, возрастание геополитических, экологических рисков вынуждают как власть, так и общество искать новые пути для трансформации и совершенствования всей системы управления¹. По мнению Мэтью О'Нила, профессора Австралийского национального университета, в период кризиса легитимности ключевым станет следующий вопрос: «Будет ли стремление к прозрачному управле-

¹ Зотов В.Б., Бронников И.А. Информационно-коммуникационные технологии — лейтмотив городского управления // Власть. 2015. № 11. С. 95—96; Никовская Л.И., Якимец В.Н. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от “административной” к партнерской модели // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 50.

нию и прямой демократии выходить за рамки “маргинальных” партий и движений, например, “Пиратской партии” и “Захвати Уолл-стрит”»²? Мы склоняемся к тому, что такая трансформация может осуществляться не только “маргинальными” движениями, но и органами государственной власти, различными политическими акторами. Она должна основываться на принципах взаимовыгодного сотрудничества органов власти и структур гражданского общества, включения населения в процессы выработки политических решений³.

В последнее время увеличивается не только количество пользователей сети⁴, но и готовность россиян принимать участие в работе интернет-сообществ, занимать активную гражданскую позицию⁵. Поэтому новые информационно-коммуникационные технологии, и, в частности, краудсорсинг, являются удобными инструментами сотрудничества власти и общества при решении различных проблем, могут способствовать развитию “хорошего управления”⁶. “Информационные технологии, — пишет Н.А. Рукина, — могут стать эффективным инструментом в экономике, государственном управлении, общественных отношениях”⁷. Технология краудсорсинга применяется достаточно активно как коммерческими компаниями, так и государственными структурами, органами местного самоуправления. По данным “Карты краудсорсинга” в России сейчас насчитывается около 230 проектов такого рода⁸. В сфере же публичной политики он выступает эффективным инструментом вовлечения людей в процессы разработки государственных реше-

² O’Neil M. Hacking Weber: legitimacy, critique, and trust in peer production // Information, Communication & Society. 2014. Vol. 17. N 7. P. 885.

³ Крайнова К.А. Новые коммуникационные практики в сфере управления политико-коммуникативными процессами // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. URL: www.science-education.ru/107-8331 (дата обращения: 05.10.2015).

⁴ См. напр.: Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2015. Опрос ФОМа. 2015. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12497> (дата обращения: 18.02.2016).

⁵ См. например: Бронников И.А. Современные особенности российской интернет-аудитории как участника политической коммуникации // PolitBook. 2013. № 2. С. 44–59; Петухов В.В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 87–99; Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 25–48.

⁶ См. например: Черкасов В. Развитие социальных сетей привело к новому восприятию мира и государственных возможностей // Информационное общество. 2013. № 3. С. 4–11.

⁷ Рукина Н.А. Информационно-коммуникационные технологии: история вопроса и современные проблемы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 194.

⁸ <http://crowdsourcing.ru/crowdmap>

ний, общественного контроля за соблюдением законодательства, взаимодействия муниципальной власти и общества для улучшения городской среды. В результате деятельности таких проектов происходит, как писал известный исследователь краудсорсинга Дарен Брэбэм в своей книге “Краудсорсинг”, процесс подключения организации (в данном случае государственных учреждений и политических акторов) к онлайн-сообществу и обмен информацией между ними⁹.

Власть в России понимает важность привлечения населения к государственному управлению. По мнению ряда исследователей, политический краудсорсинг достиг у нас значительной степени развития¹⁰. Несомненно, успешность ряда проектов показывает перспективность использования данной технологии. Первый заместитель главы Администрации Президента (на тот момент) РФ В. Володин на форуме “Интернет-Экономика 2015” призвал внести в Программу развития российского сегмента интернета более широкое участие общества в управлении государством. «Многие программы, которые представляет Москва, обсуждаются через ресурс “Активный гражданин”. Аналогичные структуры могут быть созданы на других территориях», — отметил В. Володин¹¹. Очевидно, что «развитие онлайн пространства публичной политики на федеральном уровне посредством проектирования информационно-коммуникативных систем, — как справедливо пишет И.В. Мирошниченко, — создает новые возможности для реализации принципов “цифровой демократии”»¹². Однако при реализации проектов в сфере краудсорсинга возникают как внутренние, так и внешние проблемы и риски. В связи с этим частично уже были сформулированы некоторые принципы и правила реализации проектов как для краудсорсинга в целом, так и для политического краудсорсинга в частности¹³.

⁹ *Brabham D.C.* Crowdsourcing. Cambridge, 2013. P. 100.

¹⁰ См. например: *Фельдман П.Я.* Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // *Власть*. 2014. № 6. С. 21–26.

¹¹ Володин призвал ускорить развитие сферы интернет-услуг // *Lenta.ru*. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/21/internet/> (дата обращения: 25.01.2016).

¹² *Мирошниченко И.В.* Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011. № 6. С. 32.

¹³ См. например: *Голубев Е.В.* Краудсорсинговый проект, как система: необходимые элементы, их взаимосвязь, ограничения и способы преодоления // *Наукосведение*. 2014. Вып. 5. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/56EVN514.pdf> (дата обращения: 11.01.2016); *Насыров И.Р., Савельев И.Л.* Технологии краудсорсинга в государственном управлении // *Ученые записки Казанского университета: гуманитарные науки*. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 94–104; *Соколов А.В.* Электронные коммуникации

В данной статье хотелось бы выделить, структурировать и обобщить основные, по нашему мнению, правила и принципы построения как отдельных площадок, так и целой сетевой структуры платформ политического краудсорсинга. Их выполнение позволит более эффективно и успешно использовать технологию краудсорсинга в политических целях. Мы говорим о тех принципах, по аналогии с “rules” обозначенными в статье Грегори Сакстона, которые указывают на отличие политического краудсорсинга как технологии для “объединения усилий виртуальной толпы в целях выполнения определенных организационных задач”¹⁴ от других видов привлечения общества к общественно-политической деятельности. В этой связи мы выделяем общие и содержательные правила, вместе с контекстными принципами построения платформ политического краудсорсинга.

Общие правила

При построении площадок в области политического краудсорсинга одна из важнейших задач — сохранение определенного количества участников, активно работающих в проектах. Для ее решения необходимо соблюдение нескольких общих правил нацеленных на привлечение граждан в краудсорсинговые проекты, и формирование у них лояльности по отношению к конкретной краудсорсинговой площадке.

— *При построении краудсорсинговой площадки и реализации на ее основе конкретных проектов цели, задачи и стратегия продвижения должны основываться на решении конкретных проблем, стоящих перед людьми, а не на стремлении получить сиюминутные политические дивиденды.* Успешность проекта напрямую связана с привлечением к работе над ним достаточного количества людей, следовательно, главной целью проектов должны быть вопросы, в решении которых напрямую заинтересованы его гипотетические участники. Одним из способов выявления актуальных для общества проблем может быть проведение на краудсорсинговой площадке социологического опроса, предшествующего старту конкретного проекта, призванного выделить интересующие граждан “болевые точки”, работа над которыми и должна стать целью краудсорсинговых проектов.

в социальной активности граждан // Власть. 2015. № 3. С. 67–71; Шаповалова И.С. Организационно-технологическая модель минимизации рисков, возникающих при внедрении технологий краудсорсинга // Власть. 2014. № 7. С. 14–22; Saxton G., Onook O., Kishore R. Rules of crowdsourcing: models, issues, and systems of control // Information Systems Management. 2013. Vol. 30. P. 2–20.

¹⁴ Saxton G., Onook O., Kishore R. Op. cit. P. 3.

Эта деятельность может быть одним из элементов программы политического актора. Однако не стоит рассматривать проекты в области политического краудсорсинга лишь как один из механизмов, используемых в предвыборных кампаниях. В этой связи хотелось бы отметить не совсем удачный опыт Нижнего Новгорода. В рамках предвыборной кампании по выбору депутатов в городскую Думу Нижнего Новгорода одной из всероссийских партий был запущен «Народный проект “Мой Новый Нижний”». Он предлагает горожанам выдвигать свои идеи по улучшению городской среды к 2021 г. — 800-летию со дня основания города¹⁵. Но этот проект был сугубо предвыборным инструментом — он должен был привлечь внимание горожан на то, что партия хочет разработать стратегическую программу развития города, исходя из пожеланий граждан. В предвыборной гонке этот проект позиционировался как программа партии. После завершения выборов, когда краткосрочные цели были достигнуты, проект стал не интересен. В итоге оказалось, что поднятые в рамках этого проекта проблемы не освещены и не решены, а политические оппоненты могут использовать его как пример не совсем ответственного отношения регионального отделения одной из партий как к мнению народа, так и к своим обязательствам. Однако при должной реализации этот проект мог бы стать важным инструментом улучшения “городской среды” и одним из механизмов привлечения активных горожан к выработке муниципальной политики, что принесло бы организовавшей его партии дополнительное одобрение в среде лидеров мнений своих сообществ.

— *Необходимо избегать принудительного вовлечения людей в “онлайн-деятельность”, в том числе посредством административного ресурса.* Один из основных принципов краудсорсинга — добровольное участие. Важно, чтобы площадки в области политического краудсорсинга выступали “инструментом взаимодействия в онлайн-сообществе пользователей со схожими интересами”¹⁶, которым гражданин захотел воспользоваться по своей личной инициативе. Конечно, принуждение к участию в таких проектах может рассматриваться их организаторами, особенно если они связаны с политическими силами, как эффективный способ формирования первоначального пула участников проекта. Но в этом случае площадка будет ассоциироваться либо с еще одним “административным” инструментом, создаваемым для “отчетности” и “имитации существования гражданского общества”, либо с очередной попыткой в

¹⁵ <http://мойновыйнижний.рф/>

¹⁶ Saxton G., Onook O., Kishore R. Op. cit. P. 2.

преддверии выборов имитировать интерес к пожеланиям электората. Это приведет к резкому снижению эффективности работы.

— *Механизмы анализа предложений, реализации “наработок толпы” и принятых решений должны быть четко и недвусмысленно прописаны, приведены данные о работе проектов.* Люди, участвующие в проектах, должны понимать, при помощи каких механизмов разработанные ими идеи либо выполненная ими на добровольных началах работа будут воплощены в жизнь. В этом случае у участников будет сформирована лояльность по отношению к площадке, и они будут возвращаться для продолжения работы, привлекать к участию людей из своего окружения. К примеру, на сайте проекта ОНФ “За честные закупки” приведена информация о механизме его работы и истории успеха активистов, позволяющие убедиться в эффективности деятельности проекта. На сайте проектов “Активный гражданин” также можно получить соответствующую информацию. В итоге у участников этих проектов была сформирована лояльность по отношению к ним и желание рассказать о них своему окружению. В результате 22% участников проекта “Активный гражданин”, которых насчитывается уже более 1,2 млн человек, узнали о нем по “сарафанному радио” — традиционному источнику, которому больше всего доверяют¹⁷. О роли социального взаимодействия в увеличении количества участников онлайн-проектов, в том числе краудсорсинговых, говорят и иностранные исследователи. Например, Алекс Резерфорд с коллегами в статье “Пределы социальной мобилизации” подчеркивают, что “сарафанное радио” — важный инструмент для пополнения сетевых сообществ активистами¹⁸.

— *Необходимо указывать не только, как будет реализовываться идея участника, но и поощрять его либо символическим, либо реальным, например, материальным, вознаграждением.* Вопрос о важности проработанной системы мотивации, как материальной, так и символической, в краудсорсинговых проектах, в том числе политических, поднимают многие исследователи¹⁹. Поэтому участникам стоит предлагать различные вознаграждения, рекрутинговые перспективы, профессиональное признание и т.п. Например, по итогам проекта “Бизнес в антикризисе”, проведенного площадкой “КраудСпейс”, самых активных и продуктивных участников при-

¹⁷ Зотов В.Б., Бронников И.А. Указ. соч. С. 98.

¹⁸ Rutherford A., Cebrian M., Dsouza S., Moro E., Pentland A., Rahwan I. Limits of social mobilization // PNAS. 2013. April. Vol. 110. N 16. P. 6282.

¹⁹ См. например: Шаповалова И.С. Указ. соч.; Brabham D.C. Crowdsourcing. Cambridge, 2013; Saxton G., Onook O., Kishore R. Op. cit. P. 2–20; и др.

гласили поделиться своими идеями на бизнес-завтраке Сбербанка в рамках Петербургского международного экономического форума 2015²⁰. После реализации проекта “Наш город” самые активные участники были приглашены на встречу с мэром Москвы С.С. Собяниным²¹. В рамках проекта “Активный гражданин” за прохождение опроса пользователь получает баллы, которые можно обменять на городские услуги (парковочные часы, билеты в кинотеатры, театры, музеи и др.)²². В итоге это становится еще одним механизмом формирования лояльности участников площадок.

— *Временные рамки реализации проекта должны быть четко определены.* При реализации проектов по выдвижению и/или обсуждению общественных инициатив или “мозгового штурма” должны быть четко обозначены даты начала проекта, длительность различных этапов и дата окончания проекта. В результате участники должны в достаточно короткий срок предоставить свои предложения. Это позволяет использовать проекты для осуществления реальных изменений и при этом формирует у участников ощущение важности и необходимости проекта не только для принявшего в его работе гражданина, но и для политического или административного актора, создавшего его. По окончании срока работы можно будет проверить, были ли реализованы разработанные решения или проект так и остался еще одной “имитацией”. Кроме того, конкретные сроки реализации позволяют оценить эффективность и дают возможность гражданину принять решение о том, возвращаться на эту краудсорсинговую площадку или нет. По такой схеме проводятся, например, краудсорсинговые проекты города Москвы, организованные на профессиональной площадке компании *Witology*. Однако деятельность по общественному контролю может носить постоянный характер. К примеру, поиск сомнительных закупок, проводимый ОНФ в рамках проекта “За честные закупки”, или мониторинг соблюдения законодательства в интернете, осуществляемый активистами “МедиаГвардии”, — задачи, не имеющие четких временных ограничений, они могут решаться на непрерывной основе.

— *В проектах должны использоваться инструменты модерации профессионалами, обладающими специальными знаниями в области законодательства, механизмов реализации конкретных решений.* По мнению Грегори Сакстона, на краудсорсинговой площадке должна быть “процедура контроля качества (например, эксперты, специалисты по комментариям и др.)”²³. Должна проводиться аналитиче-

²⁰ <https://crowdspace.ru/project/antikrizis/about>

²¹ <http://crowd.mos.ru/archive/#>

²² Зотов В.Б., Бронников И.А. Указ. соч. С. 98.

²³ Saxton G., Onook O., Kishore R. Op. cit. P. 5.

ская разработка поступающих предложений²⁴. В результате такой работы общественные инициативы должны быть переведены на язык, понятный бюрократии. В таком качестве, например, выступала модерация при обсуждении законов “О полиции” и “Об образовании”²⁵.

Содержательные правила

Мэтью О’Нил разделяет краудсорсинговые площадки по степени открытости для участия в их работе. Он выделяет закрытые площадки, где могут участвовать только “определенные” люди, и открытые площадки — для любых “неопределенных” людей. По его мнению, если для реализации совместной работы от участников требуются особые компетенции, то необходима профессиональная идентификация. Он приводит пример проекта *Debian*, в котором для допуска к работе на площадке участники должны найти решение сложной задачи или представить доказательства своей принадлежности к определенной профессиональной или социальной среде²⁶. Такие приемы используются и в методологии отбора участников на некоторые из проектов компании *Witology*²⁷. Сбербанк, который является локомотивом продвижения технологий краудсорсинга в России, в одном из своих проектов также использовал принцип отбора участников посредством профессионального теста²⁸. В этой связи нам представляется продуктивным ввести деление площадок в области политического краудсорсинга на “профессиональные” и “открытые”. Для каждого из этих типов площадок характерны свои особенные механизмы постановки задач и работы с ними, регулируемые содержательными правилами.

— *Профессиональная площадка подразумевает, во-первых, постановку задачи, для решения которой требуется определенный набор знаний, умений и навыков; во-вторых, активную творческую работу участников площадки по выработке решений.* Примером такой площадки может служить проект “Бизнес в антикризисе”. Его работа была направлена на то, чтобы разобраться, как ведет себя бизнес в сложной экономической ситуации, и выработать предложения для

²⁴ Насыров И.Р., Савельев И.Л. Указ. соч. С. 98.

²⁵ <http://kremlin.ru/events/president/news/9664>

²⁶ O’Neil. Op. cit. P. 881.

²⁷ Воробьев А.Л., Костров Д.Е. Методика организации форсайт-проектов с помощью краудсорсинга // Материалы IV конференции “ТРИЗ. Практика применения методических инструментов”. 15 ноября 2012. URL: <http://metodolog.ru/node/1554> (дата обращения: 12.01.2016).

²⁸ Рыцаева Е. Локальная мудрость // Эксперт Online. URL: <http://expert.ru/expert/2012/17/lokalnaya-mudrost/> (дата обращения: 25.01.2016).

преодоления кризисных явлений. Было привлечено 2635 участников, которые делились методами противостояния кризису, историями успеха и определяли главные задачи в сложившихся условиях. В результате было выработано 569 решений. Одно из заданий было обозначено как “Задачи и рекомендации государству”: участники должны были предложить варианты антикризисных решений на уровне государства. Работа на профессиональной площадке предполагает создание различных тематических блоков, в которых ее участники формулируют свои предложения. В них можно оценивать деятельность других участников и развернуто комментировать выдвинутые инициативы. К примеру, на такой площадке могут решаться проблемы, связанные с обустройством города или отдельных городских пространств, развитием системы здравоохранения и другие актуальные вопросы, как это было в проектах в г. Москве, Белгородской (проект “Народная экспертиза”)²⁹ и Нижегородской областях. В этом случае любой житель этого сообщества является “профессионалом”, так как он ежедневно на себе испытывает все плюсы и минусы жизни в этом пространстве, может предложить удачные решения. Поэтому отдельные “профессиональные” площадки вполне могут быть массовыми.

— *Профессиональные площадки подразумевают постановку задач, связанных с изменением и улучшением уже существующих практик, а не просто выработкой абстрактных предложений.* К примеру, краудсорсинговая площадка, предлагающая всем желающим провести “мозговой штурм” для решения проблем в области построения удачной схемы медицинского обслуживания на территории всей страны, вряд ли может рассматриваться как профессиональная. В каждом регионе существуют свои специфичные для него проблемы, а удачная практика одного региона не может быть автоматически перенесена на другой. На такой площадке в лучшем случае могут быть высказаны удачные догадки и абстрактные “благие пожелания”. Кроме того, такая площадка будет настолько массовой, что ее модерация может представлять из себя сверх сложный процесс. При этом постановка этой же проблемы в рамках вполне конкретной территории является перспективной, а ее решение может осуществляться на профессиональной площадке. Здесь можно привести пример краудсорсингового проекта “Вместе за достойную медицину”, который был проведен в июле–августе 2013 г. в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра. Он позволил провести общественную экспертизу программы модернизации здравоохранения, проводившейся в регионе в 2011–2012 гг.,

²⁹ <https://narod-expert.ru/>

и наметить дальнейшие шаги по ее улучшению. В результате в нем приняло участие 1100 жителей, было подано более 1500 предложений, идей и концепций по совершенствованию системы здравоохранения. По словам Губернатора ХМАО Натальи Комаровой, этот опыт может быть полезен и применим в других субъектах РФ³⁰. Схожие площадки по различным вопросам могут привлечь активных граждан и показать, насколько проблемы, “видимые из чиновничьих кабинетов”, совпадают с теми проблемами, которые испытывают конкретные граждане — потребители государственных услуг.

— *Важная содержательная особенность профессиональной площадки — выстраивание механизмов доступа к ней.* Профессиональная площадка, ориентированная на решение проблем локальных сообществ, вполне может подразумевать открытый доступ, так как вряд ли будет интересна большому количеству людей, не связанных с этим пространством. В то же время если она является “экспертной”, т.е. “закрытой” по классификации Мэтью О’Нила, то вполне может подразумевать первичную или вторичную модерацию входа, к примеру, прохождение определенного теста или оценку сформулированного текста и т.д. Эти инструменты позволяют “отсечь” очевидно некомпетентных пользователей, так как критическая масса таких пользователей может повредить “репутации” площадки.

— *Открытая площадка предполагает постановку задачи, не требующей специальных знаний, умений или навыков.* Здесь самыми показательными примерами выступают проекты “Активный гражданин”, в котором участнику необходимо лишь проголосовать на электронном референдуме, и “Российская общественная инициатива”, в котором необходимо в свободной форме выдвинуть, либо проголосовать за ранее опубликованную законодательную инициативу.

— *Открытая площадка должна предлагать понятный инструмент для работы по решению поставленной задачи, не требующей особых навыков от пользователя и не оставляющей для пользователя большого пространства для творчества.* Успешно применяют данный принцип, например, проекты ОНФ “За честные закупки” и МГЕР “МедиаГвардия”. В них волонтеру необходимо заполнить определенную форму (для ОНФ — форму с указанием факторов сомнительности найденной закупки; у МГЕР — форму с указанием адреса сайта и найденным нарушением), которая позволяет уже профессиональным участникам проекта работать с найденным контентом. Этот же механизм должен быть использован и для площадок

³⁰ http://witology.com/clients_n_projects/604/

“народной инициативы”, но участнику такой площадки должны быть предоставлены определенные поля для заполнения и подсказки по тому, какая информация должна быть в них раскрыта. Это связано с тем, что в этом случае площадка решает в том числе и задачу “канализации” активности гражданина, а она сама по себе подразумевает некоторую реализацию творческого потенциала.

— *Открытая площадка подразумевает меньшее взаимодействие между ее участниками и модераторами проекта, хотя и не исключает его.* Такие площадки скорее базируются на равнодушии граждан и их стремлении участвовать в политической жизни, желании высказать свою позицию. Сама по себе возможность реализовать это право является для них важным побудительным фактором. Однако в них можно использовать рейтинговую систему, которая может стать одним из каналов связи с модераторами проекта и серьезным мотивирующим фактором³¹. При этом наиболее активные участники таких проектов могут быть “общественно одобрены”, что создает вокруг таких площадок дополнительный информационный повод и позволяет привлекать к ним новых активистов.

— *Механизм доступа к открытой площадке должен быть максимально упрощен.* Такие площадки подразумевают возможность любого гражданина участвовать в общественно полезной деятельности, которая не требует особых навыков. Таким образом, сама по себе массовость этой площадки является ее важным символическим преимуществом перед другими площадками.

Контекстные принципы

Принципиально важным элементом построения площадки политического краудсорсинга выступает соблюдение *контекстных принципов*. Под ними мы понимаем принципы выстраивания специальных механизмов формирования лояльности и вовлечения в работу участников краудсорсингового проекта, совмещенные с формированием эмоциональной поддержки и выстраиванием лояльности по отношению к политическому актору — организатору краудсорсинговой площадки.

Важнейшей составляющей политического краудсорсинга в условиях любого реального политического процесса, на наш взгляд, выступает не только стремление решить конкретные проблемы, но и сформировать лояльный электорат, эмоциональную поддержку акторов, инициировавших создание площадки. Конечно же, важным элементом создания этих механизмов становятся правила поощрения, взаимодействия и другие общие правила. Но они на-

³¹ Brabham D.C. Op. cit. P. 62.

правлены на активизацию работы участников проектов. Э.Д. Коркия справедливо отмечает, что “способы достижения не только привлекательности, но и популярности затрагивают как массовую и межличностную коммуникации внутри самой сети, так и офлайн-новые способы обеспечения успеха тому или иному информационному поводу”³². Поэтому, контекстные принципы базируются на том, что площадка политического краудсорсинга должна являться одним из элементов целостной работы политических акторов с пользователями сети и в целом с населением. В результате их применения должно остаться впечатление о важности работы, проводимой на площадке политического краудсорсинга, о принципиальной необходимости продолжения взаимодействия и возможности изменить положение в окружающем пространстве, стране при активной помощи вполне конкретной политической силе. Для реализации этих целей:

1. *Площадки и проекты политического краудсорсинга должны рассматриваться как элементы высокотехнологичной интеллектуальной инфраструктуры политического актора.* Должны быть созданы не отдельные, слабо взаимосвязанные площадки, а целостные сети, в которых будет возможен переход с одной площадки на другую, в том числе и переход с открытой на профессиональную площадку. Стоит отметить, что возможность перехода или приглашение участника на закрытую профессиональную площадку может быть своеобразным рейтинговым поощрением за успешную деятельность на открытой площадке. Такие сети должны быть нацелены на решение широкого круга проблем, при этом отдельный элемент сети — краудсорсинговая площадка — должен отвечать за свою конкретную проблему. Но между ними должны быть выстроены переходы, позволяющие участнику без затрат дополнительного времени перемещаться между ресурсами.

2. *Площадки политического краудсорсинга должны использоваться как интеллектуальный и кадровый ресурс акторов политического процесса.* Наиболее активные участники этих площадок, лидеры общественного мнения и инициаторы наиболее перспективных изменений могут составить своеобразный “интеллектуальный” и кадровый ресурс для политических акторов, органов исполнительной или законодательной власти. При этом у этих людей уже будет сформирована лояльность к организатору площадок, основанная на вовлеченности в процесс выработки решений, активной граж-

³² Коркия Э.Д. Медиареальность России как социально-культурная система современного общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 93.

данской позиции и стремлении непосредственно решить конкретные стоящие перед отдельными сообществами или даже всем обществом проблемы, а не на желании получить дополнительные привилегии.

В результате реализации указанных пунктов успешно решенные общественные проблемы и сами краудсорсинговые площадки должны стать важными “медиа”-поводами в выступлениях политических деятелей. Они получают достаточно большое количество информационных поводов, позволяющих рассказать об историях успеха активистов и проведенных ими изменениях, улучшивших жизнь людей. При этом, как считает Алекс Резерфорд с коллегами, использование СМИ, блогов, Твитера способствует социальной мобилизации и участию в сетевых проектах³³. В итоге политический краудсорсинг получит большое количество новых участников, понимающих, что работа на этих площадках помогает улучшить их жизнь, а сами эти изменения связаны с вполне конкретной политической силой. Результатом этого станет эмоциональная сопричастность и лояльность как площадке, так и актору, стоящему за ней, что может активно использоваться и для мобилизации электората в предвыборный период. Таким образом, в будущем проекты в области политического краудсорсинга, уделяющие внимание контекстным принципам, должны стать одним из важнейших элементов медиаобраза современного политического актора, претендующего на выстраивание “хорошего правления” и перехват у маргинальных течений призывов к прямой демократии и прозрачному управлению.

В настоящее время в России, к сожалению, контекстные принципы практически не используются. К примеру, в период 2012–2015 гг. в новостных лентах и статьях наиболее известных и популярных информационных агентств русскоязычного сегмента интернета термин “краудсорсинг” упоминался от 8 (на сайте газеты “Комсомольская правда”) до 92–93 раз (на сайте агентства “РИА Новости” и сайте радиостанции “Эхо Москвы”). Частота упоминания проекта ОНФ “За честные закупки” составляет от 16 раз (на сайте “Независимой газеты”) до 157 раз (на сайте агентства “РИА Новости”). При этом экспертное сообщество, как оппозиционно настроенное к существующей политической власти, так и в целом лояльное к ней, понимает важность данного механизма. На сайтах радиостанции “Эхо Москвы”, газеты “Независимая газета” и журнала “Эксперт” термин “краудсорсинг” упоминается чаще, чем проект ОНФ “За честные закупки”, и в количестве, сопоставимом с упоминанием темы “электронного правительства”, тогда как на

³³ *Rutherford A., Cebrian M., Dsouza S., Moro E., Pentland A., Rahwan I. Op. cit. P. 6285.*

других ресурсах упоминание проблематики, связанной с “электронным правительством”, значительно превосходит упоминание краудсорсинга. Все это свидетельствует о том, что существуют реальные возможности для использования коммуникационных каналов в целях популяризации такого рода проектов, но пока ни один из политических акторов не реализует эту стратегию активно.

Таким образом, одним из наиболее серьезных вызовов, стоящих перед потенциальным организатором проекта политического краудсорсинга, является верное определение его конкретной цели и исходящего из этого способа ее достижения. В результате успешного применения общих и содержательных правил вместе с контекстными принципами построения краудсорсинговых платформ может быть создана целостная сеть площадок политического краудсорсинга. Они могут использоваться государственной властью для решения вполне конкретных проблем местных сообществ, разработки перспективных планов развития, привлечения граждан к управлению государством, формирования “открытого” общества. Будет преодолен “совещательный дефицит, который не позволяет общественности участвовать в открытой и критической дискуссии, чтобы обмениваться мнениями и влиять на политические решения”³⁴. В то же время они могут использоваться для формирования лояльности граждан к акторам политического процесса, ориентирующимся на учет их мнения при решении конкретных вопросов, которая в итоге может быть также трансформирована в электоральную поддержку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бронников И.А. Современные особенности российской интернет-аудитории как участника политической коммуникации // PolitBook. 2013. № 2. С. 44–59.

Володин призвал ускорить развитие сферы интернет-услуг // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/21/internet/> (дата обращения: 25.01.2016).

Воробьев А.Л., Костров Д.Е. Методика организации форсайт-проектов с помощью краудсорсинга // Материалы IV конференции “ТРИЗ. Практика применения методических инструментов”. 15 ноября 2012. URL: <http://metodolog.ru/node/1554> (дата обращения: 12.01.2016).

Голубев Е.В. Краудсорсинговый проект, как система: необходимые элементы, их взаимосвязь, ограничения и способы преодоления // Наукосведение. 2014. Вып. 5. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/56EVN514.pdf> (дата обращения: 11.01.2016).

³⁴ O’Neil M. Op. cit. P. 884.

Зотов В.Б., Бронников И.А. Информационно-коммуникационные технологии — лейтмотив городского управления // *Власть*. 2015. № 11. С. 94—100.

Коркия Э.Д. Медиарельность России как социально-культурная система современного общества // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2012. № 2. С. 87—96.

Крайнова К.А. Новые коммуникационные практики в сфере управления политико-коммуникативными процессами // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 1. URL: www.science-education.ru/107-8331 (дата обращения: 05.10.2015).

Мирошниченко И.В. Модернизационный потенциал краудсорсинга в современной публичной политике: российский опыт и зарубежные практики // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011. № 6. С. 31—39.

Насыров И.Р., Савельев И.Л. Технологии краудсорсинга в государственном управлении // *Ученые записки Казанского университета: гуманитарные науки*. 2012. Т. 154. Кн. 6. С. 94—104.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. Формирование и отстаивание общественных интересов в России: от “административной” к партнерской модели // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 5. С. 49—63.

Новек Б. Wiki-правительство: как технологии могут сделать власть лучше, демократию — сильнее, а граждан — влиятельнее. М., 2012.

Петухов В.В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики // *Полис. Политические исследования*. 2013. № 5. С. 87—99.

Петухов В.В., Петухов Р.В. Демократия участия: институциональный кризис и новые перспективы // *Полис. Политические исследования*. 2015. № 5. С. 25—48.

Рогова А.В. Краудсорсинг как инструмент социально-экономического развития региона // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10531> (дата обращения: 30.12.2015).

Рукина Н.А. Информационно-коммуникационные технологии: история вопроса и современные проблемы // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2013. № 4. С. 187—195.

Рыцаева Е. Локальная мудрость // *Эксперт Online*. URL: <http://expert.ru/expert/2012/17/lokalnaya-mudrost/> (дата обращения: 25.01.2016).

Сивакс А.Н. Краудсорсинг как способ оптимизации функционирования предприятий // *Науковедение*. 2015. Т. 7. № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/52EVN115.pdf> (дата обращения: 21.12.2015).

Соколов А.В. Электронные коммуникации в социальной активности граждан // *Власть*. 2015. № 3. С. 67—71.

Фельдман П.Я. Политический краудсорсинг как институт электронной демократии: проблемы становления и развития // *Власть*. 2014. № 6. С. 21—26.

Черкасов В. Развитие социальных сетей привело к новому восприятию мира и государственных возможностей // *Информационное общество*. 2013. № 3. С. 4—11.

Шановалова И.С. Организационно-технологическая модель минимизации рисков, возникающих при внедрении технологий краудсорсинга // Власть. 2014. № 7. С. 14–22.

Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2015 // Опрос ФОМа. 2015. URL: <http://fom.ru/SMI-i-interenet/12497> (дата обращения: 18.02.2016).

<http://мойновыйнижний.пф/>

REFERENCES

Brabham D.C. Crowdsourcing. Cambridge, 2013.

Bronnikov I.A. Sovremennye osobennosti rossijskoj internet-auditorii kak uchastnika politicheskoy kommunikacii [Modern features of the Russian Internet audience as a participant in the political communication] // PolitBook. 2013. N 2. S. 44–59 (in Russian).

Cherkasov V. Razvitie social'nyh setej privelo k novomu vospriyatiju mira i gosudarstvennyh vozmozhnostej [The development of social networks has led to a new perception of the world and state opportunities] // Informacionnoe obshchestvo [Information society]. 2013. N 3. S. 4–11 (in Russian).

Fel'dman P.Ja. Politicheskij kraudsorsing kak institut jelektronnoj demokratii: problemy stanovlenija i razvitija [Political crowdsourcing as an institution of e-democracy: problems of formation and development] // Vlast' [The Authority]. 2014. N 6. S. 21–26 (in Russian).

Golubev E.V. Kraudsorsingovyj proekt, kak sistema: neobhodimye jelementy, ih vzaimosvjaz', ogranichenija i sposoby preodolenija [Crowdsourcing project as a system: the essential elements, relationships, limitations, and ways to overcome] // Naukovedenie. 2014. Vyp. 5. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/56EVN514.pdf> (data obrashhenija 11.01.2016) (in Russian).

<https://crowdspace.ru/project/antikrizis/about>

<http://crowd.mos.ru/archive/#>

<http://crowdsourcing.ru/crowdmap>

<http://kremlin.ru/events/president/news/9664>

<https://narod-expert.ru/>

http://witology.com/clients_n_projects/604/

Internet v Rossii: dinamika proniknoveniiy. Osen' 2015 [Internet in Russia: Dynamics of Penetration. Autumn 2015] // Opрос FOMa [FOM poll]. 2015. URL: <http://fom.ru/SMI-i-interenet/12497> (data obrashhenija: 18.02.2016) (in Russian).

Korkiiy E.D. Mediarealnost' Rossii kak social'no-kyl'tyrnaiy sistema sovremennogo obshestva [Mediareality as a socio-cultural system of a modern society] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 18. Sociologii i politologii [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2012. N 2. S. 87–96 (in Russian).

Krajnova K.A. Novye kommunikacionnye praktiki v sfere upravlenija politiko-kommunikativnymi processami [New communication practices in the management of political and communication processes] // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern problems of science and education]. 2013.

N 1. URL: www.science-education.ru/107-8331 (data obrashheniya: 05.10.2015) (in Russian).

Miroshnichenko I.V. Modernizatsionnyy potencial kraudsorsinga v sovremennoy publichnoy politike: rossijskiy opyt i zarubezhnye praktiki [Modernisation potential of crowdsourcing in contemporary public policy: Russian experience and foreign practice] // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie [Problem analysis and public administration projection]. 2011. N 6. S. 31–39 (in Russian).

Nasyrov I.R., Savel'ev I.L. Tehnologii kraudsorsinga v gosudarstvennom upravlenii [Crowdsourcing Technologies in Public Administration] // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta: gumanitarnye nauki [Proceedings of Kazan University: Humanities Series]. 2012. T. 154. Kn. 6. S. 94–104 (in Russian).

Nikovskaya L.I., Jakimec V.N. Formirovanie i otstaivanie obshchestvennykh interesov v Rossii: ot “administrativnoy” k partnerskoj modeli [Formation and advocacy of the public interests in Russia: from “administrative” to partner model] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2015. N 5. S. 49–63 (in Russian).

Novek B. Wiki-pravitel'stvo: kak tehnologii mogut sdelat' vlast' luchshe, demokratiju – sil'nee, a grazhdan – vlijatel'nee [Wiki Government: How Technology Can Make Government Better, Democracy Stronger and Citizens More Powerful]. M., 2012 (in Russian).

O'Neil M. Hacking Weber: legitimacy, critique, and trust in peer production // Information, Communication & Society. 2014. Vol. 17. N 7. P. 872–888.

Petuhov V.V. Grazhdanskaya aktivnost' kak al'ternativa antidemokraticeskomu trendu rossijskoj politiki [Civic activity is an alternative to the democratic trend of Russian policy] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2013. N 5. S. 87–99 (in Russian).

Petuhov V.V., Petuhov R.V. Demokratiya ychastiya: institucional'nii krizis I novye perspektivi [Participatory Democracy: Institutional Crisis and New Prospects] // Polis. Politicheskie issledovaniya [Polis. Political Studies]. 2015. N 5. S. 25–48 (in Russian).

Rogova A.V. Kraudsorsing kak instrument social'no-jeconomicheskogo razvitiya regiona [Crowdsourcing as a tool for socio-economic development of the region] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. 2013. N 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10531> (data obrashheniya: 30.12.2015) (in Russian).

Rukina N.A. Informatsionno-kommunikatsionnye tehnologii: istoriya voprosa I sovremennye problemy [Information and communications technology: chronology of development and current problems] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and political science]. 2013. N 4. S. 187–195 (in Russian).

Rutherford A., Cebrian M., Dsouza S., Moro E., Pentland A., Rahwan I. Limits of social mobilization // PNAS. 2013. April. Vol. 110. N 16. P. 6281–6286.

Rycaeva E. Lokal'naya mudrost' [Local wisdom] // Jekspert Online [Expert online]. URL: <http://expert.ru/expert/2012/17/lokalnaya-mudrost/> (data obrashheniya: 25.01.2016) (in Russian).

Saxton G., Onook O., Kishore R. Rules of crowdsourcing: models, issues, and systems of control // Information Systems Management. 2013. Vol. 30. P. 2–20.

Shapovalova I.S. Organizacionno-tehnologicheskaja model' minimizacii ris-kov, vznikajushhih pri vnedrenii tehnologij kraudsorsinga [The organizational and technological model of risk minimization in crowdsourcing technologies] // Vlast' [The Authority]. 2014. N 7. S. 14–22 (in Russian).

Sivaks A.N. Kraudsorsing kak sposob optimizacii funkcionirovanija predpri-jatij [Crowdsourcing as a way of enterprises functioning optimization] // Nauko-vedenie [Naukovedenie]. 2015. T. 7. N 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/52EVN115.pdf> (data obrashhenija: 30.12.2015) (in Russian).

Sokolov A.V. Jelektronnye kommunikacii v social'noj aktivnosti grazhdan [Electronic communication in the social activity of citizens] // Vlast' [The Authority]. 2015. N 3. S. 67–71 (in Russian).

Volodin prizval uskorit' razvitie sfery internet-uslug [Volodin urged to accelerate the development of Internet-services] // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2015/12/21/internet/> (data obrashhenija: 25.01.2016) (in Russian).

Vorob'ev A.L., Kostrov D.E. Metodika organizacii forsajt-proektov s po-moshh'ju kraudsorsinga [Methods of the organization of the foresight project using crowdsourcing] // Materialy IV konferencii "TRIZ. Praktika primenenija metodicheskikh instrumentov". 15 nojabrja 2012. [Materials of IV conference "TRIZ. Practice the application of methodological tools". 2012. Nov. 15] URL: <http://metodolog.ru/node/1554> (data obrashhenija: 12.01.2016) (in Russian).

Zotov V.B., Bronnikov I.A. Informacionno-kommunikacionnye tehnologii – lejtmotiv gorodskogo upravlenija [Information and communication technologies – the keynote of the urban management] // Vlast' [The Authority]. 2015. N 11. S. 94–100 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

И.А. Васильев, канд. философ. наук, доц., руководитель отдела интеграции образования и науки, научный сотрудник лаборатории мониторинга результатов научно-исследовательских работ и проектов Московского городского педагогического университета*

ПОТЕНЦИАЛ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Vasilyev Igor Arkadyevich, the candidate of philosophical sciences, the associate professor, the head of department of integration of science and education, the research associate of laboratory of monitoring of results of research works and projects of the Moscow city pedagogical university, e-mail: via0707@ mail. ru

THE POTENTIAL OF UNIVERSITY RESEARCH: SOCIOLOGY, MANAGEMENT AND PRAGMATIC CONTEXT

Автор подчеркивает, что теоретико-методологическими предпосылками проведения данного исследования выступил ряд социально-экономических факторов, к которым он отнес становление социального института образования в качестве одного из ведущих механизмов развития и важнейших условий формирования инновационного общества, а также то, что наука на современном этапе развития общества превращается в крупную и самостоятельную отрасль экономики, обретая черты непосредственной производительной силы общества, превращаясь в важнейший инструмент не только духовного, но и материального воспроизводства его жизни. В статье рассматриваются итоги одного из разделов комплексного мониторингового социологического исследования проблем практического использования, трансляции результатов научно-исследовательской деятельности профессорско-преподавательских и научных кадров вуза гуманитарно-педагогического профиля в образовательное пространство. Исследование завершено в сентябре 2015 г. Приводятся результаты анализа научно-исследовательских работ (НИР), в ходе которого были выделены уровни (сферы) образовательного пространства, в которые транслировались и/или могли бы транслироваться результаты конкретных научно-исследовательских работ. В процессе исследования был осуществлен сравнительный анализ и дана краткая характеристика социально-профессионального состава акторов выполнения НИР. Автор формулирует ряд предложений, направленных на совершенствование управления научно-исследовательской деятельностью вуза и модернизацию политики в сфере управления университетской наукой. Он акцентирует внимание на воз-

* Васильев Игорь Аркадьевич, e-mail: via0707@ mail.ru

возможностях социологической науки в вопросах осмысления процессов и взаимодействий, формирующихся в научно-исследовательской сфере. В статье высказывается предположение о том, что авторская методика и методы исследования состояния и характеристик научно-исследовательской деятельности в вузе гуманитарно-педагогического профиля могут найти свое применение в вузах иной специализации при условии их адаптации к социально-профессиональным особенностям конкретного учебного заведения.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, уровень образования, контент-анализ, методика, критерии, трансляция.

The author emphasizes that the theoretical and methodological presuppositions of this study made a number of socio-economic factors, which he carried the formation of the social institution of education as one of the leading mechanisms of development and the most important conditions for the formation of an innovative society, and the fact that science is at the present stage of development society is transformed into a large and independent branch of the economy, acquiring the features of a direct productive force of society, becoming an essential tool not only spiritual, but also material reproduction of life. The article discusses the results of one of the parts of the Integrated Monitoring sociological research practical application problems of translation of scientific and research activity of the faculty and research staff of the university humanitarian and pedagogical profile in the education space. The study was completed in September 2015. The results of the analysis of scientific research (R&D), in which were allocated levels (spheres) of educational space in which the broadcast and/or could be broadcast results of specific research projects. The study was carried out a comparative analysis and summarizes the socio-professional composition of performing R&D actors. The author formulates a number of proposals aimed at improving the management of research activities of the university and modernization policies of university management science. It focuses on the possibilities of social science in matters of understanding the processes and interactions that are formed in the research field. The article suggests that the author's technique and methods of research status and characteristics of the research activities at the university humanitarian and pedagogical profile may find their application in different high schools of specialization, provided that they adapt to the social and professional characteristics of the particular institution.

Keywords: scientific research, education, content analysis, methodology, criteria, broadcast.

Теоретико-методологические предпосылки

В XXI в. социальный институт образования стал ведущим механизмом развития и одним из важнейших условий формирования инновационного общества. Цивилизованные страны мира работают над формированием экономики, базирующейся преимущественно на генерации, трансляции и прагматическом использовании новей-

ших знаний. На развитие образования как социального института и социального процесса всегда оказывали и оказывают влияние потребности экономики, социальной сферы, рынка труда и, в конечном счете, государства. В настоящее время вся мировая экономика находится под воздействием таких тенденций и процессов, как глобализация, интеграция и мировое сотрудничество. Следовательно, образовательное пространство той или иной страны, вовлеченной в этот процесс, неминуемо подвержено кардинальным изменениям в соответствии с существующими глобальными тенденциями.

Система образования как социальный институт и социальный процесс все более и более обретает черты непосредственной производительной силы общества, превращается в важнейший инструмент не только духовного, но и материального воспроизводства его жизни. В цивилизованном мире идет неуклонный процесс “экономизации образования”¹.

Новый подход к стратегии развития образования, отвечающий перспективам постиндустриальной цивилизации, определяется перемещением источников и движущих сил социально-экономического прогресса из материальной в интеллектуальную сферу. В условиях экономики, основанной на знаниях, наука превращается в крупную и самостоятельную отрасль экономики и в качестве инновационной составляющей начинает пронизывать всю профессиональную деятельность каждого специалиста².

Современная образовательная система претерпевает значительные изменения в условиях стремительных социально-экономических, социокультурных и демографических процессов в российском обществе. Усиление борьбы за потенциальных пользователей образовательными услугами, конкуренция среди образовательных учреждений, жесткие аттестационные показатели, определяющие статус вуза, — все это составляет реалии сегодняшней высшей школы.

Научно-исследовательская деятельность выступает одним из основных направлений деятельности высшего образовательного учреждения. В своей деятельности при организации НИР вуз призван руководствоваться Федеральным законом Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”.

¹ Миронов В.В. О реформе российского образования (часть вторая) // Социология образования 2012. № 8.

² Постановление Совета Российского союза ректоров “О мерах по развитию высшего образования” от 23.12.2003 № 1. Совет Российского союза ректоров.

В Федеральном законе “О науке и государственной научно-технической политике” применяются следующие основные понятия, использованные нами в исследовании:

Научная (научно-исследовательская) деятельность (далее — научная деятельность) — деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, в том числе:

- фундаментальные научные исследования — экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

- прикладные научные исследования — исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач;

- поисковые научные исследования — исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ³.

В отечественном высшем образовании сформировались различные формы интеграции образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности. В статье 72 “Формы интеграции образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности в высшем образовании” Федерального закона Российской Федерации “Об образовании в Российской Федерации” указывается, что “целями интеграции образовательной и научной (научно-исследовательской) деятельности в высшем образовании являются кадровое обеспечение научных исследований, повышение качества подготовки обучающихся по образовательным программам высшего образования, привлечение обучающихся к проведению научных исследований под руководством научных работников, использование новых знаний и достижений науки и техники в образовательной деятельности”⁴.

В последние годы в сфере научных исследований и разработок происходят серьезные трансформации. Они связаны как с усложнившейся общей социально-экономической ситуацией в стране, так и с аналогичной ситуацией в образовании в целом и в сфере НИОКР, в частности. Сегодня в большей степени проявляется тен-

³ Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике” от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/135919>

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”. URL: <http://base.garant.ru/70291362>

денция к повышению потенциала результативности, прикладной значимости научно-исследовательских работ. Среди заказчиков и исполнителей НИР формируется понимание значимости и необходимости их большей ориентации на решение социально-экономических задач и удовлетворение прагматических запросов и интересов основных потребителей результатов подобных исследований.

Перед проведением комплексного исследования вопросов повышения научно-прикладного потенциала научно-исследовательской деятельности вузовских работников нами был сформулирован ряд рабочих гипотез. Одна из них включала в себя следующие положения: научно-исследовательские работы, выполняемые научно-исследовательскими коллективами учебных и научных структурных подразделений вуза, должны носить ярко выраженный прагматико-ориентированный характер и быть направлены на совершенствование образовательного процесса, в том числе и в сфере высшего образования.

Основными методами исследования в данном случае выступили: метод научно-теоретического анализа публикаций по исследуемой проблеме; нормативных, правовых документов, аналитических, обзорных и иных материалов; социолого-диагностические методы сбора социологической информации; методы контент-анализа и квантификации документальной информации и др. Исследование проводилось в одном из московских вузов гуманитарно-педагогического профиля города Москвы и было завершено в сентябре 2015 г. Следует отметить, что автор и его коллеги уделяли определенное внимание данной проблематике и ранее (Л.Г. Кузина, И.А. Васильев; И.А. Васильев, А.В. Жукоцкая; И.А. Васильев; Е.Н. Геворкян, И.А. Васильев).

Некоторые штрихи к “портрету” научно-исследовательских работ и их акторов. На первом этапе анализа документальной информации было установлено, что в целом за период с 2012 по 2014 г. включительно педагогическими и научными сотрудниками вуза было выполнено 200 научно-исследовательских работ, утвержденных приказом Департамента образования города Москвы.

Общий статистический анализ отчетных данных показал, что за весь рассматриваемый период 34% НИР было выполнено научными сотрудниками НИИ образования вуза, правда, в ряде случаев с привлечением преподавателей кафедр, специализация которых отвечала тематике исследований. Детализированная информация о выполнении НИР конкретными учебными и научными институтами и центрами вуза представлена в табл. 1.

Доля НИР, выполненных конкретными структурными подразделениями вуза

Факультеты, научные институты и центры	Годы	2012	2013	2014
НИИ образования		20,0	64,0	33,0
Специального образования		14,0	11,0	2,0
Лингвистики		10,0	—	—
Педагогики		10,0	6,0	11,0
Истории и филологии		9,0	—	—
Социологии и психологии		7,0	13,0	2,0
Социализации детей и молодежи		7,0	—	2,0
Дополнительного образования		7,0	—	16,0
Математических и естественных наук		4,0	2,0	4,0
Изобразительного и музыкального искусства		—	4,0	2,0
Управления инновационными проектами		—	—	16,0
Развития детей и здоровьесберегающих технологий		1,0	—	4,0
Делового администрирования		—	—	4,0

Можно предположить, что при определении исполнителей выполнения государственных заданий сыграли определенную роль как объективные (наличие/недостаточное наличие специалистов по разрабатываемой тематике), так и субъективные факторы (неформальные связи руководителей НИР и личностные предпочтения административных работников, распределяющих государственные задания), поскольку эти задания обеспечивались бюджетным финансированием.

Анализ численного и социально-профессионального состава непосредственных участников выполнения НИР показал, что в 2012 г. в них принимал участие 531 научно-педагогический сотрудник, в 2013 г. — 289 и в 2014 г. — 447 сотрудников. Данные о социально-профессиональном составе акторов НИР представлены на рис. 1.

Результаты анализа социально-профессионального состава участников выполнения НИР свидетельствуют о недостаточном привлечении к данному виду научной деятельности аспирантов

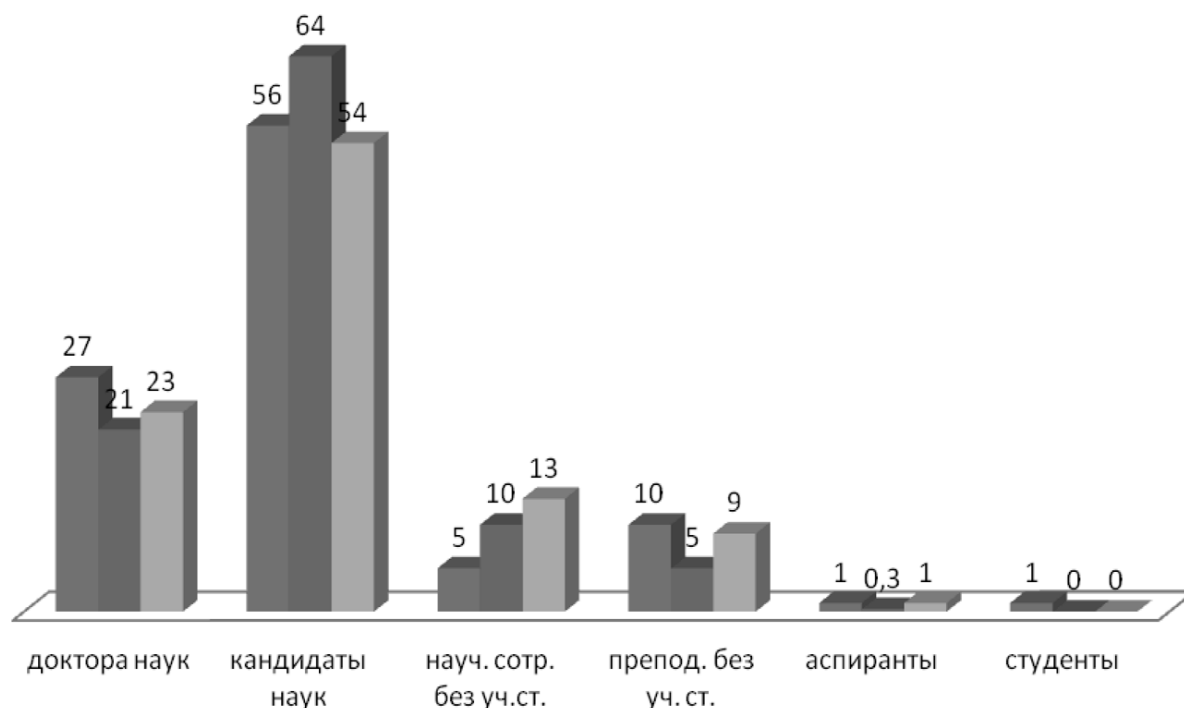

Рис. 1. Социально-профессиональный состав участников выполнения НИР

и студентов вуза. В этой связи определенной корректировки, с нашей точки зрения, требует политика более широкого привлечения к участию в выполнении НИР аспирантов и студентов конкретных учебных подразделений вуза. Участие в таких исследованиях позволило бы им в процессе выполнения порученного объема научно-исследовательской работы приобрести научно-практический опыт, который в свою очередь повысил бы их компетенции и обогатил образовательный процесс научно-прикладной составляющей.

В ходе контент-анализа тематики, рефератов, основных позиций выполненных НИР нами были выделены уровни (сферы) образовательной деятельности, в которые транслировались и/или могли бы транслироваться результаты конкретных научно-исследовательских работ. Спектр включал в себя такие сферы, как единое образовательное пространство (ЕОП), дошкольное образование (ДО), начальное общее образование (НОО), среднее общее образование (СОО), среднее профессиональное образование (СПО), высшее образование (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации) (ВО), дополнительное образование (для детей и взрослых и дополнительное профессиональное образование) (ДОП), научно-теоретические и прикладные проблемы (НТиПП), организационно-управленческие вопросы образования (ОУВО), другие сферы (ДС).

Векторы трансляции результатов НИР

Анализ основных позиций отчетов о выполненных научно-исследовательских работах позволил определить сферы (уровни) образования, в которые могли бы транслироваться и/или транслировались результаты научно-исследовательской деятельности. В данном случае были применены два метода анализа — метод контент-анализа и метод квантификации. Использование первого метода дало возможность выделить базовые уровни (сферы) трансляции результатов научно-исследовательской деятельности научно-педагогических кадров. Применение второго метода позволило выделить иерархию (предпочтение) конкретных уровней образовательного пространства в зависимости от частоты упоминания в отчетах по НИР “адресатов” конкретных сфер образования, в которые были и/или могли бы быть транслированы результаты проведенных исследований. Итоги нашего анализа представлены на рис. 2.

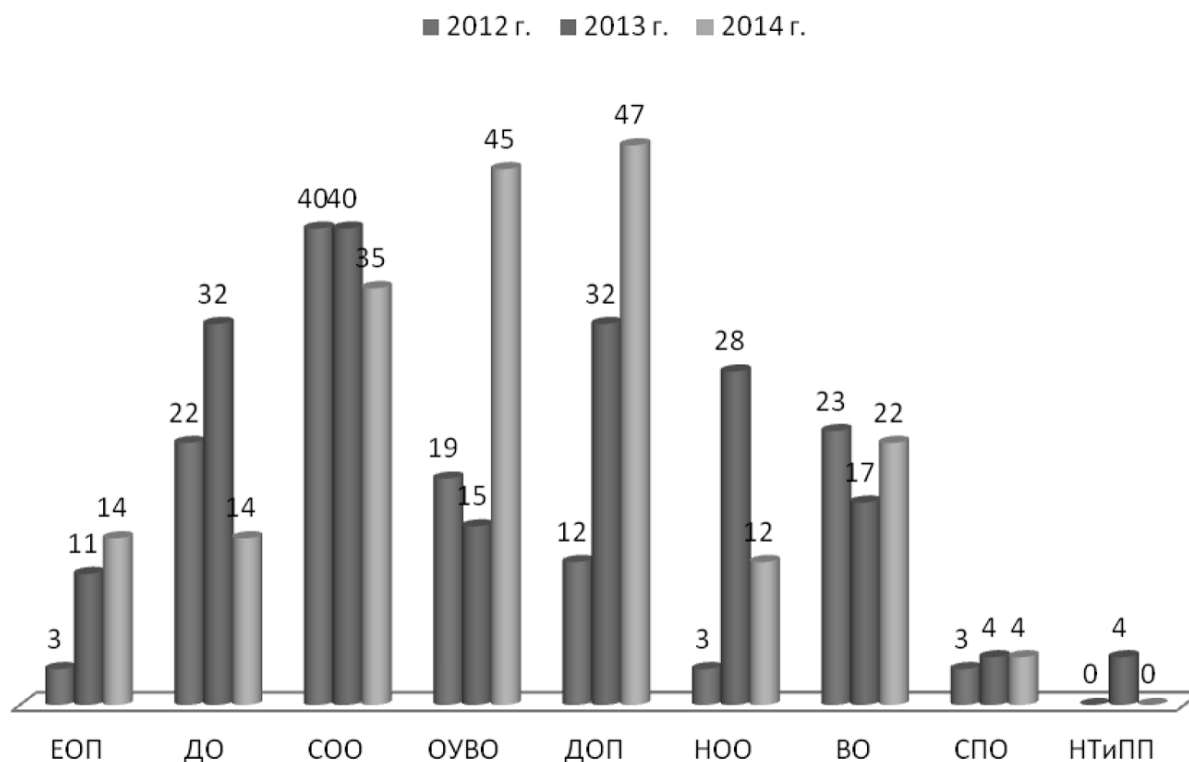

Рис. 2. Уровни (сферы) образования, на трансляцию в которые были ориентированы результаты НИР

Мы видим, что в 2012 г. результаты проведенных НИР были ориентированы в первую очередь на трансляцию в среднее общее, высшее, а также дошкольное образование. В 2013 г. — в среднее общее, дошкольное, дополнительное и начальное общее образование. И, наконец, в 2014 г. результаты выполненных НИР были ориентированы в первую очередь на трансляцию в дополнительное

образование, организационно-управленческую сферу образования, в среднем общее и в ряде случаев, при этом на несколько порядков меньше, в высшее образование.

Возможно, исходя из гуманитарно-педагогической направленности образовательной деятельности вуза, следует обратить внимание представителей профессорско-преподавательского корпуса и научных кадров на значимость разработки проблем высшего гуманитарно-педагогического образования и трансляции результатов этих исследований в образовательный процесс вуза.

Далее мы более конкретно определили уровни образования, в которых “могут применяться, будут использоваться” и “были применены, нашли применение, апробированы” результаты (положения, выводы, рекомендации), сформулированные в ходе этих исследований. В данном случае основными методами исследования также выступили метод контент-анализа и квантификации. На рис. 3 представлена динамика трансляции результатов НИР по позиции “могут применяться, будут использоваться”.

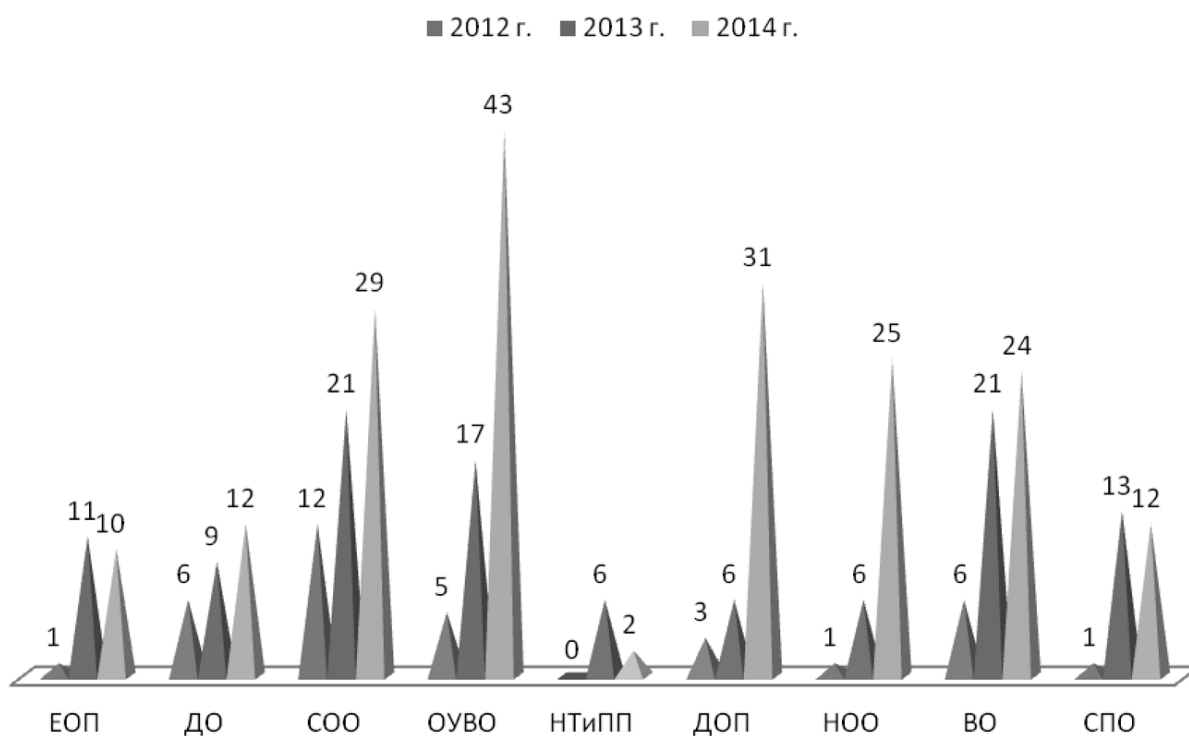

Рис. 3. Динамика трансляции результатов НИР по позиции “могут применяться, будут использоваться”

Приведенные данные свидетельствуют о том, что разработчики предполагали осуществлять трансляцию результатов своих исследований в первую очередь на такие уровни (сферы) образования, как организационно-управленческие вопросы образования, среднее общее образование, дополнительное образование (для детей

и взрослых и дополнительное профессиональное образование), начальное общее и высшее образование.

Анализ показал, что из двухсот научно-исследовательских работ, проведенных в вузе за период с 2012 по 2014 г. включительно, лишь в трети из них было дано четкое указание на то, что они *“были применены, нашли применение, апробированы”* на тех или иных уровнях образовательного пространства.

Динамику трансляции результатов НИР по позиции *“были применены, нашли применение, апробированы”*, отражают данные рис. 4.

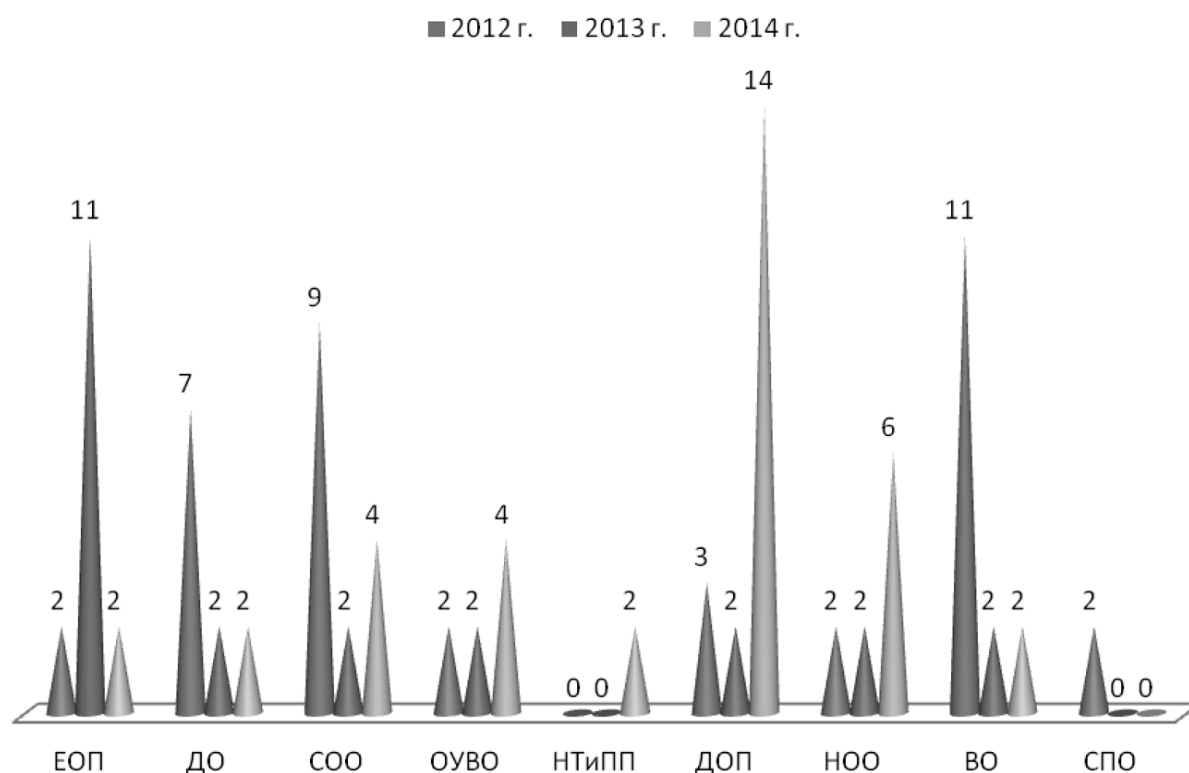

Рис. 4. Динамика трансляции результатов НИР по позиции *“были применены, нашли применение, апробированы”*

Динамика трансляции результатов НИР по позиции *“были применены, нашли применение, апробированы”*, указывает на то, что в относительно большей степени (по сравнению с другими сферами и уровнями образования) продукты интеллектуальной деятельности были ориентированы и востребованы на уровне дополнительного образования (2014 г.), единого образовательного пространства (2013 г.), высшего (2012 г.) и среднего общего образования (2012 г.).

Некоторые рекомендации и соображения

В плане повышения потенциала трансляции НИР в образовательную деятельность учебных заведений различного уровня можно было бы рекомендовать рассмотреть вопрос о пересмотре идеологии (политики) распределения государственных заданий внутри

вуза и формирования портфеля заказов, востребуемых образовательным сообществом конкретных результатов научно-исследовательской деятельности. В этой связи имело бы смысл рассмотреть вопрос о разработке положения о проведении внутривузовского конкурса на право выполнения НИР конкретной тематики. Выработанные критерии отбора исполнителей могли бы позволить минимизировать роль субъективного фактора при принятии решения о назначении тех или иных структурных подразделений вуза, ответственных за выполнение НИР.

Модернизированная идеология (политика) могла бы опираться в том числе и на базу данных, полученных в процессе проведения маркетинговых и социологических исследований, направленных на изучение запросов образовательных структур различного уровня и статуса, а также основных акторов образовательных отношений в конкретной тематике и конкретных продуктах интеллектуальной деятельности вуза гуманитарно-педагогического или иного профиля.

В перечень критериев, позволяющих оценить результаты научно-исследовательских проектов (продуктов), мы бы рекомендовали включить такие, как новизна результатов научного исследования, практическая инновационная значимость, нравственно-этическая направленность.

И на еще один аспект научно-исследовательской деятельности, полагаем, следует обратить внимание. Успех выполнения научно-исследовательских работ, трансляции их результатов, рекомендаций и предложений в социальное и, в нашем случае, образовательное пространство в действительности определяет не только размер бюджетного финансирования, высокая рентабельность или хорошее, грамотное управление (хотя это также немаловажные компоненты взаимоотношений по поводу данного вида деятельности). Успех реализации НИР детерминирован в первую очередь творческим отношением непосредственных акторов к данному виду деятельности, их креативным научным мышлением.

Цель данной статьи заключалась не только в том, чтобы познакомить коллег-социологов с результатами данного этапа исследования, но и с методикой и методами, использованными в процессе проведения комплексного мониторинга проблемы. Нами была предпринята попытка продемонстрировать возможности социологической науки в осмыслении процессов и взаимодействий, формирующихся в научно-исследовательском пространстве. Мы полагаем, что социология наряду с другими научными дисциплинами (экономика, юриспруденция психология и т.д.) может и должна углубленно изучать и анализировать эти взаимодействия и процессы.

Комплексный мониторинг проблемы повышения научно-прикладного потенциала научно-исследовательской деятельности вузовских работников включал в себя также анализ научно-публикационной, инновационной и диссертационной деятельности педагогических и научных кадров вуза, а также научно-исследовательской деятельности студентов учебного заведения. Мы предполагаем, что разработанные нами методика и методы, модернизированные с учетом образовательной специфики конкретного высшего образовательного учреждения, могли бы найти применение в вузах не только гуманитарно-педагогического профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев И.А. Потенциал вузовской науки (социологическая диагностика) // Ученый совет. 2014. № 7.

Васильев И.А., Жукоцкая А.В. Эффективность реализации модернизационных проектов в образовательной сфере (по материалам социально-педагогического мониторинга) // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 4.

Геворкян Е.Н. Модернизация качества высшего образования в России (стратегии, опыт, принятие решений). М., 2005 (а).

Геворкян Е.Н. Рынок образовательных ресурсов: аспекты модернизации. М., 2005 (б).

Геворкян Е.Н., Васильев И.А. Социально-философские аспекты проблем и перспектив развития вузовской науки // Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. Серия “Философские науки”. 2014. № 3.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Сост., посл. и прим. А.Б. Гофмана. М., 1995.

Ефременко Д.В. Социальные коммуникации науки в эпоху когнитивного капитализма: введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ. 2014. № 1.

Жукоцкая А.В. Идеология и образование (социально-философский подход). М., 1997.

Комаров Р.В. Введение в психологию одаренности: Учеб. пособ. М., 2015.

Индикаторы науки: 2014. М., 2014.

Кузина Л.Г., Васильев И.А. Подготовка молодых научных кадров: проблемы и перспективы // Вестник Московского городского педагогического университета. Научный журнал. Серия “Педагогика и психология”. 2011. № 3.

Мионов В.В. О реформе российского образования (часть вторая) // Социология образования 2012. № 8.

Научно-методологические проблемы высшего образования на рубеже третьего тысячелетия: Сб. науч. тр. / Под ред. В.Е. Павлова. СПб., 1995.

Огурицов А.П. Научный дискурс: Власть и коммуникация (Дополнительность двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3.

Оллменд Д. Социология социальной включенности // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ. 2015. № 4.

Осипов Г.В., Савинков В.И. Динамика аспирантуры и перспективы до 2030 года: статистический и социологический анализ. М., 2015.

Парсонс Т. Профессия и социальная структура // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология: РЖ. 2015. № 4.

Постановление Совета Российского союза ректоров “О мерах по развитию высшего образования” от 23.12.2003 № 1. Совет Российского союза ректоров.

Седаков Д.А. Финансирование системы высшего образования как основа развития человеческого капитала // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2014. № 4 (10).

Уайт П. Управление исследованиями и разработками / Под ред. Д.Н. Бобрышева. М., 1982.

Управление высшим учебным заведением: Уч. / Под ред. С.Д. Резника, В.М. Филиппова. М., 2010.

Федеральный закон “О науке и государственной научно-технической политике” от 23 августа 1996 г. N 127-ФЗ. URL: <http://base.garant.ru/135919>

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ “Об образовании в Российской Федерации”. URL: <http://base.garant.ru/70291362>.

Шеллинг Ф.В.Й., фон. Лекции о методе университетского образования / Вступ. ст., примеч. И. Фокина. СПб., 2009.

REFERENCES

Bogner A. Wissenschaft und Öffentlichkeit: Von Information zu Partizipation // Handbuch Wissenschaftssoziologie / Hrsg. Von S. Maasen, M. Kaiser, M. Reinhardt, B. Sutter. Wiesbaden, 2012.

Durkheim E. Sociologija. Ee predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Her subject, method, purpose] / Sost., posl. i prim. A.B. Gofmana. M., 1995 (in Russian).

Efremenko D.V. Social'nye kommunikacii nauki v jepohu kognitivnogo kapitalizma: Vvedenie k tematiceskomu razdelu [Social science communication in the era of cognitive capitalism: introduction to the topic] // Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh. [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology: RJ]. 2014. N 1 (in Russian).

Federal'nyj zakon “O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoy politike” ot 23 avgusta 1996 g. N 127-FZ [Federal Law “On Science and State Scientific and Technical Policy” dated August 23, 1996 N 127-FZ]. URL: <http://base.garant.ru/135919> (in Russian).

Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrja 2012 g. N 273-FZ “Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii” [Federal Law of the Russian Federation dated

December 29, 2012 N 273-FZ “On Education in the Russian Federation”]. URL: <http://base.garant.ru/70291362> (in Russian).

Fleming J. Young people’s involvement in research: still a long way to go? // Qualitative Social Work. 2011. Vol. 10. N 2.

Gevorgyan E.N. Modernizacija kachestva vysshego obrazovanija v Rossii (strategii, opyt, prinjatije reshenij) [Upgrading the quality of higher education in Russia: (strategies, experience, decision-making)]. M., 2005 (a) (in Russian).

Gevorgyan E.N. Rynok obrazovatel’nyh resursov: aspekty modernizacii [Educational resources market: aspects of modernization: monograph]. M., 2005 (b) (in Russian).

Gevorkyan E.N., Vasiliev I.A. Social’no-filosofskie aspekty problem i perspektiv razvitiya vuzovskoj nauki [Social and philosophical aspects of the problems and prospects of development of university science] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Serija “Filosofskie nauki” [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Science Magazine. “Philosophy of Science” series]. 2014. N 3 (in Russian).

Indikatory nauki: 2014: Stat. sb. [Science indicators 2014: statistical year-book]. M., 2014 (in Russian).

Komarov R.V. Vvedenie v psihologiju odarennosti: Ucheb. posobie. [Introduction to the psychology of giftedness]. M., 2015 (in Russian).

Kuzina L.G., Vasil’ev I.A. Podgotovka molodyh nauchnyh kadrov: pro-blemy i perspektivy [Training of young scientists: problems and prospects] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Nauchnyj zhurnal. Serija “Pedagogika i psihologija” [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Science Magazine. “Pedagogy and Psychology” series]. 2011. N 3 (in Russian).

Mironov V.V. O reforme rossijskogo obrazovanija (chast’ vtoraja) [On the reform of the Russian education (Part II)] // Sociologija obrazovanija [Sociology of Education]. 2012. N 8 (in Russian).

Nauchno-metodologicheskie problemy vysshego obrazovanija na rubezhe tret’ego tysjacheletija: Sb. nauch. tr. [Scientific-methodological problems of higher education at the turn of the third millennium: coll. scientific trudov] / Pod red. V.E. Pavlova [Ed. by V.E. Pavlova]. SPb., 1995 (in Russian).

Ogurtsov A.P. Nauchnyj diskurs: Vlast’ i kommunikacija (Dopolni-tel’nost’ dvuh tradicij) [Scientific discourse: power and communication (optional two traditions)] // Filosofskie issledovanija [Philosophical Investigations]. 1993. N 3 (in Russian).

Ollmend D. Sociologija social’noj vkljuchennosti [Sociology social inclusion] // Social’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11. Sociology: RJ]. 2015. N 4 (in Russian).

Osipov G.V., Savinkov V.I. Dinamika aspirantury i perspektivy do 2030 goda: statisticheskij i sociologicheskij analiz [Dynamics graduate and prospects to 2030: Statistical and sociological analysis]. M., 2015 (in Russian).

Parsons T. Professija i social’naja struktura [Occupation and social structure] // Social’nye i gumanitar-nye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 11. Sociologija: RZh [Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11. Sociology: RJ]. 2015. N 4 (in Russian).

Postanovlenie Soveta Rossijskogo sojuza rektorov "O merah po razvitiyu vysshego obrazovanija" ot 23.12.2003 № 1/Sovet Rossijskogo sojuza rektorov [Resolution of the Board of the Russian Union of Rectors "On measures for the development of higher education" from 23.12.2003 N 1] (in Russian).

Schelling F.V.Y. Lekcii o metode universitetskogo obrazovanija [Background Lectures on the method of university education] / Vstup. st., primech. I. Fokina (Ed. by I. Fokin). SPb., 2009 (in Russian).

Sedakov D.A. Finansirovanie sistemy vysshego obrazovanija kak osnova razvitiya chelovecheskogo kapitala [Financing of higher education as a basis for the development of human capital] // Vestnik UGUJeS. Nauka, obrazovanie, jekonomika. Serija jekonomika [Herald UGUJES. Science, education, the economy. A series of economy]. 2014. N 4 (10) (in Russian).

Vasiliev I.A. Potencial vuzovskoj nauki (sociologicheskaja diagnostika) [The potential of university research (sociological diagnosis)] // Uchenyj sovet [Scientific Council]. 2014. N 7 (in Russian).

Vasilyev I.A., Zhukotskaya A.V. Jeffektivnost' realizacii modernizacii onnyh proektov v obrazovatel'noj sfere (po materialam social'no-pedagogicheskogo monitoringa) [The effectiveness of the implementation of modernization projects in the field of education (based on socio-pedagogical monitoring)] // Obrazovanie. Nauka. Innovacii: Juzhnoe izmerenie [Education. The Science. Innovation: Southern Dimension: Research and educational journal]. 2012. N 4 (in Russian).

White P. Upravlenie issledovanijami i razrabotkami [A management in research and development] / Pod red. D.N. Bobrysheva [Ed. by D.N. Bobrysheva]. M., 1982 (in Russian).

Upravlenie vysshim uchebnym zavedeniem: Uch. [Institution of higher education management] / Pod red. S.D. Reznika, V.M. Filippova [Ed. by V.M. Filippova]. M., 2010 (in Russian).

Zhukotskaya A.V. Ideologija i obrazovanie (social'no-filosofskij pod-hod) [Ideology and education (socio-philosophical approach)]. M., 1997 (in Russian).

И.А. Демененко, старший преподаватель кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова*

И.В. Шавырина, доц. кафедры социологии и управления Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова**

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВУЗА***

Demenenko Inna Aramovna, senior lecturer Belgorod State Technological University V.G. Shukhov, e-mail: inna12manager@gmail.com

Shavyrina Irina Valer'evna, associate professor Belgorod State Technological University V.G. Shukhov, e-mail: shavyrina_77@mail.ru

ORGANIZATIONAL CULTURE AS CUSTOMER-ORIENTED TECHNOLOGY TO IMPROVE THE COMPETITIVENESS OF THE UNIVERSITY

В статье рассматриваются особенности формирования и развития организационной культуры вуза как клиентоориентированной технологии. Феномен организационной культуры является неотъемлемым ресурсом для повышения конкурентоспособности вуза, инновационного развития, а также показателей международной и научно-исследовательской деятельности вуза. Трансляция организационной культуры внешними (абитуриенты, родители, работодатели) и внутренними (студенты, преподаватели, администрация университета, персонал/сотрудники) клиентами вуза определяет интеграцию элементов организационной культуры вуза в бизнес-среду предприятий посредством включенности выпускников в профессиональную среду. Организационная культура играет весьма активную роль в управлении высшим учебным заведением. На современном уровне развития рынка образовательных услуг с введением в действие национального проекта модернизации системы образования организационная культура становится значимым элементом формирования вуза как экономического субъекта. Она служит мощным фактором повышения привлекательности высшего учебного заведения для потенциальных потребителей образовательных и прочих услуг, а также его персонала. Также организационная культура воздействует на каждого студента во время его адаптации, социализации, психологического роста и обучения

* **Демененко Инна Арамовна**, e-mail: inna12manager@gmail.com

** **Шавырина Ирина Валерьевна**, e-mail: shavyrina_77@mail.ru

*** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Белгородской области. Грант “Клиентоориентированная организационная культура вуза как фактор эффективного социально-экономического развития региона” № 16-13-31002 (руководитель – И.В. Шавырина).

в вузе. Организационная культура и после окончания вуза находится в неразрывной взаимосвязи с работником как объектом профессиональной деятельности. Потенциальный работник в период обучения в вузе “потребляет” исторически сложившиеся ценности вуза, участвует в устоявшихся и развивающихся его традициях, соблюдает нормы и правила поведения, адаптируется в обществе с помощью различного рода символики вуза и т.д. В свою очередь организационная культура вуза, являясь почвой для развития и социализации молодого человека, становится неотъемлемым источником позиционирования студента в процессе трудоустройства и профессиональной деятельности. В дальнейшей профессиональной деятельности специалист привносит сформированную в период обучения в вузе организационную культуру в трудовую деятельность. Потребление организационной культуры студентами вуза как клиентами образовательных услуг обуславливает необходимость рассмотрения данного феномена с позиции клиентоориентированности. Клиентоориентированный подход — это система, состоящая из нескольких важнейших элементов: клиентоориентированной философии организации, продукта, отвечающего ожиданиям потребителей, внутриорганизационных процессов, сотрудников, являющихся носителями компетенций, обслуживания клиентов. Клиентоориентированность вуза имеет свои особенности и ограничения, связанные с характером образовательных услуг, предназначенных для удовлетворения потребности в образовании. Целесообразно рассмотрение клиентоориентированной организационной культуры вуза как системы ценностей, поведенческих норм, традиций, ритуалов и символов, ориентированных на внутреннего или внешнего клиента с целью учета и реализации его потребностей и интересов в деятельности образовательного учреждения. Определено влияние клиентоориентированной организационной культуры как эффективного фактора профессионализации и трудовой адаптации выпускников вуза. Анализ результатов социологического исследования позволил выявить основные проблемы и перспективы клиентоориентированного подхода в развитии организационной культуры высшего учебного заведения. Результаты исследования высветили наличие проблемы преемственности норм и ценностей, формируемых в рамках организационной культуры вуза и тех требований, которые предъявляются к нормативно-ценностным характеристикам выпускников со стороны работодателей. Различия в оценке важности ценностной и нормативной составляющих организационной культуры образовательных учреждений и организаций могут рассматриваться как определенный барьер, затрудняющий процессы трудоустройства и адаптации выпускников на предприятиях. Это диктует необходимость формулирования требований бизнес-сообщества к высшим учебным заведениям в части формирования предпочтительного набора общекультурных компетенций, необходимых выпускнику для успешной реализации карьерных притязаний в условиях конкретной организации.

Ключевые слова: клиентоориентированность, вуз, организационная культура, студент, высшее образование.

The article discusses the features of formation and development of organizational culture of the University as customer-centric technology. The phenomenon of organizational culture is an essential resource for improving the competitiveness of the University, innovative development, indicators of international and research activities of the University. Stream organizational culture external (students, parents, employers) and internal (students, faculty, University administration, staff/employees) customers of the University determines the integration of elements of organizational culture of University in business environment of enterprises, through the involvement of graduates in professional environment. Organizational culture plays a very active role in the governance of higher education institution. At the present level of development of the market of educational services with the introduction of the national project of modernization of the education system organizational culture becomes a significant part of the formation of the University as an economic entity. It is a powerful factor in increasing the attractiveness of higher education institutions for potential consumers of educational and other services, as well as his staff. Organizational culture affects each student during his adaptation and socialization, psychological growth and learning at the University. Organizational culture and, after graduation, is in a symbiotic relationship with the employee as the object of professional activity. Potential employee during the period of study at the University “consumes” the historically established values of the University, participates in the established and developing its traditions, abides by the norms and rules of behavior, adapts to the society through various kinds of symbolism of the University, etc. In turn, the organizational culture of the University, as a basis for the development and socialization of a young man, becoming an integral source of positioning of the student in the process of employment and professional activities. In the future professional activity of the specialist brings formed in the period of study in the University organizational culture in the workplace. Consumption of organizational culture of the students as customers of educational services necessitates consideration of the phenomenon of the position of customer focus. Customer-oriented approach is a system consisting of several major elements: customer-oriented philosophy of the organization, the product that meets the expectations of customers, internal processes, staff who are carriers of competences, customer service. Customer-oriented approach of the University has its own characteristics and limitations associated with the nature of educational services designed to meet the needs in education. Appropriate consideration of customer-oriented organizational culture of the University as a system of values, behavioral norms, traditions, rituals and symbols, focused on the internal or external client for the purpose of accounting and the implementation of its requirements and interests in the activities of educational institutions. The influence of customer-oriented organizational culture as an effective factor in the professionalization and labour market adaptation of University graduates. Analysis of the results of sociological research allowed to identify the main problems and prospects customer-oriented approach in the development of organizational culture of higher educational institutions. The results of the study highlighted the problem of continuity of norms and values formed within the organizational culture of the University, and the requirements of normative-value characteristics of graduates by em-

ployers. Differences in rating the importance of values and normative components of organizational culture of educational institutions and organizations can be seen as a barrier, hindering the process of employment and adaptation of graduates at the enterprises. This requires defining the requirements of the business community for higher education institutions in the development of the preferred set of cultural competencies necessary for the graduate to successfully realize their career aspirations in terms of a specific organization.

Key words: *customer orientation, high school, organizational culture, student, higher education.*

Глобализация и интернационализация социально-экономических и политических процессов, масштабные преобразования во всех сферах жизнедеятельности российского общества обуславливают необходимость модернизации системы высшего образования, переориентации ее деятельности на практико-ориентированные результаты, связанные с подготовкой высококвалифицированных специалистов, разработкой фундаментальных и прикладных идей, внедрением современных наукоемких технологий, воспитанием духовно-нравственной развитой личности. С данной позиции российское высшее образование должно включиться в систему мировых стандартов подготовки специалистов. Для этого требуются коренные трансформации как в самой системе высшего образования, так и в отдельных вузах и их структурных подразделениях.

Современный механизм функционирования вуза возможно сформировать путем коренной реорганизации действующей системы управления, используя накопленный ею положительный опыт и привлекая в нее новые организационные элементы, повышающие органичность и адаптивность к изменениям внешней и внутренней среды. Значительные особенности имеет клиентоориентированный подход в управлении вузом, который зависит от исторически сложившегося соотношения централизации-децентрализации, готовности руководства высшего звена и структурных подразделений к изменениям внутривузовских отношений, общей культуры организации, инновационного и творческого потенциала работников¹.

Возрастание конкуренции между вузами приводит к пониманию важности лояльности клиентов образовательного процесса, обладающих беспрецедентным правом выбора учебного заведения, в котором они хотят получить знания/диплом/профессиональный опыт/престиж и т.д.

В качестве ориентира для классификации клиентов вуза мы использовали концепцию социологического мониторинга внутри-

¹ Гулей И.А. Организационная культура в университетской среде: концептуальный подход // Социология образования. 2012. № 11. С. 58.

университетской среды, разработанную группой авторов (В.П. Бабинцевым, Е.В. Реутовым, В.А. Сапрыка, В.Б. Тарабаевой, И.С. Шаповаловой, Л.Н. Шмигириловой)².

Согласно данной концепции в качестве *внутренних клиентов*, потребителей услуг, предоставляемых высшим учебным заведением, выступают:

1. Студенты университета, обучающиеся на различных факультетах, курсах и в соответствии с образовательными программами университета, и, представляющие собой основной контингент внутренних потребителей услуг университета. Они отнесены к категории “прямых клиентов”, непосредственно использующих результаты деятельности университета по всем направлениям.

2. Преподаватели университета. Данная группа клиентов включает в себя профессорско-преподавательский состав, работающий в университете согласно штатному расписанию на основе трудового договора и (или) соглашения.

3. Администрация университета представляет собой людей, осуществляющих управление университетом. К этой группе клиентов отнесены ректор и проректора университета, начальники и заведующие управлениями высшего учебного заведения, а также деканы и директора институтов, научно-образовательных центров, лабораторий, конструкторских бюро и иных подразделений вуза.

4. Персонал/сотрудники университета представляют собой группу пользователей, состоящую из научных сотрудников, работников вышеперечисленных отделов и управлений, а также вспомогательного и обслуживающего персонала всех подразделений университета.

Внешними клиентами учреждений высшего профессионального образования являются:

1. Абитуриенты — часть населения, имеющая реальную или потенциальную возможность воспользоваться услугами университета по вопросу приобретения высшего образования.

2. Родители — группа лиц, ответственных за выбор вуза студентами и абитуриентами, заинтересованных в их сотрудничестве с университетом и являющихся, с одной стороны, косвенными пользователями результатов деятельности университета, а с другой, чаще всего, — непосредственными заказчиками, оплачивающими полученную услугу, контролирующими качество результата и наблюдающими за ним.

² Сапрыка В.А., Шаповалова И.С., Шмигирилова Л.Н. Социологический мониторинг внутривузовской среды // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2. С. 412.

3. Работодатели — группа лиц, пользующаяся результатами деятельности университета в виде обученных специалистов по направлениям подготовки университета.

Специфика клиентоориентированного подхода в контексте изучения деятельности вуза, по нашему мнению, заключается в рассмотрении роли студента как основного звена образовательного процесса. В самом начале социального контакта с вузом студент прямо (в качестве абитуриента) или косвенно (посредством родителей и других субъектов общественных отношений) является внешним клиентом, оценивающим конкурентоспособность высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг. Впоследствии студент вуза становится *участником* реализации политики университета, в том числе и процесса формирования организационной культуры, участвуя и проявляя себя в различной деятельности университета (НИРС, общественная работа, студенческий совет, культурно-массовая работа, образовательный процесс). Но, в тоже время, студент является *потребителем* услуг университета.

На этапе профессионального самоопределения и завершения делового контракта с высшим учебным заведением (4 курс), студент выступает в роли *продукта* или *результата* деятельности вуза, неся в себе черты его организационной культуры. Сформированная под воздействием различных факторов (университетская среда, воздействие преподавателей, практический опыт, профессиональная ориентированность) личность является “лицом” университета и носителем организационной культуры вуза³.

В дальнейшем мы можем рассматривать студента как потенциального сотрудника организации, который реализует возможности сформированной организационной культуры вуза в конкретной организации, а оценку качества данного формирования производит работодатель, оценивая уровень полученных студентом знаний и значение привнесенных студентом элементов организационной культуры для организации в целом.

Таким образом, клиентоориентированная организационная культура становится эффективным фактором существования и развития вуза, обеспечивающего потенциальную стабильность и процветание научного сообщества в целом⁴.

³ Avilova Z.N., Gulei I.A., Shavyrina I.V. Formation of the Customer-centric organizational culture of the University as a factor of effective social and economic development of the region // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Vol. 6. N 3. P. 207–216.

⁴ Дорошенко Ю.А., Малыхина И.О. Перспективы инновационного развития высших школ в современных условиях // Белгородский экономический вестник. 2015. № 2 (78). С. 3–8.

С целью верификации предположений о ролевой составляющей студента как ядра образовательной системы, восприятию студентами организационной культуры как клиентоориентированной технологии нами было проведено исследование среди студенческой молодежи вузов г. Белгорода (N = 724).

Первоочередной вопрос нашего исследования был направлен на восприятие и понимание студентами вузов организационной культуры (табл.1).

Таблица 1

Понимание студентами организационной культуры

Что Вы понимаете под организационной культурой вуза?	Количество	
	Абсолютное	%
Ценности и традиции университета	150	24,88
Нормы и правила поведения	124	20,56
Имидж и престиж университета	38	6,30
Все вышеперечисленное	290	48,09
Нет данных	1	0,17

Как показали ответы респондентов, большинство из них (48,09%) относят к организационной культуре как ценности и традиции, нормы и правила, так и имидж университета. Объединение всех компонентов (культурного, регулятивного и демонстративного) дает возможность говорить о системном восприятии организационной культуры студентами. Однако в тоже время, существует достаточно большая группа респондентов (24,88%), ориентирующаяся в восприятии организационной культуры или только на культурный или только на регулятивный (20,56%) компонент.

Ориентацию организационной культуры своего университета большинство студентов определяют как внешнюю – “ориентация на основные цели и приоритетные направления развития университета” (46,60%) (табл. 2.).

Вместе с тем, достаточно большое количество опрошенных указывают на значимость внешнего, демонстративного направления организационной культуры – “ориентация на имидж и престиж университета” (34,14%). При этом, как показал корреляционный анализ, первая ориентация более всего характерная для технических университетов, а вторая – для классических.

Ориентация организационной культуры университета

Как Вы считаете, на что ориентирована организационная культура Вашего университета?	Количество	
	Абсолютное	%
На престиж университета	230	38,14
На основные цели и приоритетные направления развития университета	281	46,60
На преподавателей	26	4,31
На студентов	98	16,25
Другое	53	8,79

Одной из основных задач, поставленных в рамках проведения социологического исследования, стала диагностика влияния организационной культуры вуза на дальнейшую профессиональную деятельность студентов, на их последующую профессионализацию и трудовую адаптацию (табл. 3). Согласно результатам опроса, большинство студентов признали однозначность влияния организационной культуры вуза на их профессиональное будущее (67,66%). Но, 25,37% студентов указали на отсутствие такого влияния. Корреляционный анализ показал связь между ответами на вопрос о развитии организационной культуры и признанием студентами такого влияния — большинство из отрицательно ответивших на этот вопрос, указали ранее на стагнацию или кризис организационной культуры в вузе.

Таблица 3

Влияние организационной культуры на профессиональную деятельность студентов

Как Вы считаете, повлияет ли организационная культура вуза на Вашу дальнейшую профессиональную деятельность?	Количество	
	Абсолютное	%
Да, конечно	191	31,67
Скорее да, чем нет	217	35,99
Скорее нет, чем да	96	15,92
Нет	63	10,45
Затрудняюсь ответить	35	5,80
Нет данных	1	0,17

Студентам, подчеркнувшим значение организационной культуры в их дальнейшей профессиональной деятельности, было предложено указать направления ее влияния (табл. 4). Большинство студентов указывают, что в дальнейшем организационная культура будет способствовать развитию их личностных качеств, коммуникабельности, дисциплинированности и ответственности (46,27%), тем самым подчеркнув наличие соответствующих ценностей в материнской культуре вуза.

Таблица 4

Направления влияния организационной культуры на профессиональную деятельность студентов

Если Вы считаете, что организационная культура окажет влияние на Вашу профессиональную деятельность, то каким образом?	Количество	
	Абсолютное	%
Я так не считаю	102	16,92
Сплоченность коллектива	12	1,99
Развитие личностных качеств, коммуникабельность, дисциплинированность и ответственность	279	46,27
Внедрение опыта в организацию	59	9,78
Нет данных	151	25,04

Реализацию клиентоориентированности организационной культуры вуза студенты видят в удовлетворении интересов и потребностей клиентов (43,93%), во внедрении обучающих программ по клиентоориентированности вуза и студентов (31,78%) и фиксации в регламентах вуза ориентации на клиента (17,76%).

Таблица 5

Основные направления реализации клиентоориентированности вуза

В чем выражается клиентоориентированность организационной культуры Вашего вуза?	Количество	
	Абсолютное	%
Направленность на удовлетворение интересов клиента (студента)	141	43,93
Обучающие и развивающие программы, нацеленные на смену установок с ориентации на себя/или процесс на ориентированность на клиента	102	31,78
Регламентация процесса управления и развития вуза содержит установки на клиента	57	17,76
Подбор персонала ведется с учетом мотивационной типологии человека и его возможностей работы с клиентом	18	5,61
Затрудняюсь ответить	3	0,93

Вместе с тем, большинство студентов определяют организационную культуру вуза как клиентоориентированную лишь в некоторой степени (48,60%), лишь 26,17% уверены в этом, а 21,50% затруднились ответить на данный вопрос (табл. 6).

Таблица 6

Оценка клиентоориентированности организационной культуры

Как Вы считаете, можно ли назвать организационную культуру Вашего вуза клиентоориентированной?	Количество	
	Абсолютное	%
Да, конечно	84	26,17
В некоторой степени	156	48,60
Затрудняюсь ответить	69	21,50
Нет	12	3,74

Это вполне может свидетельствовать о существующих проблемных зонах в системе высшего профессионального образования: профессиональная подготовка, с одной стороны, и нечеткие установки на подготовку конкурентоспособных специалистов — с другой; осознание актуальности и важности практикоориентированности образовательного процесса, с одной стороны, и отсутствие четкого механизма клиентоориентированности — с другой.

Таким образом, для студенческого сообщества организационная культура вуза представляется как набор ценностей, традиций, а также норм и правил поведения в вузе. Модернизация системы высшего образования определила направление траекторий развития корпоративного управления вуза, направленного на клиентоориентированный подход. Данный факт определяет и позиция студентов, направленная на развитие традиций, ценностей, норм и правил поведения как потенциальных векторов будущей профессиональной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бахарев В.В., Гузаиров В.Ш. Социализация студенческой молодежи: межкультурные аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 8. С. 20–26.

Беляева М.И. Корпоративная культура вуза как ресурс организационного развития // Alma mater: Вестник высшей школы. 2011. № 4. С. 45–48.

Воробьев А.Д. Стратегия и экономическая программа развития вуза // Вестник высшей школы. 2005. № 9. С. 66–68.

Гринкруг Л.С., Василенко В.С. Обновление образовательной системы вуза: модель взаимодействия с внешней средой // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3.

Грудзинский А.О. Европейское измерение в развитии управления университетом // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 86–92.

Гулей И.А. Организационная культура в университетской среде: концептуальный подход // Социология образования. 2012. № 11. С. 58–64.

Гулей И.А. Организационная культура инновационного вуза в период модернизации российского образования // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. № 6. С. 220–254.

Гулей И.А., Шавырина И.В. Социокультурная модель развития организационной культуры вуза в условиях повышенной конкуренции выпускника // Менеджмент в России и за рубежом. 2015. № 5. С. 91–96.

Гуськова Е.А., Шавырина И.В. Интеллектуальный потенциал современного вуза как системный феномен // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2015. № 1. С. 227–231.

Гуськова Е.А. Мотивация креативной реализации в учебной деятельности в условиях кризиса образовательной системы // Современный исследования социальных проблем. 2016. № 3–2 (59). С. 249–254.

Данакин Н.С., Шутенко А.И. Образовательные инновации как фактор повышения конкурентоспособности современного вуза // European Social Science Journal. 2015. N 4. С. 114–118.

Демененко И.А., Шавырина И.В. Концептуализация клиентоориентированного подхода в управлении высшей школой // Научный результат. Серия: Социология и управление. 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 3–6.

Дорошенко Ю.А., Малыхина И.О. Перспективы инновационного развития высших школ в современных условиях // Белгородский экономический вестник. 2015. № 2 (78). С. 3–8.

Иванов С.Ю. Основные тенденции и перспективы развития системы высшего образования в России // Almamater. 2009. № 2. С. 5–9.

Кравченко Е.Ю. Разработка маркетинговой стратегии организации // Белгородский экономический вестник. 2014. № 4 (76). С. 117–127.

Лукинов Л.А. Организационная культура в системе управления вузами // Социология образования. 2008. № 4. С. 4–8.

Рувенний И.Я., Яппарова Д.И. Клиентоориентированность как элемент компетентностной модели преподавателя вуза // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2013. № 4. С. 20–24.

Сапрыка В.А., Шаповалова И.С., Шмигирилова Л.Н. Социологический мониторинг внутривузовской среды // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 2.

Шаповалова И.С. Анализ социальных объектов посредством концепции трех подсистем организационной культуры // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2006. № 5. С. 301–306.

Шаповалова И.С. Структурное моделирование организационной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 4 (72). С. 201–203.

Шейн Э. Организационная культура и лидерство. Построение, эволюция, совершенство. СПб., 2002.

Яблонскене Л.Н. Корпоративная культура современного вуза // Университетское управление. 2006. № 2 (42). С. 7–25.

REFERENCES

Arkatova O.G., Danakin N.S., Shavyrina I.V. Enhancing adaptability of foreign students // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. N 6. S. 276–281 (in Russian).

Avilova Z.N., Gulei I.A., Shavyrina I.V. Formation of the Customer-Centric Organizational Culture of the University as a Factor of Effective Social and Economic Development of the Region // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. Vol. 6. N 3. P. 207–216.

Baharev V.V., Guzairov V.Sh. Socializacija studencheskoj molodezhi: mezhkul'turnye aspekty // *Social'no-gumanitarnye znaniya*. 2012. N 8. S. 20–26 (in Russian).

Beljaeva M.I. Korporativnaja kul'tura vuza kak resurs organizacionnogo razvitiya // *Alma mater: Vestnik vysshej shkoly*. 2011. N 4. S. 45–48 (in Russian).

Danakin N.S., Shutenko A.I. Obrazovatel'nye innovacii kak faktor povysheniya konkurentosposobnosti sovremennogo vuza // *European Social Science Journal*. 2015. N 4. S. 114–118 (in Russian).

Demenenko I.A., Shavyrina I.V. Konceptualizacija klientoorientirovannogo podhoda v upravlenii vysshej shkoloj // *Nauchnyj rezul'tat. Serija: Sociologija i upravlenie*. 2016. T. 2. N 1 (7). S. 3–6 (in Russian).

Doroshenko Ju.A., Malyhina I.O. Perspektivy innovacionnogo razvitiya vysshih shkol v sovremennyh uslovijah // *Belgorodskij jekonomicheskij vestnik*. 2015. N 2 (78). S. 3–8 (in Russian).

Grinkrug L.S., Vasilenko V.S. Obnovlenie obrazovatel'noj sistemy vuza: model' vzaimodejstvija s vneshnej sredoj // *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*. 2011. N 3. S. 31 (in Russian).

Grudzinskij A.O. Evropejskoe izmerenie v razvitii upravlenija universitetom // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009. N 9. S. 86–92 (in Russian).

Gulej I.A. Organizacionnaja kul'tura v universitetskoj srede: konceptual'nyj podhod // *Sociologija obrazovanija*. 2012. N 11. S. 58–64 (in Russian).

Gulej I.A. Organizacionnaja kul'tura innovacionnogo vuza v period modernizacii rossijskogo obrazovanija // *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova*. 2014. N 6. S. 220–254 (in Russian).

Gulej I.A., Shavyrina I.V. Sociokul'turnaja model' razvitiya organizacionnoj kul'tury vuza v uslovijah povyshennoj konkurencii vypusknika // *Menedzhment v Rossii i za rubezhom*. 2015. N 5. S. 91–96 (in Russian).

Gus'kova E.A., Shavyrina I.V. Intel'lectual'nyj potencial sovremennogo vuza kak sistemnyj fenomen // *Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo tehnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuhova*. 2015. N 1. S. 227–231 (in Russian).

Gulei I.A., Smolenskaya O.A., Shavyrina I.V., Shapovalova V.A. Conceptual bases of formation client-oriented organizational culture of the high school //

Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2015. Vol. 6. Iss. 3 (13). P. 551–559.

Gus'kova E.A. Motivacija kreativnoj realizacii v uchebnoj dejatel'nosti v uslovijah krizisa obrazovatel'noj sistemy // *Sovremennyy issledovanija social'nyh problem*. 2016. N 3–2 (59). S. 249–254 (in Russian).

Habermas J. The theory of communication action. Vol. 1. Reason and rationalization of society. Boston, 1984.

Ivanov S.Ju. Osnovnye tendencii i perspektivy razvitija sistemy vysshego obrazovanija v Rossii // *Almamater*. 2009. N 2. S. 5–9 (in Russian).

Jablonskene L.N. Korporativnaja kul'tura sovremennogo vuza // *Universitetskoe upravlenie*. 2006. N 2 (42). S. 7–25 (in Russian).

Kalugin V.A., Pogarskaya O.S., Malikhina I.O. The principles and methods of the appraisal of commercialization projects of the universities innovations // *World applied sciences journal*. 2013. Vol. 25. N 1. P. 97–105.

Kravchenko E.Ju. Razrabotka marketingovoj strategii organizacii // *Belgorodskij jekonomicheskij vestnik*. 2014. N 4 (76). S. 117–127 (in Russian).

Lukinov L.A. Organizacionnaja kul'tura v sisteme upravljenja vuzami // *Sociologija obrazovanija*. 2008. N 4. S. 4–8 (in Russian).

Ruvennij I.Ja., Japparova D.I. Klientoorientirovannost' kak jelement kompetentnostnoj modeli prepodavatelja vuza // *Chelovecheskij kapital i professional'noe obrazovanie*. 2013. N 4. S. 20–24 (in Russian).

Sapryka V.A., Shapovalova I.S., Shmigirilova L.N. Sociologicheskij monitoring vnutrivuzovskoj sredy // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*. 2012. N 2 (in Russian).

Shapovalova I.S. Strukturnoe modelirovanie organizacionnoj kul'tury // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*. 2009. N 4 (72). S. 201–203 (in Russian).

Shapovalova I.S. Analiz social'nyh ob#ektov posredstvom koncepcii treh podsistem organizacionnoj kul'tury // *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava*. 2006. N 5. S. 301–306 (in Russian).

Shejn Je. Organizacionnaja kul'tura i liderstvo. Postroenie, jevoljucija, sovershenstvo. SPb., 2002 (in Russian).

Vorob'ev A.D. Strategija i jekonomicheskaja programma razvitija vuza // *Vestnik vysshej shkoly*. 2005. N 9. S. 66–68 (in Russian).

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

А.И. Антонов, докт. философ. наук, заслуженный проф., зав. кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА (опыт применения семантического дифференциала в социопоэтике)

Antonov Anatoly Ivanovich, doctor of philosophical science, professor faculty of sociology Lomonosov Moscow State University, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

METHODOLOGICAL ISSUES OF THE SOCIOLOGICAL STUDY OF POETRY (the use of semantic differentials in sociopoetics)

В социологии литературы наряду с изучением содержания художественных произведений и социальных характеристик героев повествования важным является исследование самого процесса созидания. Здесь представлена попытка взгляда на стихотворчество и его результаты сквозь призму поведенческого подхода посредством контент-анализа поэтических текстов. Созидание стихотворения рассматривается как поведенческий процесс самоактуализации творческих потенций, взаимодействия системы потребностей и социальных ситуаций, выражаемый вербально средствами языка. В ходе фреймирования актуализированные чувства и мысли поэта воплощаются в поэтические формы. Основная гипотеза состоит в том, что душевные диссонансы ищут выхода в стиховой гармонии. Техника семантического дифференциала (СД) дает ключ к разгадке текста. Контент-анализ стихотворений (циклов, книг) отдельных поэтов по методу СД может способствовать пониманию сходств и различий последовательных этапов творчества одного и того же мастера, либо объяснить несходства сопоставляемых между собой поэтов. Анализ отдельных стихотворений Блока, Гумилева, Есенина, Ахматовой и др. может продемонстрировать особенности стиля, индивидуального своеобразия каждого из рассматриваемых поэтов с точки зрения диалектики противопоставления. В статье обсуждаются возможности метода СД и поиска шкал-антонимов в авторском тексте при изучении творческого процесса на материале особенностей поэтики классика русской поэзии Александра Блока.

Ключевые слова: социопоэтика, антонимы языковые и речевые, прямые и косвенные антонимы, местоименные антонимы, личностный словарь антонимов, тезаурус оппозиций, полярные сравнения, метод семантиче-

* **Антонов Анатолий Иванович**, e-mail: antonov_ai_@mail.ru

ского дифференциала (СД), семантический дифференциал, диссонансы и консонансы, фреймирование, креативное поведение, метафорические полярности, поэтические оппозиции, контент-анализ, диспозиции.

In sociology, literature, along with the study of the content of works of art and social characteristics of characters it is important to study the creative process. Here is an attempt to look at the poetry writing and its results through the prism of the behavioral approach on the basis of the poetry content analysis. Creation of the poem is considered as a behavioral creative process of self-actualization of creative potential, interactions of the system of requirements and social situations verbally expressed by means of language. During the framing actualized thoughts and feelings of the poet translated into poetic form. The main hypothesis is that the emotional dissonance express itself poetically. Semantic differential (SD) technique provides a clue to the text. Content analysis of poems (cycles, books) of separate poets through SD method could provide the understanding of similarities and differences of successive stages of the creating creative process of the same master, or explain the dissimilarity of poets compared to each other. The analysis of separate poems of Blok, Gumilev, Yesenin, Akhmatova ect. may demonstrate style features, the individual originality of each poets considered in terms of the dialectic opposition. The article discusses the possibilities of the SD method and the antonyms scales search in the author's text in the study of the creative process, based on the characteristics of the poetry of classical Russian poet Alexander Blok.

Keywords: *sociopoetics, lexical antonyms, direct and indirect antonyms, pronoun antonyms, personal dictionary of antonyms, thesaurus opposites, polar comparisons, SD method, semantic differential, dissonances and consonances, framing, creative behavior, metaphorical polarity, poetry opposition, content-analysis, disposition.*

Социология литературы занимается не только исследованием мнений читателей о художественных произведениях, но также анализом прозаических и поэтических текстов, их содержания, иными словами, социологическим объяснением сюжетов, повествования, социального облика героев литературных произведений, характеристикой социальных типов — персонажей, их социальных ролей¹. Но есть еще социология (социальная психология) самого процесса сочинительства, процесса создания различных литературных сочинений. Например, в социологии поэзии интересен процесс созидания с точки зрения того, каковы истоки стихосочинительства, почему человек начинает писать стихи, избирает стихотворную форму для самовыражения. Что дает поэту в экзистенциальном и социально-психологическом плане творчество? Почему поэты предпочитают малые и более пространственные формы для выражения

¹ См.: Канторович В. Родственная нам наука // ЛГ. 1966. № 53; Он же. Перепись литературного населения // ЛГ. 1967. № 33; Он же. От имени литературного населения // ЛГ. 1968. № 31.

своих чувств и мыслей, наконец, почему поэт, находящийся в плену вдохновения, ставит точку там, где ее ставит? Одна из гипотез рассматривает поэта как обычного человека, взаимодействующего с другими, но испытывающего сильную потребность в самопознании собственных переживаний и эмпирически нашедшего именно в стихосложении возможность проникновения в глубины своего Я. Само сочинение стихотворения есть осознание своего положения, собственных настроений и чувств, постепенное снятие возникших в повседневности стрессов. В книгах стихов обычно выделяются отдельные их циклы, и это не случайно, так как на протяжении одного стихотворения как бы оно ни было пространно, не всегда удается купировать актуальную напряженность. Циклы стихов появляются, чтобы снимать стрессовые ситуации и разрешать пробуждаемые ими диссонансы в цепочках консонансов и соглашений с самими собой.

Метод семантического дифференциала (СД) давно и далеко вышел за пределы психосемантики и лингвистики. Имеющийся опыт говорит о том, что этот метод с успехом может использоваться в исследованиях социального поведения личности, в изучении феноменов диспозиционной регуляции индивидуального поведения. К примеру, применение метода СД в поведенческой (социологической) демографии показало, что измерение репродуктивных установок и социальных норм детности является важным дополнением к практике статистики мнений о предпочитаемых числах детей². Использование техники СД в микросоциологии семьи позволило разработать методику анализа совместимости супругов, а также сплоченности членов семьи³.

Метод СД при социологических опросах разного рода (анкетирование, интервьюирование) позволяет получать более надежную информацию, так как в силу проективности самой процедуры оценивания вербальных объектов снимается самоконтроль респондентов, желание представить свое Я в более выгодном свете.

Процесс ответа на вопросы социологических анкет и бланков интервью представляет собой разновидность социального поведения (потребности — диспозиции — ситуации). И в самом деле, есть определенная мотивация к заполнению анкет, потребность участия в опросе; есть различные особенности ситуации опроса, способствующие или препятствующие успешному ответу на вопросы; есть блок диспозиций, в которых принимаются решения, как именно

² Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.

³ Антонов А.И. Микросоциология семьи. М., 1998 (повторные издания 2005, 2010, 2013).

отвечать на основе фреймирования — индивидуального определения ситуации опроса; наконец, есть результат респондентского поведения — заполненная анкета. Заполнение анкеты является поведенческим действием, в процессе и в результате которого актуализированные ценностные ориентации респондента выражаются в мнениях при ответах на конкретные вопросы. Тестирование по методу СД позволяет снять искажение мнений респондентом, так как неопределенность процедуры гасит самозащиту. Техника СД — определение точки, интенсивности своего отношения к объекту на шкале активное—пассивное (полное—пустое, твердое—мягкое и т.д.) — не позволяет респонденту угадать намерения социолога, то, как будут использоваться данные опроса. При этом сама процедура работы по шкалам проста и понятна респонденту.

Работа поэта может быть уподоблена работе респондента, разница в том, что поэт сам ставит перед собой задачу и сам пытается наилучшим образом разрешить ее, отбирая ассоциативно наилучшие слова и рифмы. Переживаемые поэтом чувства в момент созидания текста воплощаются по правилам поэтики стихосложения в словах окончательного варианта стихотворения, хотя сам процесс творчества остается за скобками. Эмоциональные импульсы к созиданию задаются жизненной коллизией, психологическими диссонансами поэтического Я, требующими смягчения напряженности и снятия стрессов. Создание стихотворения может рассматриваться как разновидность социального поведения личности. Творческое или креативное поведение состоит из четырех элементов: 1) потребности в создании стихотворения, 2) социальных ситуаций, способствующих (или нет) реализации потребности, 3) фреймирования — процесса самовыражения с помощью поэтических средств, 4) результата поведения — текста стихотворения. Взаимосвязи этих элементов между собой можно обозначить диспозициями (см. рис.). Согласно данным рисунка, в блоке 3 происходит взаимодействие диспозиций — когда душевный настрой поэта влечет к работе над текстом по правилам стихосложения.

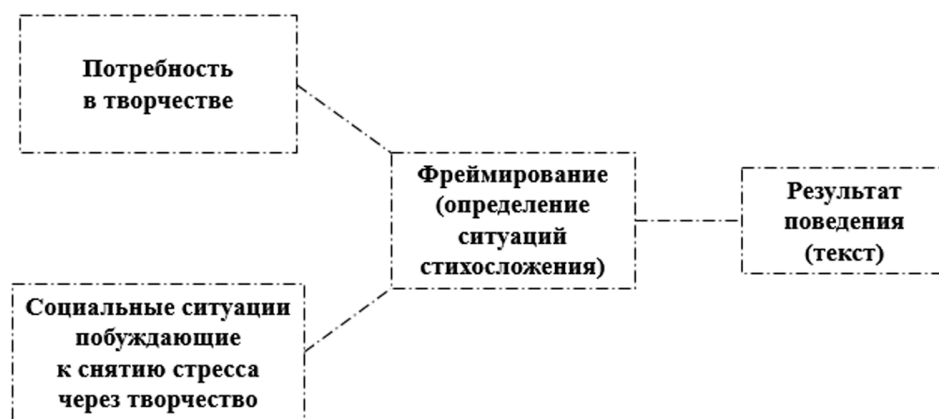

Рис. Диспозиционная регуляция креативного поведения личности

Побуждение к стихотворчеству диктуется экзистенциальными состояниями автора, настоятельность которых заставляет поэта стремиться к облегчению души, к катарсису (очищению). В процессе сочинительства поэт ориентирован на достижение катарсиса, на снятие диссонансных напряжений и по мере приближения к исковому облегчению завершается собственно стиховая ткань произведения искусства. Чем больше был диссонанс (между мыслями и чувствами, звуковыми и зрительными восприятиями, и вербальными кальками их), и чем адекватнее было его снятие, погашение, тем больше гармония между ними в стихах, тем значимее итог художественного самовыражения. Однако именно этот процесс вдохновенного стихосложения остается неизвестным: неясно, как конструируется сама поэтическая вещь, как она разворачивается на своем вербальном пространстве и приходит к завершению. Другими словами, можно ли из самого текста извлечь картину стихостроительства и какими аналитическими средствами?

Искусство ориентировано на других, предполагает аудиторию, публику, оно невозможно без восприятия ценителями, потребителями. Читатели литературных текстов, по-видимому, испытывают схожие с автором ощущения, и чем сильнее это подобие, тем значительнее эстетическое и социальное воздействие. Художественный эффект от законченного стихотворения по З. Фрейду “объясняется освобождением от напряжения душевных сил”⁴. Л.С. Выготский словом катарсис определяет закон эстетической реакции, заключающийся в аффекте, который развивается в двух противоположных направлениях и “в завершительной точке... находит свое уничтожение”⁵. И далее характеризуя суть эстетического катарсиса в сфере поэзии Л.С. Выготский говорит: “...можно на примере любого пушкинского стихотворения показать, что истинный его строй *всегда включает в себе два противоположных чувства* (выделено мной. — А.А.)... Его лирика обнаруживает везде один и тот же закон, закон раздвоения; его слова несут простой смысл, его стих претворяет этот смысл в лирическую эмоцию”⁶. Таким образом, в противоположности формы и содержания заключается основа “катартического действия эстетической реакции”. В поэзии важно, чтобы эффект формы (ритма, размера, рифмы) был противоположен эффекту содержания и как бы уничтожал его, причем, ритм не сводится к размеру стиха, а является отступлением от него.

Техника СД, предложенная Ч. Осгудом для измерения значений и смыслов, получила широкое распространение в различных обла-

⁴ *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1968. С. 103.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С. 280–281.

стях социального познания, поскольку она явно эксплицирует ту систему восприятия и оценки, которая существует в повседневном поведении миллионов людей. В глубинах нашего Я или нашей души встроено, вживлено шкалирование по СД. Антонимы являются органической частью языковой стихии, они впитываются с пеленок, а социопсихосемантические шкалы являются основным оценочным инструментом нашего Я. Все явления нашей жизни, существования раскладываются, оцениваются внутри когнитивного механизма личности по шкалам антонимов, по противоположным полюсам, по сложным социально-символическим оппозициям, и эти сугубо индивидуальные оценки в конечном счете производятся в пределах континуума “хорошо—плохо”.

Позитивно оценивается все то, что хорошо для меня, моего Я, и негативно — что вредно мне. Отсюда понятен и алгоритм принятия решений: дело не только в специфических плюсах и минусах тех или иных альтернатив, а прежде всего в том, насколько предполагаемые действия коррелируют с моим представлением о себе самом. Если какое-либо решение весьма рационально и даже выгодно для какого-либо дела, для группы людей, для организации, тем не менее, оно может быть отвергнуто по той причине, что не отвечает моему пониманию собственного достоинства. Да, это решение конструктивно и полезно, но я не сделаю этого, ибо оно не соответствует концепции моего Я как хорошего человека. Или же это решение может выглядеть как жесткое, нелицеприятное для окружающих, но я осуществлю его в соответствии со своими убеждениями и принципами.

Поэты, как и все люди, не являются исключениями из правил внутренней дифференциации мира по полочкам плюсов и минусов в соотношении с лирическим Я. Проблема в том, как это шкалирование по оппозициям выплескивается в стихах, как оно выражает себя. Различия поэтов — в степени выраженности противоположных полюсов: у одних языковая (грамматическая) антонимичность проявляется явно, у других — подспудно. Анализ стихотворчества с точки зрения частоты распространенности тех или иных антонимов может стать дополнительной характеристикой уникальности, неповторимости, непохожести поэтов “хороших и разных”. Поэтому первый шаг в анализе поэтического Я по процедуре СД состоит в составлении перечня всех употребляемых в стихах антонимов и оппозиций.

Из множества существующих в русском языке противопоставлений у разных поэтов наверняка окажутся разные наборы антонимов и оппозиций, разные приемы поэтических (метафорических) противостояний. Более того, у одного и того же поэта в разные пе-

риоды творчества и жизни может обнаружиться разная интенсивность тех или иных оппозиций, разная частота, например, противоположностей, связанных с местоимениями (Я—Ты, мое—твое, мне—тебе, мы—они, наши—ваши, нас—их и др.). Кстати, частое или редкое употребление антонимов-местоимений может стать дополнительной характеристикой поэта, склонности к обезличенному восприятию мира или вовлеченности его в лирическое Я⁷.

Контент-анализ стихотворений (циклов, книг) отдельных поэтов по методу СД (посредством поиска явных, прямых, а также косвенных полюсов и антиподов) может способствовать пониманию различий последовательных этапов творчества одного и того же мастера, а также может пролить свет на тайны несходства сопоставляемых между собой поэтов. Анализ отдельных стихотворений А. Блока, Н. Гумилева, С. Есенина, А. Ахматовой и др. может продемонстрировать особенности стиля, индивидуального своеобразия каждого из рассматриваемых поэтов с точки зрения диалектики противопоставления, активизации в их словаре противоположных начал, применения разнополярных шкал смысла и чувств.

У каждого поэта свой специфический набор, ассортимент *словарных антонимов* и свой кладезь, каталог, тезаурус оппозиций, в которых противопоставление достигается посредством *парных сравнений* (не антонимов, а словосочетаний типа правильное—неправильное, честный—бесчестный и т.п.). Также следует учитывать собственно поэтические, т.е. *метафорические и символические противопоставления*, которые выражаются не прямо в виде антонимов и оппозиций, а косвенно посредством полярности лирических образов или символического разделения отдельного образа на противоположные составные части, полюса.

При этом можно различать среди антонимов, во-первых, противопоставления грамматические, *языковые*, во-вторых, — точные, явные, прямые (полное—пустое, доброе—злое, друг—враг, рай—ад и т.п. — приводимые в словарях антонимов), а также *речевые* (не являющиеся точными антонимами) или поэтические оппозиции (“они сошлись, волна и камень, стихи и проза, лед и пламень”), т.е. противопоставления образного характера, не строго выраженной антонимичности лирических образов.

Фактически, анализ методом СД сосредоточен на изучении специфики словаря поэта (выяснение набора применяемых антонимов, омонимов, синонимов, антитез, оппозиций). Рассмотрение отдельных стихотворений позволяет определить число *полных шкал* (день—ночь, свет—тьма, белое—черное и т.д.); а также число *непол-*

⁷ См. об этом: Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.

ных шкал, в которых дается лишь один полюс шкалы СД, а второй опускается и явно не эксплицируется, но существует подспудно, подразумевается или дается с помощью иных слов, не являющихся прямыми полюсами антонимов. В конечном счете, определение числа прямых и косвенных оппозиций, метафорических противопоставлений, возникающих в определенных ситуациях образного характера и являющихся в переносном смысле поэтическими противоположностями, позволяет понять мировосприятие поэта, индивидуальное своеобразие взгляда на мир, уникальность стилистики и языковых процедур.

Начнем анализ поэтических оппозиций в творчестве А. Блока со стихотворений раннего периода, первого десятилетия его творческого пути, представленного циклами “Стихи о Прекрасной Даме”, “Распутья”, “Город”, “Фаина”, “Снежная Маска”⁸. В сборнике “Эхо” помещено 115 стихотворений первой декады блоковского творчества, из них хрестоматийными, популярными (часто печатаемыми в самых разных сборниках разными составителями) являются 16 (“Сумерки, сумерки вешние”, “Встану я в утро туманное”, “Ужасен холод вечеров”, “На перекрестке, где даль поставила”, “Выхожу я в путь, открытый взорам”, “Девушка пела в церковном хоре”, “Незнакомка”, “О весна без конца и без краю”, “И вечный бой”, и др.). Рассмотрим некоторые из них.

В ранний период творчества Блок часто прибегает к оппозициям-местоимениям Я—Ты, мне—тебе, мой—твой, мы с тобой, я с нею, свой (мой), ее, Я—он, они, она, он, она—он, нас—вас, нам, ними (нами), их, них всего на 115 стихотворений оказалось около 20 разновидностей противопоставляемых местоимений. Эти местоименные оппозиции говорят о глубоко личном восприятии мира, о парности, характерной для гетерогенных отношений, о поэтическом Я — безусловном центре личностного отсчета. Местоименные противопоставления — неперенный атрибут любовной лирики, авторское Я всегда предполагает другого человека, возлюбленную, “прекрасную даму” сердца. Возьмем известные стихи 20-летнего Блока, часто включаемые в сборники разными составителями:

1. Ветер принес издалека	2. песни весенней нарек,
3. Где-то светло и глубоко	4. неба открылся клочок.
5. В этой бездонной лазури,	6. в сумерках близкой весны,
7. плакали зимние бури,	8. реяли звездные сны.
9. Робко, темно и глубоко	10. плакали струны мои.
11. Ветер принес издалека	12. звучные песни твои.

⁸ Блок А.А. Эхо: стихотворения 1898–1908 гг. / Ред.-сост. И.А. Курамжина. М., 1995; *Он же*. Стихи о Прекрасной Даме. СПб., 2010.

В стихотворении № 1 есть четыре пары прямых и две пары неявных антонимов, при этом в последней строфе появляется второй полюс шкалы антонимов (светло—темно), и находит свое завершение поэтическое противопоставление тихой песни песне звучной. Появление двух заключительных аккордов-антонимов в итоговой строфе снимает диссонансы, заявленные в первых строках и объясняет популярность этого стихотворения. Рассмотрим подробнее это очень характерное для Блока противопоставление и сближение особенностей пейзажа и настроений автора. Весенний фрейм Блока — это его определение (*frame of references*) ситуации радости, света, весны, влюбленности: “ветер принес издалека песни весенней намек, где-то светло и глубоко неба открылся клочок”. Клочок неба, бездонной лазури среди туч — это намек на “песнь весеннюю”, на саму весну в зимнюю пору, это буквально сигнал смены сезонов, но поэтически это знак желаемой и ожидаемой любви-весны, любви его к ней, к ее песням, находящим отзвук в струнах сердца одинокого поэта.

В этом прозаическом пересказе пропадает суть и эстетическая ценность стихотворения, которая невозможна без учета синонимии антонимических противопоставлений или антонимии синонимических рядов (что то же самое). Конечно, стихи — это ритм, музыка, стихи слушают сердцем, но также важным дополнением звуковой стихии является живописная, образная реальность. В сочетаниях вербальных референтов двух основополагающих органов чувств — слуха и зрения, строится гармония поэтического творения. Однако гармония, достигаемая в поэтическом тексте через катарсис, возможна посредством примирения, снятия диссонансов. Другими словами, поэтическое совершенство находит свое воплощение через нанизывание диссонансов в первых строфах из-за прямой или косвенной антонимии ассиметричных рядов словосочетаний, через средство обнаружения и выявления полярных противоположностей в заключительных строфах. Преодоление возникающих когнитивных и экспрессивных диссонансов, их снятие или смягчение происходят благодаря эксплицированию в лирических образах переносных значений речевых антонимов и оппозиций. Поэтому столь важной оказывается всегда концовка стихотворения, особенно сонета, в которой удачная рифмовка символизирует гармоничное слияние звуковых и визуальных диссонансов.

Попробуем выявить имеющиеся в стихотворении антонимы и оппозиции. Но вначале определим терминологию. Итак, прямой антоним — это языковой (словарный): добро—зло, светлое—темное и т.п. В антонимах противопоставление смысловое выражено разными словами — например, день—ночь. В то же время оппозиция “правильное—неправильное” образуется добавлением приставки

не- или какой-либо иной, т.е., строго говоря, не является антонимичной (антонимы — это укоренившееся в народе противопоставление, выраженное разными словами). Такое противопоставление чаще всего бывает речевым. Если антоним не представлен сразу двумя своими половинками в одной и той же строке (в одном стихе или в одной строфе), то следует говорить о неполноте, о неполной антонимичности (и соответственно о неполной оппозиции). Подобного рода неполнота создает диссонанс, требующий снятия, психологического облегчения, которое наступает при появлении в завершающей части (строфы) стихотворения второй половинки антонима или оппозиции.

В стихотворении № 1 половинка шкалы “издалека” из семантической группы “даль, дальнейшее”, второй полюс шкалы “близкое” обнаруживается в стихе № 6 (“близкой” весны). Полностью антоним “дальнее—близкое” не приводится в тексте, а дается только половинка шкалы “близкое” в паре с наречием “издалека” (косвенная полярность). В строках № 3 и 9 разнесены полюса “светло—темно”, в № 10 и 12 “мой—твой”, в № 6 и 7 “сумерки весны—зимние бури”, т.е. антоним “весна—зима”. Половинка шкалы “бездонная лазурь” (№ 5) не имеет противоположного полюса, ассоциируемого с “дном”, причем в этой бездонности “реют звездные сны” (№ 8). Однако бездонность все же как-то противопоставляется “клочку неба”, так как бесконечность ярче раскрывается именно через “клочок чего-либо”, через малую часть этой безграничности. Следовательно, бездонность и клочок ее — это некое противопоставление большого и малого, это в косвенной форме выраженная оппозиция.

Таким образом, в 12 строках стихотворения прослеживаются 4 полные шкалы СД: светлое—темное, дальнее/издалека—близкое, весеннее/весна—зимнее, мое—твое и две оппозиции: безграничное/бездонность—частичное/клочок, а также звучное—тихое/песни нарек. В первых восьми строчках встречается четыре шкалы антонимов не прямого, а косвенного сопоставления, причем в первых двух идет звуковое восприятие мира, которое вновь возникает в последней, целиком звуковой (музыкальной) строфе. Визуальное (живописное) восприятие в 3—6 и 8 строчках (в 7-й строке вновь звук) как бы дополняет музыкальное. Концовка этого стихотворения показывает, что ассоциации с весной таят в себе надежду на любовь, на появление “любимой”. Повтор 3-й строки в 9-й, но с добавлением второй половинки антонима “темно” раскрывает томления, жалобные ожидания поэта — “плакали струны мои” (№ 10).

Именно подспудное стремление автора придать завершенность антониму “светло—темно” приводит к заключительной строфе, где “робко” и “темно” плачущим (без любимой) струнам души поэта противопоставляются именно “звучные” (не “громкие”, пере-

кликающиеся с “робкими” струнами) песни. Причем в 12-м стихе “звучные песни твои” противоположны не только негромким струнам 9-го стиха, но и еле слышным песням 2-й строки (“песни... намек”). Одновременно, это и близкие песни, звучащие здесь, а не вдалеке, это и песни весны, перечеркивающие зимние бури и приближающие песни твои, саму тебя.

Стихотворение очень динамично и антонимично: из дальнего и зимнего и темного (одинокого) авторского бытия пробивается нечто весеннее, светлое, близкое и звучное. Но полюса этих оппозиций разбросаны по разным строчкам и прямо не противопоставляются друг другу. Блок в этом стихотворении оказывается поэтом не только прямых антонимов, но и косвенных, опосредованных противопоставлений (скорее сопоставлений!). Другими словами, жесткая оппозиция антонимов как бы сглаживается, смягчается, и поэт, стремясь к снятию когнитивного диссонанса, к гармонии и единству противоположного, размывает контрасты, представая мастером полутонов и в звуке и в цвете.

Анализ 16 вышеназванных стихотворений Блока по методу СД свидетельствует о том, что для первого периода творчества великого поэта не характерно частое использование прямых антонимичных оппозиций (за исключением местоименных), поэту присущи косвенные противопоставления, смягчение контрастов белого—черного, акцент на переходных состояниях (сумерки, утренние туманы и т.п.)⁹.

Применение шкал СД к творчеству поэтов позволяет понять, как пишется стихотворение, как оно разворачивается и завершается. Удачная концовка — это не счастливо пришедшая рифма, а вербально выражаемое завершение шкал антонимов, прямых и метафорических. Точка ставится поэтом, когда все первоначально заявленные половинки оппозиций обретают свою полярную парность, когда происходит антонимическое замыкание, и диссонанс растворяется без остатка в самоочищении духа. Чем совершеннее стихотворение, тем сильнее катарсис для поэта и, тем самым, для читателя. Поэт стремится к свободе — к освобождению от жизненных диссонансов и к разрешению от бремени незавершенных антонимических пар. Семантический дифференциал — инструмент диагностики стихо-со-творения: чем больше в тексте остается обломков от антонимичных пар, чем больше руин из неполных оппозиций, тем больше остается неснятых диссонансов и тем несовершеннее то или иное сочинение и вместе с ним — та или иная жизненная ситуация. В то же время достижение баланса биполярных шкал и симво-

⁹ Ограниченный объем журнальной публикации не позволяет здесь подробно рассмотреть все эти стихотворения.

лических оппозиций позволяет поставить точку, завершить процесс стихотворчества ситуативной гармонией. Одновременно развернутый в ткани стихотворения набор антонимичных пар представляет динамику жизненных полярностей, активизацию диссонансов и консонансов, зафиксированных в стихах и как бы оживающих при чтении. Эта уплотненная реальность диалектики противостояния, выраженная в языковых формулах, в вербальных облачениях, и составляет феномен поэзии.

В заключение хотелось бы сказать следующее. Созидание стихотворения рассматривается как поведенческий процесс самоактуализации творческих потенций, взаимодействия системы потребностей и социальных ситуаций, выражаемый вербально средствами языка. В ходе фреймирования (определения авторским Я социально-лингвистических ситуаций) актуализированные чувства и мысли поэта воплощаются в поэтические формы. При этом душевные состояния творческого подъема и напряжения представлены чередой диссонансов, ищущих снятия и своего разрешения. Техника двухполюсного шкалирования по СД очень удобна для фиксации диссонансов, связанных с техникой стихосложения, которая как бы стремится уравновесить дисбаланс формы и содержания, когда слова не укладываются в размер, рифмы ускользают от смысла, а ритму не подчиняется строй речи. Основная гипотеза состоит в том, что душевные диссонансы ищут выхода в стиховой гармонии: собственно текст и есть способ преодоления жизненной напряженности. Ткань стихотворения раскрывает этот процесс преодоления, причем, чем совершеннее стихи, тем лучше концовка — финальное снятие диссонанса (очищающее душу достижение баланса между противоположностями разного рода). Техника СД дает ключ к разгадке текста: сначала ищутся следы диссонансов, прямые и косвенные антонимы, затем — символические противопоставления и оппозиции. В завершающей части стихотворения полярности уравниваются, но если этого не происходит, значит, диссонанс не снимается и вновь побуждает к творческому поиску. Анализ циклов и книг стихов в полной мере раскрывает специфику разных поэтов и/или различных периодов творчества одного и того же автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии — движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М., 2010.
- Антонов А.И.* Микросоциология семьи. М., 1998.
- Антонов А.И.* Социология рождаемости. М., 1980.
- Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Белянин В.П.* Психолингвистика. М., 2011.

- Блок А.А.* Стихи о Прекрасной Даме. СПб., 2010.
- Блок А.А.* Эхо: стихотворения 1898–1908 гг. / Ред.-сост. И.А. Курамжина. М., 1995.
- Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1968.
- Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. М., 1991.
- Гиренок Ф.* Удовольствие мыслить иначе. М., 2008.
- Гофман И.* Анализ фреймов. М., 2004.
- Гридина Т.А.* Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
- Зинченко В.П.* Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997.
- Канторович В.* Родственная нам наука // ЛГ. 1966. № 53.
- Канторович В.* Перепись литературного населения // ЛГ. 1967. № 33.
- Канторович В.* От имени литературного наследия // ЛГ. 1968. № 31.
- Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений. М., 1979.
- Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П.* Начала практической социологии. СПб., 2001.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л., 1972.
- Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М., 2010.
- Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989.
- Пропп В.* Проблемы комизма и смеха. М., 2002.
- Семиотика и искусствометрия / Ред. Ю.М. Лотман. М., 1972.
- Сидорова М.Ю.* Грамматика поэтического текста. М., 2000.
- Солсо Р.* Когнитивная психология. М., 1996.
- Таршис Е.Я.* Контент-анализ. Принципы методологии. М., 2013.
- Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. М., 2007.
- Фамилистические исследования. Т. 1. М., 2009.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
- Шалак В.И.* Современный контент-анализ. М., 2004.

REFERENCES

- Antonov A.I.* Sociologija rozhdaemosti [Sociology of fertility]. М., 1980 (in Russian).
- Antonov A.I.* Mikrosociologija sem'i [Microsociology family]. М., 1998 (in Russian).
- Apresjan Ju.D.* Leksicheskaja semantika [Lexical semantics]. М., 1974 (in Russian).
- Azarova N.M.* Jazyk filosofii i jazyk poezii – dvizhenie navstrechu (grammatika, leksika, tekst) [Language philosophy and language of poetry - the movement forward (grammar, vocabulary, text)]. М., 2010 (in Russian).
- Bahtin M.M.* Jestetika slovesnogo tvorčestva [The aesthetics of verbal creativity]. М., 1979 (in Russian).
- Beljanin V.P.* Psiholingvistika [Psycholinguistics]. М., 2011 (in Russian).
- Blok A.A.* Jeho: stihotvorenija 1898–1908 gg. [ECHO: poems 1898–1908 gg. Compiled by Kuramzhina I. ECHO: poems 1898-1908 gg.] / Red.-sost. I.A. Kuramzhina [Compiled by Kuramzhina I.]. М., 1995 (in Russian).

- Blok A.A.* Stihi o Prekrasnoj Dame [Poems about the Beautiful Lady]. SPb., 2010 (in Russian).
- Familisticheskie issledovanija* [Familistic research]. T. 1. M., 2009 (in Russian).
- Frankl V.* Chelovek v poiskah smysla [Man's search]. M., 1990 (in Russian).
- Gadamer G.G.* Aktual'nost' prekrasnogo [Artworks in word and image: 'so true, so full of being']. M., 1991 (in Russian).
- Girenok F.* Udovol'stvie myslit' inache [Pleasure of another thinking]. M., 2008 (in Russian).
- Gofman I.* Analiz frejmov [Analysis of frames]. M., 2004 (in Russian).
- Gridina T.A.* Jazykovaja igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creation]. Ekaterinburg, 1996 (in Russian).
- Kantorovich V.* Rodstvennaja nam nauka [Related science] // LG. 1966. N 53 (in Russian).
- Kantorovich V.* Perepis' literaturnogo naselenija [On behalf of the literature population] // LG. 1967. N 33 (in Russian).
- Kantorovich V.* Ot imeni literaturnogo nasledija [List of literature population] // LG. 1968. N 31 (in Russian).
- Kozeleckij Ju.* Psihologicheskaja teorija reshenij [Psychological decision theory]. M., 1979 (in Russian).
- Lenuar R., Merl'e D., Pjento L., Shamp'an' P.* Nachala prakticheskoj sociologii [Basis of sociology]. SPb., 2001 (in Russian).
- Leont'ev A.A.* Osnovy psiholingvistiki [Basics of psycholinguistic]. M., 1997 (in Russian).
- Losev A.F.* Znak. Simvol. Mif [Sign. Symbol. Myth]. M., 1982 (in Russian).
- Lotman Ju.M.* Analiz pojeticheskogo teksta [Analysis of the poetic text]. L., 1972 (in Russian).
- Mol' A.* Sociodinamika kul'tury [Sociodynamic of culture]. M., 1973 (in Russian).
- Petrenko V.F.* Osnovy psihosemantiki [Basics psychosemantiki]. M., 2010 (in Russian).
- Potebnja A.A.* Slovo i mif [The word and the myth]. M., 1989 (in Russian).
- Propp V.* Problemy komizma i smeha [Problem of comedy and laughter]. M., 2002 (in Russian).
- Semiotika i iskusstvometrija* [Semiotics and dimension of Art] / Red. Ju.M. Lotman [Ed. by Yu. Lotman]. M., 1972 (in Russian).
- Shalak V.I.* Sovremennij kontent-analiz [The contemporary content analysis]. M., 2004 (in Russian).
- Sidorova M.Ju.* Grammatika pojeticheskogo teksta [Grammar of the poetic text]. M., 2000 (in Russian).
- Solso R.* Kognitivnaja psihologija [Cognitive psychology]. M., 1996 (in Russian).
- Tarshis E.Ja.* Konten-analiz. Principy metodologii [Content analysis. Methodology]. M., 2013 (in Russian).
- Tynjanov Ju.N.* Problema stihotvornogo jazyka [The problem of poem]. M., 2007 (in Russian).
- Vygotskij L.S.* Psihologija iskusstva [The psychology of art]. M., 1968 (in Russian).
- Zinchenko V.P.* Posoh Mandel'shtama i trubka Mamardashvili. M., 1997 (in Russian).

А.А. Калашникова, канд. социол. наук, бакалавр искусствovedения, старший преподаватель кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина* (г. Харьков, Украина)

ПРОИЗВЕДЕНИЕ В ПОЛЕ ИСКУССТВА: СТАВКА, КАПИТАЛ, ГАБИТУС

Kalashnikova Alina Alexandrovna, candidate of sociological sciences, senior lecturer at the applied Sociology and social communications department (Faculty of sociology of the V.N. Karazin Kharkiv National University)

THE ARTWORK IN THE FIELD OF ART: THE STAKE, THE CAPITAL, THE HABITUÉS

Статья посвящена анализу взаимосвязи между агентами поля искусства и создаваемыми ими произведениями. Актуальность этой темы опосредована ростом как социального интереса к искусству, так и экономических признаков этого интереса (цен и объемов продаж искусства на мировом рынке). Теоретической основой исследования служит теория полей символического производства П. Бурдьё, а также критика этой теории с позиций социологического “возвращения к вещам”. Предпринимая попытку дополнить агент-ориентированный подход теории полей рассмотрением предметов искусства, мы раскрываем роль объектов в успехе агента в символической игре. Основой нашего исследования служит фрагментарная историческая ретроспектива развития искусства, данные о продажах на различных уровнях арт-рынка, а также сведения, полученные в процессе эмпирических исследований украинского рынка искусства. Мы постулируем, что произведения искусства участвуют в конструировании полей наряду с агентами, однако выполняют при этом не самостоятельные или сопоставимые с агентами, а делегированные функции. Исходя из материальности произведения искусства (если не физической, то юридической и социальной), рассматриваются пространственные и социальные отношения, в которое включается произведение, будучи создано. К ним относятся включение в выставочное пространство, хранение и его условия, пространственное размещение в микро- и макроконтексте, перемещение и продажа. При этом показано, как именно взаимосвязаны физическое и социальное пространство: перемещение в одном имманентно перемещению в другом. Анализируя произведения в их связи с агентами поля искусства, мы обнаруживаем параллелизм траекторий агентов и объектов, которые они создали или с которыми связаны. Корпус произведений одного художника, таким образом, понимается как внеобъектное социально маркированное целое, структурированное эво-

* Алина Александровна Калашникова, e-mail: kalashnikova@karazin.ua

лющей художественной манеры автора и одновременно структурирующее его претензии на изменение позиции в поле. Рассматривая индивидуальную и социальную значимость времени и пространства, мы доказываем возможность трактовать отдельное произведение как ставку агента, являющуюся слепком его габитуса в определенный момент времени. Успех агента с этой точки зрения анализируется как опосредованный выигрышем одной или нескольких таких ставок в тот момент, когда они оказываются соответствующими объективным условиям, определению осевой ценности поля. В свою очередь для агентов-посредников приобретение произведений и владение ими является попыткой одновременно предугадать и обеспечить определенным произведениям меру достаточной для выигрыша символической власти. Рассмотрев упомянутые связи, мы приходим к выводу, что произведения искусства действительно участвуют в структурировании поля искусства путем получения капиталов и позиций для агентов, с которыми они связаны. Поскольку рассмотрение объектов сквозь исследовательскую оптику теории полей позволяет прояснить механизм символической игры (борьбы), мы заключаем, что такой подход может быть полезен и при изучении других полей символического производства, а также в качестве основания эмпирических исследований поля искусства.

Ключевые слова: произведение искусства, художник, рынок искусства, объекты в поле символического производства, объект-позиции.

The article analyzes the relationship between agents of the art field and works created by them. The relevance of this topic is conditioned both by the growing social interest in the art and economic characteristics of this interest (rising prices and volume of art sales on the world market). The theoretical basis of the study is the theory of symbolic production fields created by P. Bourdieu, as well as criticism of this theory from the standpoint of sociological “returning to things” approach. Attempting to complement the agent-based approach of the theory of art field with the artwork consideration, we reveal the role of objects in the success of an agent in a symbolic game. The basis of our research consists of the fragmentary historical retrospective of art development, sales at different levels of the art market data and information obtained during author’s empirical research of the Ukrainian market of art. We postulate that works of art are involved in constructing the fields along with the agents, but do not operate in an independent or comparable to agents way, but perform delegated functions. Basing on the materiality of the artwork (if not physical, then legal and social), we consider the spatial and social relations, which the product being created is included in. These are the inclusion in the exhibition space, the storage and its terms, the spatial distribution in micro- and macro context, the movement and the sale. It is shown how physical and social space are interconnected: the transfer in one is immanent to the transfer in other. Analyzing the works in their relationship with the agents of the field of art, we find a parallelism of the trajectories of agents and objects that they have created, or which they are related to. Thus, the body of the artist’s works is understood as a socially marked out-object entity, structured by evolution of the author’s artistic style and at the same time structuring

his claims to change the position in the field. Looking at the social and individual significance of time and space, we prove the ability to treat a single work as the agent's stake, which is a replica of his habitués at any given time. Agent's success from this perspective is analyzed as determined by the winning of one or more of these stakes at the moment when they are relevant to the objective conditions, the definition of the field core value. In turn, for mediating agents the purchasing and possession of artworks is an attempt to both guess and provide to works a certain measure of symbolic power sufficient to win. Having considered the mentioned connections, we come to the conclusion that artworks are really involved in the structuring of art the field by obtaining capital and positions for agents with which they are associated. Since the examination of the objects through the research optics of fields theory helps to clarify the mechanism of symbolic game (struggle), we conclude that this approach may be useful in studying other fields of symbolic production, as well as to provide the basis for art field empirical studies.

Keywords: *artwork, artist, art market, objects in the field of symbolic production, object-positions.*

В современном мире массовые социальные явления и процессы все более опосредуются разнообразными техническими средствами и коммуникационными сетями, становясь, таким образом, наблюдаемыми большим количеством зрителей, что еще больше расширяет масштабы их взаимного пересечения и влияния. Так, сегодня одним из самых громких культурных трендов стала массовизация потребления изобразительного искусства, происходящая на фоне стабилизации, а затем и роста арт-рынка после мирового кризиса. Согласно данным *Art Newspaper*, посещаемость картинных галерей в мире с каждым годом возрастает, формируя устойчивый тренд: среднее количество посетителей в день на самой посещаемой выставке 2011 г. составило 9677 человек, в 2012 — 10 573, в 2013 — 10 946, а в 2014 — 12 861¹. Стоит также вспомнить многочисленные удивленные публикации в СМИ, которые зафиксировали ажиотаж по поводу бесплатного посещения Эрмитажа морозной зимой 2016 г. Искусство, временно вытесненное массовой культурой на периферию общественного интереса², возвращает пошатнувшиеся позиции. В связи с этим как в академической среде, так и в более широких кругах возрастает интерес к работам ученых, писателей, публицистов, посвященным разным аспектам функционирования искусства.

¹ The grand totals: exhibition and museum attendance numbers worldwide // The Art Newspaper. Special Report. International Edition. 2015. Apr. N 278. URL: http://www.museus.gov.br/wp-content/uploads/2015/04/TheArtNewspaper_Ranking2014.pdf (accessed: 28.05.2015).

² Di Maggio P., Mukhtar T. Arts participation as cultural capital in the United States, 1982–2002: signs of decline? // Poetics. 2004. N 32. P. 169–194.

Одна из наиболее системных и признанных концепций функционирования искусства в ряду других сфер социального пространства была предложена известным французским социологом Пьером Бурдьё³. Согласно ей, искусство является полем символического производства, т.е. сообщает отношениям в сфере искусства характер игры, победители которой получают легитимное право на символическое насилие, на утверждение собственного способа играть как единственно верного и дающего право на выигрыш. Поле встраивает свою структуру во взаимодействия участников посредством инкорпорированных ими ценностей, представлений, знаний и социальных навыков их применения, и одновременно приобретает объективный характер исключительно в ситуациях конкурентного взаимодействия, совокупность которых представляет собой процесс символической борьбы. Структура поля возникает и реконструируется в процессе и посредством взаимодействий агентов, включающихся в символическую игру.

Кроме активно взаимодействующих агентов (художники, критики, коллекционеры, публика) в поле искусства существует предметная среда, которая тоже вовлечена в символическую игру. Однако сами полотна и другие артефакты, являющиеся, по сути, основным продуктом рассматриваемого производства, редко становятся предметом интереса исследователей, работающих в плоскости структурного конструктивизма. Так, ученица и в дальнейшем критик П. Бурдьё Н. Энич выступала против анализа произведений с точки зрения социологии искусства, считая это неинтересным⁴. Исключение составляют немногие исследователи, поддерживающие социологическую моду на “возвращение к вещам”. Э. де ла Фуэнте⁵ обосновывает необходимость для социологии искусства рассматривать не только “внешние” относительно произведения искусства властные отношения и объективные процессы, но также его “внутренние”, т.е. собственно художественные и эстетические качества. Р. Айерманн и М. Ринг считают необходимым исследовать собственное значение произведения⁶. Ф.Д. Рубио и Э.Б. Силва⁷ под-

³ Бурдьё П. Рынок символической продукции // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/content/chast-pervaja> (дата обращения: 26.11.2014).

⁴ Danko D. Nathalie Heinich's sociology of art – and sociology from art // Cultural Sociology. 2008. N 2 (2). P. 242–256.

⁵ De La Fuente E. The new sociology of art': putting art back into social science approaches to the arts // Cultural Sociology. 2007. N 1, 3. P. 409–425.

⁶ Eyerman R., Ring M. Towards a new sociology of art worlds: bringing meaning back in // Acta Sociologica. 1998. Vol. 41. P. 277–281.

⁷ Rubio F.D., Silva E.B. Materials in the field: object-trajectories and object-positions in the field of contemporary art // Cultural Sociology. 2013. N 7 (2). P. 161–178.

держивают это начинание, предлагая рассматривать объекты в поле как активные материальные компоненты, посредством которых социальные миры конституируются и познаются, поскольку П. Бурдые “не удалось исследовать возможность рассмотрения объектов как *подлинных агентов* (курсив наш. — А.К.) внутри поля”⁸. Хотя результаты их исследования демонстрируют, что произведения искусства переопределяют некоторые границы (внутри) поля, по нашему мнению, этого все же недостаточно, чтобы признать объекты равными агентам поля. При всем наблюдаемом влиянии полотен и других объектов, производимых художниками, на карьеру последних, характерной для агентов свободой осуществлять и изменять свои действия в попытке достичь успеха объекты не обладают.

Впрочем, определяющая роль произведений (декларируемая агентами поля, а иногда и получающая фактическое подтверждение) в оценке того или иного художника действительно дает основания подробнее рассмотреть их как неотъемлемый элемент поля искусства. Сама идея такого рассмотрения происходит из наблюдаемого свойства полотен переопределять место их автора в символической иерархии, конструируя поле. Как отмечает Дж. Таннер, П. Бурдые не уделил достаточного внимания выраженной его предшественником, историком искусства М. Баксандамом вписанности эстетической формы искусства конкретной эпохи в широкий социальный контекст общественных институций, не проанализировал “характер добавленной ценности эстетического посредничества [в осуществлении] социальных практик, материальное участие искусства в конституировании социального порядка в большей степени, чем просто его репродуцирование”⁹. Поэтому цель данной статьи — предложить и аргументировать альтернативную версию механизма осуществления артефактического конструирования поля. Мы рассмотрим то, как именно объекты “приходят к тому, чтобы занимать разные объект-позиции (*в поле искусства*), и как эти объект-позиции придают форму специфическим способам, которыми институциональные позиции и позиции субъектов, как и границы, распространяются и изменяются со временем”¹⁰, однако не будем стараться приравнивать художественные артефакты к агентам поля. Стремясь несколько сузить круг необходимых примеров, в качестве объекта анализа выберем изобразительное искусство, уже не-

⁸ Rubio F.D., Silva E.B. Op. cit. P. 163.

⁹ Tanner J. Michael Baxandall and the sociological interpretation of art // Cultural Sociology. 2010. N 4 (2).

¹⁰ Rubio F.D., Silva E.B. Op. cit. P. 164.

однократно рассматривавшееся нами с бурдьевистской позиции в украинском и мировом контексте¹¹.

Поле символического производства с точки зрения его предметного наполнения представляет собой пространство бытования “символических благ, этих двуликих реальностей товаров и значений, сугубо символическая и рыночная ценность которых остаются относительно независимыми друг от друга, даже когда экономическая санкция способствует усилению культурного признания — интеллектуального, художественного и научного”¹². Так, цена произведения на рынке опосредованно связана с его символической ценностью. Последняя понимается как степень приближенности объекта к осевой конвенциональной ценности поля, которая для его агентов должна выступать как терминальная. Таким образом, художник “по умолчанию” стремится бескорыстно служить искусству и декларирует это стремление, хотя ясно, что труд художника направлен на удовлетворение прежде всего его собственных интересов в той же мере, в какой и любой другой оплачиваемый профессиональный труд. Конструирование цены произведения на арт-рынке происходит в результате “интерсубъективного процесса оценивания и присуждения репутации такими экспертами поля искусства, как владельцы галерей, кураторы, критики, арт-дилеры, журналисты и коллекционеры, которые помогают установить репутацию работы или художника”¹³.

В современности словосочетание “произведение искусства” сохранило свои позитивные коннотации в повседневной речи, мы все так же именуем шедевром хорошо сделанный и красиво поданный торт, — однако, научные рамки содержания этого термина беспрецедентно размылись уже к концу XX в. Мультисенсорные средства коммуникации позволили художникам обращаться к более широкой аудитории, и такое новаторство, кажущееся поначалу неприемлемым, получило “постоянную прописку” среди видов и форм искусства — начиная с кино, которому отказывали в художественности еще в начале XX в., и заканчивая современным хэппенингом, который подразумевает включение зрителя и потенциально способен воздействовать на все органы его чувств. Согласно

¹¹ См.: *Калашикова А.А.* Профессионализм в практиках искусства: социологическое измерение // *Методологія, теорія та практика аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць*. Вип. 17. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна. 2011. С. 363–368; *Калашикова А.О.* Приватна художня галерея: мистецтво на продаж (?) // *Методологія, теорія та практика аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць*. Вип. 19. Харків. : ХНУ імені В.Н. Каразіна. 2013.

¹² *Бурдье П.* Указ. соч.

¹³ *Beckert J., Rössel J.* The price of art // *European Societies*. 2013. Vol. 15. N 2.

Б. Гройсу, появление новых форм произведений в эпоху современного искусства — не что иное, как итог самоотрицания искусства, последовательного отказа от господствующей художественной практики¹⁴. Н. Луман утверждает, что когда таким образом под вопрос ставятся критерии прекрасного, функции репрезентации и даже самой символической ценности, это и представляет собой процесс аутопойезиса искусства¹⁵. Это касается самого процесса производства искусства современными художниками, даже если результатом его является традиционная, давно признанная искусством художественная форма.

С позиции социальной науки, произведением является любой результат совершаемого художником символического и эстетического преобразования действительности, который соответствующе конвенционально маркируется. Оставляя в стороне внутренние аспекты практики искусства (что понимается под “преобразованием”, каковы его критерии и проч.), сосредоточимся на условно¹⁶ реальном предмете, который, будучи сотворен, далее вызывает к жизни целый комплекс *действий относительно произведения*. Осуществляемые в физическом пространстве, они, тем не менее, имеют исключительно социальную природу и с самого момента окончания произведения, с одной стороны, являются обозначением статуса автора, с другой — стремятся определить дальнейшую участь произведения (т.е. социальную судьбу автора). Например, в случае картины речь идет о ее обрамлении, хранении в определенном месте и условиях, весьма точно соответствующих положению автора в распределении как материальных благ, так и символического капитала¹⁷. Для менее традиционных видов искусства это также верно: здесь логическое место полотна или скульптуры как физически конкретного объекта, которым можно владеть, который можно перемещать или уничтожить, занимает уже не определяемые физически, но определенные и защищенные законом и/или закрепленные договором купли-продажи права собственности. Так, цифровая живопись может быть идентично воспроизведена неограниченное количество раз, т.е. находиться в одновременном распоряжении

¹⁴ Гройс Б. Что такое современное искусство // Митин журнал. 1997. Вып. 54. С. 253–276.

¹⁵ Luhmann N., Roberts D. The work of art and the self-reproduction of art // Thesis Eleven. 1985. Vol. 12. N 1. P. 4–27.

¹⁶ Предметность искусства в наше время вызывает вопросы не только из-за расширившихся возможностей и беспрецедентной точности копирования, но и потому, что искусство стало возможно создавать вовсе без традиционного материального носителя, такова, например, цифровая живопись и другие виды нет-арта.

¹⁷ Уайт Х., Уайт С. Холсты и карьеры / Общ. ред. и вступ. ст. М.Л. Магидович. СПб., 2000.

неограниченного количества субъектов *как объект эстетического восприятия*. При этом то же изображение *как произведение искусства*, т.е. как символический товар, будет принадлежать субъекту, который приобретет права собственности на него, ранее по умолчанию принадлежавшие художнику. Процесс виртуализации, дублирования или ухода от вещной формы набирает силу не только в искусстве, но и в других сферах, именно поэтому развитые страны так озабочены разработкой правовых документов, программного обеспечения и других мер, направленных на поддержание частной собственности на продукты искусства и интеллектуального труда. Очевидно, наблюдение о том, что “социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью удаления или депортации некоторых людей”¹⁸, имеет силу и в пространстве виртуальном, где такое удаление (дистанцирование) к тому же реализуется куда проще.

Присутствие художника в определенной точке физического пространства (месте) формирует, отражает и поддерживает его связи с другими агентами поля. Получение образования и обучение у конкретного мастера, визиты на выставки к авторам своего круга или представителям местной художественной элиты, знакомство с коллекционерами и дилерами, наконец, работа в рамках культурной среды и принципиальная ориентация на нее или вовне — вот неполный перечень тех характеристик социального бытия, которые для отдельно взятого художника опосредованы местом его пребывания. Позиция в поле связана с ними, но не ограничивается ими, так как художник способен, физически оставаясь на месте, участвовать в выставках, аукционных торгах и других событиях художественной жизни посредством перемещения своих произведений. Чаще его осуществляют посредники арт-рынка — арт-дилеры, коллекционеры, кураторы, — а в физическом смысле вообще третьи лица (например, грузчики). Однако осью этого комплекса *действий относительно произведения* является полотно (перформанс, инсталляция...), принадлежащее творческой интенции конкретного художника, несущее на себе истинные следы его авторства — уникальный почерк, манеру и замысел.

Зафиксированная нами во время эмпирических исследований рынка изобразительного искусства г. Харькова¹⁹ речевая конструкция “поучаствовать в выставке несколькими работами” раскрывает

¹⁸ Бурдые П. Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007. С. 50.

¹⁹ Калашнікова А.О. Ринок образотворчого мистецтва: соціальні чинники становлення і розвитку в сучасному українському суспільстві: Автореф. дисс. ... канд. соціол. наук. Харків, 2016.

тесную связь между агентом и произведенными им объектами. Ведь “поучаствовать” предполагает личное включение в событие или деятельность, поэтому редко сопровождается существительным в творительном падеже, обозначающем его инструментальный характер в этом участии. Между тем, приведенная конструкция входит в профессиональный сленг сообщества. Можно предположить, что в этом случае работы художника воспринимаются одновременно как его инструмент и как часть его самого — не в телесном или идеальном, но в личностном и социальном смысле.

Поскольку пространственные отношения напрямую дифференцируют искусство и не-искусство, в предельном случае изменение пространственной дистанции может стать триггером переопределения статуса конкретного предмета. Так, поместив обычный писсуар в качестве экспоната в соответствующее пространство, М. Дюшан произвел пространственное различие, позволившее этому предмету стать произведением искусства и быть оцененным соответственно (в 2006 г. Центр Помпиду оценил стоимость своей реплики этой работы за авторством Дюшана в 3,4 млн долл.²⁰). Естественно, такая манипуляция получила признание только вследствие обладания Дюшана необходимой для этого символической властью, капиталом в форме институционально подтвержденного статуса художника. Однако на этом примере можно проследить определяющую роль, которую выполняют критики как агенты перераспределения признания. Оригинал работы Дюшана был утрачен, но перед этим его успели сфотографировать и опубликовать снимок, так что все дальнейшее осмысление и репродукции касались отнюдь не оригинала работы, а его снимка и эссе в защиту, опубликованных в дадаистском журнале²¹. Возникает фундаментальный для всего функционирования поля и рынка искусства вопрос о соотношении и перемещении оригинала и копии, о том, каким образом копирование воздействует на позицию автора оригинала среди агентов и позицию объекта в сопоставлении его с другими объектами.

Агенты поля декларируют ценность оригинала, что подтверждается наблюдаемым стремлением музейных институций и коллекционеров приобретать в свое распоряжение именно оригинал и тем фактом, что оригинал в общем случае всегда дороже копии.

²⁰ Вынесен приговор осквернителю писсуара Марселя Дюшана (25.01.2006). URL: <http://www.newsru.com/cinema/25jan2006/urinal.html> (дата обращения: 13.08.2016).

²¹ *Howard S., Mundy J.* Marcel Duchamp, Fountain 1917, replica 1964 — Summary. URL: <http://www.tate.org.uk/art/artworks/duchamp-fountain-t07573> (assessed: 16.07.2016).

Исключение может составлять копия, созданная тем же автором (поскольку номинации отражают порядок иерархии объектов, обычно говорят об “авторском повторе” или “реплике”, а не о “копии”) или копия, оригинал которой утрачен (тогда она перетягивает на себя символическую стоимость оригинала). Иными словами, критериальным для определения объекта как произведения, заслуживающего статуса символического товара, является личное участие автора в его создании или воссоздании или, как минимум, наибольшая хронологическая и историческая близость к оригиналу.

Произведения могут быть поняты как представители конкретного художника в физически (или виртуально) определенном месте — некое подобие древнеперсидского адоранта²². Они, безусловно, не заменяют своего автора в активных попытках занять более высокую позицию в поле. Скорее, они сами и есть эти попытки, манифестирующие имманентные автору уникальность, почерк, стилевую принадлежность — в общем, тот специфический капитал, которым обладает художник как агент поля искусства. “Обладание капиталом обеспечивает, помимо физической близости к дефицитным благам (место жительства), присутствие как бы одновременно в нескольких местах благодаря экономическому и символическому господству над средствами транспорта и коммуникации (которое часто удваивается эффектом делегирования — возможностью существовать и действовать на расстоянии через третье лицо)”²³. Таким образом, если корпус работ одного художника (показательна этимология: от лат. *corpus* — “тело”) фиксирует его удаленность или приближенность к другим агентам в социальном пространстве, то он может быть понят и как его капитал, и как то самое “третье лицо” — делегат. Может показаться, что так мы возвращаемся к пониманию материальных объектов как полноправных агентов; однако здесь речь идет, скорее, об описанных Б. Латуром вещах-делегатах, объективирующих человеческий труд и усилия²⁴, в данном случае — усилия по поддержанию наличной позиции и претензии на более высокую.

Социальная периферия есть в то же время и периферия физическая (географическая); здесь агентам в их попытках обеспечить себя профессиональным признанием и средствами к существова-

²² Адорант — антропоморфная статуя в молитвенной позе, которую оставляли в храме божества в Древней Месопотамии, чтобы она молилась “вместо” хозяина во исполнение его просьб.

²³ Бурдые П. Социология социального пространства. С. 56.

²⁴ Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006.

нию предназначено ориентироваться на первичный рынок²⁵, т.е. физически (географически) достижимых коллекционеров и галеристов. Основная форма работы на этом уровне рынка — прямая продажа, когда работу покупают непосредственно у художника. Пространственная близость производителей и потребителей не требует активного вмешательства агентов, которые могли бы стать посредниками (галеристов и музейных кураторов), поэтому они относительно немногочисленны. П. Бурдые пишет: “Неощутимое занесение в тело структур социального порядка, несомненно, осуществляется в значительной степени с помощью перемещения и движения тела, позы и положения тела, которые эти социальные структуры, конвертированные в пространственные структуры, организуют и социально квалифицируют как подъем или упадок, вход (включение) или выход (исключение), приближение или удаление по отношению к центральному и ценимому месту”²⁶. Основным способом повысить свою позицию для агента-художника становится распространение работ в географически удаленных и социально противопоставленных периферии регионах высшего уровня рынка²⁷. Например, для О. Тистола международный успех начался с зарубежных выставок в Шотландии и США²⁸, продолжился несостоявшимися продажами на Sotheby’s²⁹, а сейчас он является одним из самых известных и хорошо продающихся на топ-аукционах украинских художников. Это иллюстрирует важность “предметного присутствия” художника в точке пространства, связанной с локализацией дефицитных для поля искусства символических благ. Ведь первые работы О. Тистола, выставленные на торги, так и не были проданы, однако способствовали повышению его статуса в родной стране и ближнем зарубежье, а также позволили художнику претендовать на участие в следующих аукционах и внимание крупного дилера И. Абрамовича³⁰.

²⁵ Здесь мы обращаемся к модели арт-рынка, сформулированной в: Автономов Ю. Взгляд на искусство через призму экономической теории // Неприкосновенный запас. 2003. № 6 (32).

²⁶ Бурдые П. Социология социального пространства. С. 51.

²⁷ О связи символической ценности с ценой и местом продажи см.: Veltius O. Symbolic meanings of prices: constructing the value of contemporary art in Amsterdam and New York galleries // Theory and Society. 2003. Vol. 32. P. 181–215.

²⁸ См. список выставок художника на сайте Buy Art Gallery — URL: http://buyart.gallery/artists/oleg_tistol (assessed: 02.07.2016).

²⁹ Белькевич Д. Олег Тистол — Рубрика “Арт-Каток, или Цифрами по творческому самоллюбию” // Art Ukraine. 2014.02.04. URL: <http://artukraine.com.ua/a/art-katok-ili-ciframi-po-tvorcheskomu-samolyubiyu-oleg-tistol-/#.V7cmnluLTMw> (дата обращения: 05.08.2016).

³⁰ Там же.

Логика функционирования поля стремится сохранять позиции периферийных агентов, перераспределяя капиталы в пользу обладающих большим объемом капитала и возвращая позиции агентов с минимальными капиталами к стартовому уровню. Стоит, однако, всего одной картине проделать путь из периферии в центр (например, быть проданной на одном из известных аукционов), как позиция художника меняется на более высокую. Будет ли эта перемена временной или художник сможет остаться на этой более высокой позиции, сделать ее постоянной — зависит от того, насколько успешно художник реализует стратегии продвижения в поле (как в маркетинговом, так и в социальном смысле). Естественно, успешность эта зависит не только и не столько от его собственной активности в поле, сколько от сопряженных и связанных с ним агентов, в основном связанных с полем искусства узами экономического капитала — дилеров, галеристов и коллекционеров. Например, известно, что в общем случае произведение растет в цене с каждой перепродажей³¹. Однако большое количество перепродаж вызывает обратный эффект — агенты-посредники начинают подозревать, что данный художник скоро упадет в цене, массово (насколько этот эпитет в принципе применим к арт-рынку) сбывают его работы, отчего и происходит реальное падение цены. Может показаться, что мы сводим понятие успеха произведения и художника к одной лишь коммерческой выгоде. Однако современное существование искусства подразумевает, что: “Произведения искусства принимают на себя роль акций, коллекционеры незаметно входят в роль их держателей, а художники подчас выполняют роль торговцев”³². Здесь мы не отходим от логики бурдьевиستской интерпретации социального пространства, в котором различные виды капитала способны к аккумуляции и конвертации, так что высокая цена подразумевает также собственно художественную, общекультурную ценность работы и относительно большой объем символической власти автора.

При изменении позиции художника в случае продажи его произведения остальной корпус работ одного автора также стремится к соответствующей перемене места в социальном и физическом пространстве. Кроме наблюдаемого повышения интереса к покупке работ данного художника дилеров и коллекционеров с более высокой позицией в поле, переопределение дистанций происходит в музее и в рамках частной коллекции. Когда давным-давно вошедшая

³¹ Долгин А. Прагматика культуры // Логос. 2002. № 2. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/06.htm (дата обращения: 20.05.2015).

³² Arts, research, innovations and society / Ed. by G. Bast, E. Carayannis, D. Campbell. Cham, 2015.

в нее работа вдруг обретает статус “жемчужины”, она получает соответствующее обращение, вплоть до самых мелких пространственных перемещений: ее перевешивают на лучшее место, если коллекция открыта для публики, или же переносят в сейф, специальный консервационный кейс, реставрируют в первую очередь и т.д.

Можно сказать, что сами эти манипуляции агентов относительно в той или иной мере материального объекта помогают произведению обрести его собственную ценность, дистанцированную от автора, хотя и не совершенно самостоятельную. Каждое новое произведение, выставка, продажа или резонансное событие, происходящее с художником, влияет на восприятие и оценку его работ, их позиции по сравнению с работами других авторов того же периода, стиля или школы. Таким образом, художник и его работы взаимно связаны, однако связь эта отличается по своему характеру в каждом из направлений.

Так, для действующего художника физическая потеря или порча работы представляет собой неприятную ситуацию, которая, тем не менее, никак не сказывается на его символической власти как производителя значений в поле. Инкорпорированная и институционализированная формы капитала не страдают; это практически не оказывает влияния и на объект-позиции оставшихся работ. В то же время смерть художника оказывает заметный эффект на все без исключения его работы. Германские ученые получили эмпирическое подтверждение существования “эффекта смерти” (“death effect”), который проявляется в изменении цены на произведения художника сразу после его смерти³³. Направление и размер эффекта зависит от возраста художника в момент смерти. Если художник умирает молодым, то цена на его работы обычно падает. Это происходит из-за сложности конструирования хорошей репутации и авторитета в поле производства искусства. Если молодого художника признали талантливым, т.е. способным занять приоритетную позицию в поле символического производства и, соответственно, стать высокооплачиваемым автором на рынке изобразительного искусства, то его инвестиционная привлекательность выше и его работы покупают по более высокой средней цене. Когда же такой художник умирает до момента достижения позиции, которая отвечала бы ожидаемому качеству его работ, то надежды коллекционеров на владение предметом, который в будущем будет иметь большую культурную ценность, не оправдываются, поэтому цена на такие работы падает. Эта связь ослабевает с ростом значения пере-

³³ Ursprung H.W., Wiermann Chr. Reputation, price and death: an empirical analysis of art price formation // *Economic Inquiry*. 2011. Vol. 49. Iss. 3. P. 697–715.

менной “возраст художника в момент смерти”. Более того, цена на работы художников, которые умирают в преклонном возрасте, получив заслуженное признание, растет в силу естественного дефицита. Для известного художника “эффект смерти” имеет большую величину, в то время как для малоизвестного художника колебания незначительны. Выходит, условная “общая ценность” работ фокусируется в самом художнике как агенте, конкурирующем за признание и создающем новые работы в соответствии со своей позицией в поле и габитусом.

Существует ряд “внешних” факторов, которые так или иначе продвигают того или иного автора или работу в маркетинговом смысле, напоминают о нем потенциальным зрителям и покупателям. Это происходит не только с ныне живущими, но и со старыми мастерами: выставки к годовщинам рождения обычно сопровождаются критическими статьями и публикациями в прессе, которые реактуализируют искусство прошлого; кино и беллетристика способны создать или поддержать интерес к искусству конкретного художника (“Афера Томаса Крауна”, “Код да Винчи”), стиля или эпохи. Даже если художнику не известна точная траектория работы и ее местонахождение в данный момент, то ее удачная перепродажа (подразумевающая перемещение в физическом пространстве в сторону центра) меняет его позицию в поле. Произведение, созданное в определенный момент творческой биографии, следовательно, с учетом эстетических, философских, собственно художественных идей и концепций, опосредующих творчество художника на момент создания, в дальнейшем функционирует как отдаленная в физическом пространстве, но неотрывная в социальном, объективация его культурного капитала в конкретный момент времени.

Если речь идет о произведении искусства, которое не обладает собственной физической материальностью — например, о перформансе, — то, на первый взгляд, произведение в этом случае предстает как инкорпорированный капитал агента, неотделимый от него самого. Видео и аудиозапись, с точки зрения компетентной публики, сохраняет лишь бледное подобие оригинального действия; впрочем, и это подобие может служить той формой, в которой капитал художника будет объективирован и конвертирован в экономический. Естественно, в случае приобретения музеем такого произведения автор лишается права демонстрировать эту свою работу без особого на то разрешения. Даже в случае буквального воспроизведения его перформанс может быть воспринят как: 1) новое произведение; 2) реплика, не претендующая на объект-позицию оригинала; 3) развлечение, не имеющее отношения к полю искусства. Закрепление права собственности на уникальное произведе-

ние, юридически существующее в единственном экземпляре, даже если фактически это не так, обеспечивает безопасность капиталов обладателей символической власти и укрепляет фундамент существования поля — дефицитность капитала.

Таким образом, произведение искусства, с нашей точки зрения, можно трактовать как ставку агента-художника в символической игре в поле искусства. Выигрыш этой ставки (включающий изменение позиции объекта в сопоставлении с другими объектами) возможен в том случае, если художник верно предусмотрел будущие тренды поля в момент создания и/или передачи произведения вторичному владельцу. Условиями такого понимания являются временное повышение позиции, позволяющее “заглянуть за горизонт”, очерченный собственным габитусом, целенаправленная работа агентов поля, а наиболее значимым — развитое “чувство игры”. Здесь время как фактор признания может быть раскрыто одновременно в трех плоскостях: 1) как затрачиваемый для создания и продвижения произведения ресурс, 2) как субъективная непрерывность, позволяющая характеризовать черты творческой манеры, 3) как объективная структура, связанная с властью номинации и переопределением границ дозволенного и приличествующего (в первую очередь, с “требованиями времени”, выдвигаемыми к произведению). Верно, что агенты, обладающие символической властью, склонны к производству таких различий, которые позволят им удержать свои привилегированные позиции. Однако в случае абсолютной закрытости этих позиций властные отношения в поле между этими агентами и всеми остальными оказались бы открыто определенными, поле потеряло бы интенцию и ресурс развития. Поэтому символическая борьба принимает характер игры, а в силу этого принятия позволяет некоторому количеству агентов радикально менять позицию в том случае, если их произведение-ставка, повинаясь случайности, окажется соответствующим тому принципу действия, который нормативно выигрышен.

Основой существования поля является определение ставок и специфических интересов символической игры в нем, которые не могут сводиться к ставкам и интересам других полей. Автономия поля существует благодаря определению ценности, которая, даже не будучи открыто артикулированной, находит выражение и (пере)утверждается в практиках агентов³⁴. Например, для поля науки такой высшей ценностью является особым образом доказанная и сформулированная истина, которая является целью деятельности

³⁴ *Фархатдинов Н.* Автономия живописи: от поля художественного произведения к раме картины // Социологическое обозрение. 2010. № 2. Т. 9.

любого ученого. Для поля экономики такой ставкой является максимизация прибыли, полученной социально легитимированным образом, в рамках определенных правил и ограничений. Выделение такой ценности для поля искусства из практик агентов представляется достаточно сложным, ведь агенты, которые создают искусство, создают его максимально разным, считая положительной характеристикой новизну, непохожесть и уникальность. Художники пытаются достичь максимального своеобразия в своей деятельности. Однако уникальность сама по себе не является ценностью, которая не может быть сведена к ценности любого другого поля, поскольку так же, как и новизна, она слишком абстрактна, чтобы обеспечить его автономию. Вместе с тем, каждый художник находится в рамках определенного культурного дискурса и художественной традиции, которые задают специфику используемого им набора выразительных средств и инструментов. Однако одно только приумножение образцов определенного стиля или, наоборот, изображение резонансных событий также не является осевой ценностью художественного поля.

Последовательно исключив весь спектр индивидуальных черт, характерных для творчества тех или иных художников или группировок, можем назвать автономизирующей ценностью поля производства изобразительного искусства саму эту субъективность. Определенное произведение искусства является объективацией габитуса агента-художника, инкорпорированных им представлений о сущности искусства, содержание труда художника и т.д.; успешное социальное утверждение персонального взгляда, личного ответа на вопрос “Что есть искусство?” делает конкретного художника известным. Это соответствует и упомянутым выше выкладкам Н. Лумана и Б. Гройса, и одному из основных принципов функционирования полей, выделенных П. Бурдьё, по которому автономия поля и его структура воспроизводятся в практиках агентов³⁵. Но в основе символической власти в поле искусства лежит сам акт утверждения-высказывания субъективной творческой свободы, который достаточно просто и полно выражен фразой “Я так вижу”, которая, таким образом, является перформативным высказыванием. С такой точки зрения для агентов-посредников приобретение произведений и владение ими являются попыткой одновременно предугадать и обеспечить определенным произведениям меру достаточной для выигрыша символической власти.

³⁵ Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.

Индивидуальный выбор художником ответа на вопрос “Что есть искусство?” создает объект, в котором этот выбор воплощен; индивидуальный выбор посредника (критика, куратора, дилера, коллекционера) стремится утвердить понимание созданного объекта как “настоящего искусства”. Развивающаяся манера и перемены в нормативном ядре поля — вот те внешние и внутренние факторы, которые опосредуют попытку смены позиции агента-художника, принимаемую им посредством создания объекта. Процессы в поле выглядят как имеющие характер случайности для отдельно взятого агента, однако его ставка в каждый момент ее осуществления (производства) опосредуется его представлениями о наличном положении в поле и дальнейших тенденциях перераспределения капитала (“чувство игры”). Эта ставка дистанцирована во времени и пространстве от момента и места выигрыша. Корпус произведений может быть понят как внеобъектное социально маркированное целое, структурированное эволюцией художественной манеры автора и одновременно структурирующее его претензии на изменение позиции в поле. Произведение искусства, выигрывающее в символической игре в данный момент и занимающее, таким образом, близкое к центру место, не только вытесняет с этого места другие объекты, но и отодвигает их во времени от момента выигрыша, так как отныне принимает участие в переопределении границ поля и позиций в нем, обозначая эти позиции и границы, в том числе своим существованием и присутствием.

Предпринятая в этой статье попытка расширить рамки охвата теории полей П. Бурдье посредством включения в нее (материальных) объектов, безусловно, требует дальнейшего теоретического и эмпирического уточнения. Проведенный анализ поля искусства позволяет, однако, признать, что такой подход имеет значительный эвристический потенциал, позволяет прояснить механизмы осуществления символической игры и смены позиции агентов в поле. Поэтому мы надеемся, что предложенное нами расширение теории найдет свое продолжение в дальнейших исследованиях, в частности, может быть аналогичным образом применено к другим полям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Автономов Ю. Взгляд на искусство через призму экономической теории // Неприкосновенный запас. 2003. № 6 (32).

Белькевич Д. Олег Тистол — Рубрика “Арт-Каток, или Цифрами по творческому самолюбию” // Art Ukraine. 2014.02.04. URL: <http://artukraine.com.ua/a/art-katok-ili-ciframi-po-tvorcheskomu-samolyubiyu-oleg-tistol-/#.V7cmnlulTMw> (дата обращения: 05.08.2016).

Бурдье П. Социология социального пространства / Отв. ред. Н.А. Шматко. М.; СПб., 2007.

Бурдьє П. Рынок символической продукции // Социологическое пространство Пьера Бурдьє. URL: <http://bourdieu.name/content/chast-pervaja> (дата обращения: 26.11.2014).

Вынесен приговор осквернителю писсуара Марселя Дюшана (25.01.2006). URL: <http://www.newsru.com/cinema/25jan2006/urinal.html> (дата обращения: 13.08.2016).

Гройс Б. Что такое современное искусство // Митин журнал. 1997. Вып. 54.

Долгин А. Прагматика культуры // Логос. 2002. № 2. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/06.htm (дата обращения: 20.05.2015).

Калашиникова А.А. Профессионализм в практиках искусства: социологическое измерение // Методологія, теорія та практика аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. Вип. 17. Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011.

Калашинікова А.О. Приватна художня галерея: мистецтво на продаж (?) // Методологія, теорія та практика аналізу сучасного суспільства: збірник наукових праць. 2014. Вип. 19. Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна.

Калашинікова А.О. Ринок образотворчого мистецтва: соціальні чинники становлення і розвитку в сучасному українському суспільстві: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Харків, 2016.

Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери // Социология вещей: Сб. ст. / Под ред. В. Вахштайна. М., 2006.

Социоанализ Пьера Бурдьє: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.; СПб., 2001.

Уайт Х., Уайт С. Холсты и карьеры / Общ. ред. и вступ. ст. М.Л. Магидович. СПб., 2000.

Фархатдинов Н. Автономия живописи: от поля художественного произведения к раме картины // Социологическое обозрение. 2010. № 2. Т. 9.

REFERENCES

Avtonomov Y. Vzgljad na iskusstvo cherez prizmu jekonomicheskoy teorii // Neprikosnovennyj zapas. 2003. N 6 (32) (in Russian).

Arts, research, innovations and society / Ed. by G. Bast, E. Carayannis, D. Campbell. Cham, 2015.

Beckert J., Rössel J. The price of art // European Societies. 2013. Vol. 15. N 2.

Buy Art Gallery — URL: http://buyart.gallery/artists/oleg_tistol (assessed: 02.07.2016).

Bel'kevich D. Oleg Tistol — Rubrika "Art-Katok, ili Ciframi po tvorcheskomu samoljubiju" // Art Ukraine. 2014.02.04. URL: <http://artukraine.com.ua/a/art-katok-ili-ciframi-po-tvorcheskomu-samolyubiyu-oleg-tistol-/#.V7cmnluLTMw> (assessed: 05.08.2016) (in Russian).

Bourdieu P. Sociologija social'nogo prostranstva / Otv. red. N.A. Shmatko. M.; SPb., 2007 (in Russian).

Bourdie P. Rynok simvolicheskoy produkcii // Sociologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e. URL: <http://bourdieu.name/content/chast-pervaja> (assessed: 26.11.2014) (in Russian).

Danko D. Nathalie Heinich's sociology of art – and sociology from art // *Cultural Sociology*. 2008. N 2 (2).

De La Fuente E. The new sociology of art': putting art back into social science approaches to the arts // *Cultural Sociology*. 2007. Vol. 1. N 3.

DiMaggio P., Mukhtar T. Arts participation as cultural capital in the United States, 1982–2002: signs of decline? // *Poetics*. 2004. N 32.

Dolgin A. Pragmatika kul'tury // *Logos*. 2002. N 2. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/06.htm (assessed: 20.05.2015) (in Russian).

Eyerman R., Ring M. Towards a new sociology of art worlds: bringing meaning back in // *Acta Sociologica*. 1998. Vol. 41.

Farhatdinov N. Avtonomija zhivopisi: ot polja hudozhestvennogo proizvedenija k rame kartiny // *Sociologicheskoe obozrenie*. 2010. N 2. T. 9 (in Russian).

Grojs B. Chto takoe sovremennoe iskusstvo // *Mitin zhurnal*. 1997. Vol. 54 (in Russian).

Howard S., Mundy J. Marcel Duchamp, Fontain 1917, replica 1964 – Summary. URL: <http://www.tate.org.uk/art/artworks/duchamp-fountain-t07573> (assessed: 16.07.2016).

Kalashnykova A.A. Professionalizm v praktikah iskusstva: sociologicheskoe izmerenie // *Metodologija, teorija ta praktyka analizu suchasnogo suspil'stva: zbirnyk naukovykh prac'*. Vyp. 17. Harkiv, 2011 (in Russian).

Kalashnikova A.O. Pryvatna hudozhnja galereja: mystectvo na prodazh (?) // *Metodologija, teorija ta praktyka analizu suchasnogo suspil'stva: zbirnyk naukovykh prac'*. Vol. 19. Harkiv, 2013 (in Ukrainian).

Kalashnikova A.O. Rynok obrazotvorchogo mystectva: social'ni chynnyky stanovlennja i rozvytku v suchasnomu ukrai'ns'komu suspil'stvi: Avtoref. dyss. ... kand. sociol. nauk. Harkiv, 2016 (in Ukrainian).

Latur B. Gde nedostajushhaja massa? Socyologija odnoždvery / Socyologija veshhej: Sb. St. / Pod red. V. Vahshtajna. M., 2006 (in Russian).

Luhmann N., Roberts D. The work of art and the self-reproduction of art // *Thesis Eleven*. 1985. T. 12. N 1.

Rubio F.D., Silva E.B. Materials in the field: object-trajectories and object-positions in the field of contemporary art // *Cultural Sociology*. 2013. N 7 (2).

Socioanaliz P'era Burd'e: Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk. M.; SPb., 2001 (in Russian).

Tanner J. Michael Baxandall and the sociological interpretation of art // *Cultural Sociology*. 2010. N 4 (2).

The grand totals: exhibition and museum attendance numbers worldwide // *The Art Newspaper*. Special Report. International Edition. 2015. Apr. N 278. URL: http://www.museus.gov.br/wp-content/uploads/2015/04/TheArtNewspaper_Ranking2014.pdf (accessed: 28.05.2015).

Uajt H., Uajt S. Holsty i kar'ery / Obshh. red. i vstup. st. M.L. Magidovich. SPb., 2000 (in Russian).

Ursprung H.W., Wiermann Chr. Reputation, price and death: an empirical analysis of art price formation // *Economic Inquiry*. 2011. Vol. 49. N 3.

Veltius O. Symbolic meanings of prices: constructing the value of contemporary art in Amsterdam and New York galleries // *Theory and Society*. 2003. Vol. 32.

Vynesen prigovor oskvernitelju pissuara Marselja Djushana (25.01.2006). URL: <http://www.newsru.com/cinema/25jan2006/urinal.html> (assessed: 13.08.2016) (in Russian).

Е.В. Сальников, докт. философ. наук, доц., начальник кафедры социально-философских дисциплин Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова*

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СПИСОК ЭКСТРЕМИСТСКИХ МАТЕРИАЛОВ КАК ПОРОЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ “FAN-FICTION”

Salnikov Evgeniy Vyacheslavovich, PhD (philosophy), associate professor, chief of chair of social-philosophical disciplines at the Orel Law Institute of the Ministerium of Interior name V.V. Lukyanov, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

THE FEDERAL LIST OF EXTREMIST MATERIALS AS A CULTURAL ARTEFACT “FAN-FICTION”

В статье предлагается анализ проблемы противодействия распространению экстремистских материалов. По мнению автора, сугубо юридическая трактовка Федерального списка экстремистских материалов игнорирует проблему природы экстремистских материалов и вопрос о границах применимости данного понятия. В результате экстремистские материалы могут пониматься как фантом, определяемый в рамках борьбы власти со своими политическими противниками. Преодоление этой негативной трактовки возможно путем интерпретации экстремистских материалов в контексте практик запрета текстов, имевших место в обществе на иных исторических этапах. Качественное отличие экстремистских материалов от иных форм цензуры задается культурой постмодерна, в которой происходит трансформация концепта автора текста вплоть до полного его исчезновения. Воплощением этого выступает культура fan-fiction – свободного сообщества лиц, которые в своих литературных произведениях – фанфиках – развивают, изменяют или перерабатывают некую исходную идею, воплощенную в книге, фильме, компьютерной игре. Автор предлагает трактовку экстремистских материалов как фанфикшин объекта, где список экстремистских материалов задает границы поля экстремистской идеи, выступая маркером ограничения пространства творческого порождения информационных материалов в мире массовой культуры.

Ключевые слова: экстремизм, фанфик, экстремистские материалы, культура fan-fiction, постмодерн, Федеральный список экстремистских материалов, автор, текст.

The article suggests the analysis of problem of counteraction to distribution of extremist materials. According to the author, a strictly legal interpretation of the Federal list of extremist materials ignores the problem of the nature of extremist materials and the question of the applicability of this concept. As a result

* Сальников Евгений Вячеславович, e-mail: esalnikov2005@yandex.ru

extremist materials can be understood as phantom, determined by fight the power with its political opponents. Overcoming this negative interpretation is possible through the interpretation of extremist materials in the context of the practices of the prohibition of texts that took place in society at different historical stages. Qualitative difference of extremist materials from other forms of censorship sets a postmodern culture in which there is a transformation of the concept of the author of the text up until his disappearance. This is the epitome of cultures fan-fiction — free community of persons who in their literary works — fanfiction — develop, modify or refine some of the original idea, embodied in a book, film, computer game. The author offers the interpretation of extremist materials as of fanfics object, where the list of extremist materials sets the boundaries of the field of extremist ideas, acting as a marker of the space limitation of the creative generation of information in the world of mass culture.

Keywords: *extremism, fanfic, extremist materials, the culture of fan-fiction, postmodernism, Federal list of extremist materials, author, text.*

Противодействие производству и распространению экстремистских материалов с полным основанием относится к числу наиболее значимых элементов общей системы борьбы с экстремизмом в России. В этом направлении наблюдается активность как практических работников органов внутренних дел и прокуратуры, непосредственно пресекающих или принимающих превентивные меры, судей, выносящих решения о признании экстремистского характера материалов, так и научного сообщества, представители которого обращаются к научному осмыслению и теоретической характеристике самих экстремистских материалов и мер противодействия им.

Несмотря на повышенное внимание к данной разновидности противоправной деятельности, объемы экстремистских материалов, фиксируемых в информационном пространстве российского общества, демонстрируют стабильную тенденцию к росту. Так, с июля 2007 г., когда в силу вступили первые судебные решения о признании материалов экстремистскими, Федеральный список экстремистских материалов разросся по состоянию на 21 октября 2015 г. до 3113 наименований и, без сомнения, продолжит увеличиваться. При этом активная практика признания материалов экстремистскими не привела к уменьшению их объемов. Наблюдается прямо противоположная тенденция. За шесть месяцев 2007 г. в Федеральный список были внесены всего 79 материалов, за весь 2008 г. — 222. Спустя шесть лет в 2014 г. в Федеральный список экстремистских материалов было внесено почти в два раза больше — 381 материал (позиции списка с 2180 до 2561), а только за десять месяцев 2015 г. количество материалов, признанных экстремистскими составило 552¹.

¹ Данные приводятся по материалам ежегодных докладов информационно-аналитического центра СОВА за 2007–2015 гг. URL: <http://www.sova-center.ru/misuse/>

Активная практика признания материалов экстремистскими не оказала серьезного положительного влияния на общий уровень экстремистской деятельности в России. Из того факта, что фиксация экстремистского характера материалов является обязательной составляющей доказательственной базы по экстремистским делам, не следует эффективность самого Федерального списка экстремистских материалов и практик противодействия им. Тем более, что и в рамках общеуголовной борьбы с экстремизмом также наблюдается рост показателей привлечения лиц к уголовной ответственности, а география и количественный состав приверженцев экстремизма продолжают расширяться. В результате специалисты вынуждены признать, что принимаемые меры “зачастую оказываются неэффективными, экстремистские материалы по-прежнему остаются доступными, их распространение приводит к совершению экстремистских преступлений”².

При этом сотрудники правоохранительных органов, инициирующие рассмотрение вопроса о признании конкретных материалов экстремистскими, а еще в большей мере эксперты, анализирующие тексты на предмет наличия в них признаков экстремизма, подвергаются жесткой критике. В смысловом отношении центральным элементом этой критики является положение о том, что понятие экстремистских материалов размыто, что позволяет экспертам и сотрудникам правоохранительных органов “подвести по экстремизм” практически любой текст. Как справедливо отмечает Л.Г. Фишман, “сложилась ситуация, когда подозреваемый может быть произвольно обвинен в экстремизме на основе чуть ли не любого хранящегося у него материала, а обвинители, в свою очередь, рискуют оказаться в смешном положении по причине того, что их аргументация явно притянута за уши”³. Ярким примером, иллюстрирующим это, явился процесс по признанию “Бхагват-гиты” экстремистским материалом⁴.

Дополнительной критике подвергается то обстоятельство, что Федеральный список экстремистских материалов содержит лишь

docs/ (дата обращения: 05.10.2016), а также на основе самостоятельного анализа автором Федерального списка экстремистских материалов (URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value= (дата обращения: 05.10.2016)).

² Лапунин М.М., Гордеев Н.С. Противодействие распространению экстремистских материалов религиозного содержания: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 1 (18). С. 67.

³ Фишман Л.Г. Об экстремистской литературе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2008. Вып. 8. С. 374.

⁴ Тимошук А.С., Филькин К.Н. Казус суда над Бхагават-Гитой Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24). С. 178–184.

наименования данных материалов, что если не полностью исключает, то во всяком случае существенно затрудняет их использование за пределами конкретного дела. Помимо этого, подобный подход оставляет открытой возможность “реинкарнации” тех же материалов, но под другим наименованием. Как подчеркивают юристы, “практическая польза от существования такого списка вызывает все большее сомнение. <...> В федеральном списке экстремистских материалов немало примеров того, как описание этих материалов не позволяет их идентифицировать с целью пресечения дальнейшего распространения (название файла, цвет и серийный номер компакт-диска и т.п.)”⁵.

Научное осмысление данного вопроса также не может быть признано всесторонним. Подавляющее большинство исследователей сфокусировались на анализе вопросов проведения экспертизы на признание материалов экстремистскими, тогда как сама природа и сущностные характеристики экстремистских материалов должного внимания не получили⁶.

Речь идет не об уточнении существующей юридической дефиниции, а об экстремистском материале как феномене социального бытия, проблематичность которого порождена целым рядом факторов. В их числе следует отметить, во-первых, крайнюю неоднородность материалов, отнесенных к числу экстремистских. По состоянию на октябрь 2015 г. в Федеральном списке представлены книги, имеющие наименование и автора, печатные материалы и тексты, авторство которых как определено, так и не определено, листовки, песни и тексты песен, музыкальные альбомы, фильмы, отдельные видеофрагменты, диски с текстовыми, аудио и видео-файлами, информация, размещенная в интернете, в том числе на отдельных сайтах, а также на страницах тем в форумах и социальных сетях, фотографии. В результате возникают сомнения в том, имеют ли экстремистские материалы собственную природу и насколько они оправданы вне расследования обстоятельств конкретного противоправного деяния экстремистской направленности.

⁵ Савинов Л.В., Дорожнинская Е.А., Сигарев А.В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 213.

⁶ См., например: Бердников Д.В. Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36). С. 10–15; Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2. С. 18–22; Султанов А.Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11. С. 5–13.

Во-вторых, существует некоторая неопределенность в отношении границ применимости понятия “экстремистские материалы”. Ярким примером этого может служить решение суда Южно-Сахалинска от 12.08.2015 г., признавшего экстремистской книгу “Мольба (дуа) к богу: ее назначение и место в Исламе”, в отношении которого Президент Чеченской республики Р. Кадыров, а также ряд других официальных лиц подали апелляции. Следствием этой дискуссии стал внесенный в Государственную Думу РФ законопроект о запрете на признание экстремистскими священных текстов мировых религий, который в свою очередь также стал предметом оживленных дискуссий. Не пытаясь прийти к какому-либо окончательному итогу в этом сложном вопросе, отметим лишь, что применительно к нашей теме эти споры отчетливо показывают размытость границ того, что может являться экстремистским материалом. Отсюда снова возникает вопрос о самостоятельной природе экстремистского материала.

В этих условиях вполне оправданно может показаться обращение к позиции В.В. Лунеева и ряда других видных специалистов, отрицающих самостоятельную природу экстремизма и трактующих его как феномен, “обобщающий все нежелательные и опасные для государства действия”⁷ и позволяющий власти “расправляться с идеологически неугодными противниками”⁸. С этих позиций экстремистские материалы также предстают фантомным образованием, всецело определяемым борьбой власти со своими политическими противниками.

Пристальный анализ показывает, что такой категоричный вывод будет все же необоснованным. Негативный опыт государств, переживших и переживающих “цветные революции”, противостоящих откровенно деструктивным силам типа ИГИЛ, демонстрирует, что отказ от противодействия экстремизму, в том числе и в рамках борьбы с экстремистскими материалами, представляет собой реальную угрозу самому обществу, а не только власти. В сравнительном соотношении опасности экстремизма для общества на порядок выше опасностей экстремизма для самой власти, а потому рассмотрение данного феномена исключительно в рамках контрпозиции “власть — политические противники” является не только ошибочным, но и способно породить катастрофические последствия.

⁷ Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11. С. 97.

⁸ Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2. С. 32.

Следовательно, мы должны признать, что экстремистские материалы должны иметь самостоятельную природу, сущностные характеристики которой требуют своей экспликации. При этом есть все основания полагать, что качественное своеобразие феномена экстремистских материалов задается особенностями социального бытия современной цивилизации. Речь идет об изменении характера информации, способа ее передачи и ее носителей, произошедшем в мире постиндустриального общества.

По своей сути, экстремистский материал есть некая информация, на распространение и производство которой накладываются ограничения. В этом смысле история человеческой цивилизации знает немало аналогов экстремистским материалам в той или иной форме цензуры. Речь в данном случае идет об “Индексе запрещенных книг” Римской католической церкви, законе Комстока, тесте Хиклина и ряде других форм цензуры, имевших место практически во всех культурах.

Вне зависимости от конкретных оснований для запрета во всех случаях помимо Федерального списка экстремистских материалов речь шла о двояких санкциях — наказании для автора и наказании для распространителя. Основанием для двойственного характера санкций служило то, что объектом запрета всегда являлся информационный материал, представлявший собой некий законченный, целостный как в информационном — духовном, так и в материальном — печатном виде. На основе некоего идейного основания — по причине наличия неких “вредных”, недопустимых с точки зрения цензоров идей — запрещалась конкретная книга конкретного автора, конкретный фильм или конкретное музыкальное произведение (например, запрет танго).

Правоприменительная ситуация здесь предполагает лицо X, создавшее произведение Y, лицо Z, распространяющее произведение Y (например, издатель или почтовый служащий) и лицо W, читающее произведение Y. При этом лица W и Z знают или обязаны знать о том, что Y внесено в список запрещенных книг. Отсутствие произведения Y в Списке запрещенных книг исключало ответственность как X, так W и Z. Это требовало жесткого деления всех создаваемых информационных материалов исходно на допустимые и запрещенные, что и осуществлялось цензорами, дававшими право на публикацию.

При невозможности цензуры на этапе издания институт цензора мог вводиться на этапе распространения, как это было в XIX в. в США в рамках действия закона Комстока. В любом случае информационный материал был в Списке до действия распростра-

нителя Z и читателя W и задавал основания для привлечения к ответственности автора Y.

В современной правоприменительной ситуации речь идет не столько о произведении, сколько о некоем информационном материале. В судебном порядке этот материал квалифицируется как экстремистский, но данное решение зачастую вообще не затрагивает автора. В значительном количестве случаев автор (лицо X) данного информационного материала неизвестен, но установления авторства, как правило, и не требуется. Объектом санкций является не автор материала, а лицо, создающее ситуацию общедоступности данного материала путем его издания, размещения в интернете и т.п. Это лицо V, которое хотя и может совпадать с автором, но не тождественно ему по самой сути.

Лицо V не тождественно и второму объекту санкционного воздействия, упомянутому выше, — распространителю Z. Распространитель Z — это лицо, которое в силу своих должностных полномочий обладает способностью распространить некий информационный материал. Его привлечение к ответственности как раз и основывалось на неправомерном использовании служебного положения.

В наши дни такой подход сохраняется применительно к печатным СМИ, где редакция газеты (журнала) несет ответственность за размещаемые материалы, но эти материалы, как правило, в Федеральный список экстремистских материалов не вносятся. В случаях же когда информационные материалы размещаются в интернете или издаются, речь идет об ответственности не провайдера или издательства, но лица, разместившего, растиражировавшего или предоставившего для тиражирования материал. Отметим, что в последнее время наблюдаются попытки привлечь к ответственности провайдера, но опять же не за уже запрещенный материал, а за распространение тех идей, наличие которых лишь докажут в ходе судебного разбирательства. Однако же как правило, провайдер или издательство, т.е. лицо Z, к ответственности не привлекаются.

Внимания заслуживает также трансформация временного параметра. На момент своего размещения информационный материал Z может быть (в большинстве случаев так и происходит) не включен в Федеральный список экстремистских материалов. Лицо V привлекается к ответственности за размещение материалов Y, признаваемых экстремистскими уже после, а не до действий как лица V, так и автора X. Здесь отмечается обратная последовательность, чем это было ранее.

Таким образом, Федеральный список экстремистских материалов обнаруживает достаточно примечательные трансформации в отношении объекта юридической ответственности. Ответственность

направлена не столько на автора или на распространителя, сколько на лицо, размещающее материал, — нового, по своей сути, объекта ответственности. Представляется, что эта новация не случайна, не представляет собой результат неполноценности правовой нормы или ее применения, но отражает сущностные трансформации, произошедшие в современном мире с прежними объектами юридической ответственности — распространителем и автором.

Современный мир представляет собой постиндустриальное общество, сущностной характеристикой которого является изменение роли и места информации, а также способов ее передачи. В этом мире информация представляет собой наивысшую ценность, что порождает бесконечное многообразие способов ее передачи в современных телекоммуникационных системах. Интернет превратил мир в “глобальную деревню” (М. Маклюэн), в которой реальный почтальон или провайдер не распространяет информацию, но лишь создает для этого условия. Распространителем являются все и никто, и в этом смысле каждый пользователь становится распространителем.

При этом характерной чертой постиндустриального общества выступает формирование и последующее господство массовой культуры. В этом отношении экстремистские материалы представляют собой часть именно массовой культуры. Они не элитарны, но, напротив, обращены к неограниченному кругу лиц, предназначены для перманентного потребления массой.

В этой связи следует подчеркнуть то важное обстоятельство, что массовая культура сущностно трансформирует фигуру автора. Как отмечает М.А. Черняк, «понятие “автор” в массовой литературе не только меняет свою “онтологическую” природу, но и предельно точно отвечает социокультурным требованиям времени»⁹. Подвергнув фигуру автора пристальному анализу, выдающийся французский мыслитель М. Фуко приходит к выводу об исчезновении автора в мире массовой культуры, где “речь будет круговращаться без малейшей нужды в авторе <...>, во всеобъемлющей анонимности”¹⁰. В современном мире массовой культуры единого конкретного автора замещают множество потребителей, которые выступают соавторами единого информационного текста.

Воплощение подобных тенденций можно наблюдать практически во всех областях творчества постиндустриального общества, в ко-

⁹ Черняк М.А. Категория “автора” в массовой литературе // Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005. С. 178.

¹⁰ Фуко М. Что такое автор. URL: http://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html (дата обращения: 30.10.2015).

тором картина может писаться путем оставления отдельных мазков различными людьми в ходе путешествия. Сериалы не имеют единого автора, но создаются коллективом, учитывающим рейтинги популярности героев, т.е. сериал создают сами зрители. Еще в большей степени размытое авторство приложимо к реалисти-шоу.

Наивысшее выражение исчезновения автора приобретает в современной литературе, в рамках которой самостоятельное и полноценное оформление получила культура fan-fiction или фанфик-культура. Под культурой fan-fiction понимается свободное сообщество лиц, которые в своих литературных произведениях — фанфиках — развивают, изменяют или перерабатывают некую исходную идею, воплощенную в книге, фильме, компьютерной игре и т.п. Сообщества авторов, разрабатывающих одну тему, именуются “фандомами”.

В качестве примера можно привести фандом Гарри Поттера, охватывающий все возможные фанфики на тему Поттерианы. Это могут быть продолжения “Гарри Поттера”, описание событий, предваряющих повествование книги Д. Роулинг, произведения, описывающие события жизни второстепенных персонажей “Гарри Поттера”, и т.п.

При этом создаваемые вариации на тему исходного произведения могут как сохранять сюжетные линии персонажей (на языке fan-fiction — канон), так и изменять их вплоть до прямо противоположных. Фанфик может быть как законченным, так и неоконченным, при этом вполне возможна ситуация, когда фанфик, начатый одним пользователем, будет продолжен другим, а закончен третьим.

В этой ситуации классический автор растворяется. Д. Роулинг перестает быть автором Поттерианы, им становятся сами пользователи, т.е. все и никто. В культуре fan-fiction есть лишь исходная идея и ее развитие, которое предлагается пользователем — автором, осуществляющим распространение фанфика — вариации на тему.

Представляется, что подобная ситуация максимально точно объясняет то, что мы имеем в Федеральном списке экстремистских материалов. В рамках культуры fan-fiction его с полным правом можно назвать фандомом, в котором фанфики создаются “по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы”. Экстремистская идея — это исходный смысловой фрагмент, дописываемый, обыгрываемый в видео и аудио-фрагментах. Эти фрагменты могут представлять законченным текстом или только комментариями, картинками, слоганами и т.п., они могут предлагать каноническое прочтение экстремистской идеи или ее неординарные модифика-

ции. Сущность остается неизменной — развитие исходной идеи, наличие фандома — мира экстремизма.

В этом случае мы, во-первых, действительно не можем говорить об ответственности некоего единого автора и о необходимости обнаружения и фиксации подлинного прародителя текста. Достаточно самого пользователя, размещающего фанфик — экстремистский материал. Именно он и будет являться автором, одновременно не являясь им в собственном смысле слова. Иначе говоря, хотя одним из авторов классического расизма является Ж. де Гобино, пользователь интернета, иллюстрирующий свой комментарий его расистскими идеями, является в большей мере автором, чем Гобино, ибо это он, а не Гобино, выкладывает свой фанфик, размещает информационный материал на тему.

Во-вторых, понимание Федерального списка экстремистских материалов как порождения культуры fan-fiction позволяет уточнить вопрос ответственности должностных лиц, предоставляющих саму услугу (применительно к интернету — провайдера). Сообщество fan-fiction представлено на целом ряде интернет-сайтов, администрация которых задает структуру и маркирует фанфики определенным образом, так чтобы пользователь получал информацию об особенностях тех или иных информационных материалов. Так, маркируются материалы для лиц разного возраста, отмечаются материалы различной половой ориентации. Вне этого пользователь рисковал бы обратиться к фанфикам, содержащим вредную для него информацию. Но за сами материалы сайт ответственности не несет. Равным образом и современные провайдеры в той мере, в какой интернет предстает единым информационным полем для фандома экстремистской идеи, несут ответственность не за сами идеи, но за отсутствие упорядоченности, отсутствие указания на запрет подобного.

В-третьих, исключительно через понимание Федерального списка экстремистских материалов как порождения культуры fan-fiction можно объяснить временное искажение. Размещая свой информационный материал как фанфик, лицо уже имеет представление об исходной идее, понимает ее и развивает ее. Наше лицо V — это пользователь, но он не находится в ситуации неведения собственного выражения экстремистской идеи на момент размещения информационного материала (публикации фанфика). Он уже внутри фандома, что и подтверждается его со-творчеством, его принятием первичной идеи, предусматривающей абсолютно адекватную по своему смыслу ответственность. Именно поэтому признание фанфика экстремистским материалом и будет вторичным по отношению

к его размещению. Первичную ответственность задает нахождение в самом фандоме — принятие экстремизма.

Таким образом, в силу того, что федеральный список экстремистских материалов имеет своим предметом информационные материалы, он по своим сущностным характеристикам соотнобразуется с особенностями их существования в постиндустриальном обществе и представляет собой порождение культуры fan-fiction. Отмечаемая исследователями и практиками низкая степень его применимости в рамках противодействия экстремизму, разноплановость включаемых в него материалов и особенности объекта юридической ответственности представляют собой не недостатки Списка, а выражение его сущностных характеристик как феномена культуры fan-fiction. Отсюда его основное значение задается тем, что Список задает границы поля фандома экстремистской идеи, выступая маркером ограничения определенного пространства творческого порождения информационных материалов в мире массовой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина Ю.В. Жанровые особенности фанатской прозы (на примере фанфикшена по творчеству братьев Стругацких) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 13.

Бердников Д.В. Психологическое исследование экстремистского текста: теоретические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2014. № 4 (36).

Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11.

Денисова А.И. Фанфикшн, как субкультура и феномен массовой литературы // Аналитика культурологии. 2012. № 24.

Ефимова Н.И. Вербальное творчество и ценности фандома “поттер”: от фанфикшн к демотиватору // Языки. Культуры. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. 2015. Т. 1. № 1.

Зольникова Ю. Фанфик и оригинал: сопоставительный анализ // Сопоставительные исследования. М., 2016.

Каллистратидис Е.В. Лексические инновации с общим значением “текст” в речевых практиках русскоязычной интернет-субкультуры fan fiction // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28).

Кириллова Н.Б. Концепт постмодерна как явление культурного полифонизма // Приволжский научный вестник. 2013. № 11 (27).

Коробко М.А. Канон и фанон: соотношение авторской и коллективной картин мира в художественном произведении // Языки. Культуры. Этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. 2015. Т. 1. № 1.

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психолингвистическая экспертиза смысловой направленности экстремистских материалов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. № 2.

Лапунин М.М., Гордеев Н.С. Противодействие распространению экстремистских материалов религиозного содержания: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 1 (18).

Ларионова Н.С. Увлечение фанфикшн как форма эскапизма современной молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2011. Т. 8. № 4.

Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2009. № 2.

Попова С.Н. Гипертекстовые характеристики произведений фанфикшн // Вопросы прикладной лингвистики. 2009 (а). № 1.

Попова С.Н. Лингвостилистика фанфикшн. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2009 (б).

Прасолова К.А. Фанфикшн: литературный феномен конца XX — начала XXI века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009.

Савинов Л.В., Дорожинская Е.А., Сигарев А.В. Экспертиза спорных информационных (экстремистских) материалов: методологические и правовые проблемы // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2.

Самутина Н. Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 3.

Солодовников М.В. Цензура как механизм социального контроля: социологический анализ: Дисс. ... канд. социол. наук. М., 2011.

Султанов А.Р. Цензурное прошлое и современная карательная цензура религиозных учений // Адвокат. 2012. № 7.

Султанов А.Р. Признание экстремистским материалом смыслового перевода Корана и вопросы должной правовой процедуры // Адвокат. 2013. № 11.

Тимошенко Е.К. Фанфикшн сообщества поклонников эпопеи о Гарри Поттере как дискурс // Stephanos. 2015. № 6 (14).

Тимощук А.С., Филькин К.Н. Казус суда над Бхагават-Гитой Свами Прабхупады: генезис, анализ, реакция общественности и медиа // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 4 (24).

Фишман Л.Г. Об экстремистской литературе // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2008. Вып. 8.

Фуко М. Что такое автор. URL: http://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html#0 (дата обращения: 30.10.2015).

Черняк М.А. Категория “автора” в массовой литературе // Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005.

Четина Е.М., Ключкова Е.А. Фандомы и фанфики: креативные практики на виртуальных платформах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2015. № 3 (31).

REFERENCES

Antipina Ju.V. Zhanrovye osobennosti fanatskoj prozy (na primere fanfikshena po tvorčestvu brat'ev Strugackih) [Genre peculiarities of fan prose (on the example of fanficcing on the works of the Strugatsky brothers)] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin Chelyabinsk state University]. 2011. N 13 (in Russian).

Berdnikov D.V. Psihologicheskoe issledovanie jekstremistskogo teksta: teoreticheskie aspekty [Psychological study of extremist texts: theoretical aspects] // Teorija i praktika sudebnoj jekspertizy [Theory and practice of forensic examination]. 2014. N 4 (36) (in Russian).

Bogoljubov S.A. Nuzhen li zakon o protivodejstvii političeskomu jekstremizmu? [Do we need the law on counteraction political extremism?] // Advokat [The lawyer]. 2001. N 11 (in Russian).

Chernjak M.A. Kategorija "avtora" v massovoj literature [Category "author" in mass literature] // Fenomen massovoj literatury XX veka [The phenomenon of mass literature of the twentieth century]. SPb., 2005 (in Russian).

Chetina E.M., Kljukova E.A. Fandomy i fanfiki: kreativnye praktiki na virtual'nyh platformah [Fandom and fanfiction: creative practice in virtual platforms] // Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and foreign Philology]. 2015. N 3 (31) (in Russian).

Denisova A.I. Fanfikshn, kak subkul'tura i fenomen massovoj literatury // Analitika kul'turologii. 2012. N 24 (in Russian).

Efimova N.I. Verbal'noe tvorčestvo i cennosti fandoma "potter": ot fanfikshn k demotivatoru [Verbal creativity and values of fandom "Potter" from fanfics to the demotivators] // Jazyki. Kul'tury. Jetnosy. Formirovanie jazykovoju kartiny mira: filologičeskij i metodičeskij aspekty [Languages. Culture. Ethnic groups. The formation of the language picture of the world: philological and methodological aspects]. 2015. T. 1. N 1 (in Russian).

Fanfics as a subculture and the phenomenon of mass literature // Analytics of Cultural Science. 2012. N 24.

Fishman L.G. Ob jekstremistskoj literature [On extremist literature] // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN [Scientific Yearbook of the Institute of philosophy and law, Ural branch of RAS]. 2008. Vyp. 8 (in Russian).

Foucault M. Chto takoe avtor [What is an author]. URL: http://royallib.com/read/fuko_mishel/chto_takoe_avtor.html#0 (data obrashhenija: 30.10.2015) (in Russian).

Kallistratidis E.V. Leksicheskie innovacii s obshhim znacheniem "tekst" v rečevykh praktikah russkojazyčnoj internet-subkul'tury fan fiction [Lexical innovations shared value of "text" in speech practices of Russian Internet subculture fan of fiction] // Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. The theory and practice]. 2013. N 10 (28) (in Russian).

Kirillova N.B. Koncept postmoderna kak javlenie kul'turnogo polifonizma [The Concept of postmodernism as a cultural phenomenon polyfoniska] // Privolzhskij nauchnyj vestnik [Privolzhsky scientific journal]. 2013. N 11 (27) (in Russian).

Korobko M.A. Kanon i fanon: sootnoshenie avtorskoj i kollektivnoj kartin mira v hudozhestvennom proizvedenii [Canon and Fanon: the ratio of copyright and collective worldviews in a work of art] // Jazyki. Kul'tury. Jetnosy. Formirovanie jazykovoj kartiny mira: filologicheskij i metodicheskij aspekty [Languages. Culture. Ethnic groups. The formation of the language picture of the world: philological and methodological aspects]. 2015. T. 1. N 1 (in Russian).

Kroz M.V., Ratinova N.A. Psiholingvisticheskaja jekspertiza smyslovoj napravlenosti jekstremistskih materialov [Psycholinguistic examination of the semantic focus of extremist materials] // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii [The Bulletin of Academy of Prosecutor General of the Russian Federation]. 2007. N 2 (in Russian).

Lapunin M.M., Gordeev N.S. Protivodejstvie rasprostraneniu jekstremistskih materialov religioznogo sodержanija: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty [Countering the spread of extremist religious materials: criminal law and criminological aspects] // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' [The right. Legislation. Personality]. 2014. N 1 (18) (in Russian).

Larionova N.S. Uvlechenie fanfikshn kak forma jeskapizma sovremennoj molodjozhi [The hobby fanfics as a form of escapism of modern youth] // Sovremennye issledovaniya social'nyh problem [Modern research of social problems]. 2011. T. 8. N 4 (in Russian).

Luneev V.V. Rossijskij jekstremizm: politika i realii [Russian extremism: politics and realities] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava [The Criminological Magazine of the Baikal State University of Economics and law]. 2009. N 2 (in Russian).

Popova S.N. Gipertekstovye harakteristiki proizvedenij fanfikshn [Hypertext features works by fanfics] // Voprosy prikladnoj lingvistiki [Questions of applied linguistics]. 2009 (a). N 1 (in Russian).

Popova S.N. Lingvistika fanfikshn. Avtoref. diss. ... kandidata filologicheskikh nauk [Linguistic stylistics, fanfics. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of philological Sciences]. M., 2009 (b) (in Russian).

Prasolova K.A. Fanfikshn: literaturnyj fenomen konca XX – nachala XXI veka: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [And fanfics: literary phenomenon of the late XX – the beginning of the century the Kyiv art Insitute. Abstract of Diss. on competition of a academic step. candidate of philological Sciences]. Kaliningrad, 2009 (in Russian).

Samutina N. Velikie chitatel'nicy: fanfikshn kak forma literaturnogo [The great female readers: fanfics as a form of literary experience] // Sociologicheskoe obozrenie [Sociological review]. 2013. T. 12. N 3 (in Russian).

Savinov L.V., Dorozhinskaja E.A., Sigarev A.V. Jekspertiza spornykh informacionnyh (jekstremistskih) materialov: metodologicheskie i pravovye problem [Examination of the controversial information (extremist) materials: methodological and legal problems] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava [The criminological magazine of the Baikal state University of Economics and law]. 2015. T. 9. N 2 (in Russian).

Solodovnikov M.V. Cenzura kak mehanizm social'nogo kontrolja: sociologicheskij analiz: Diss. ... kand. social. nauk [Censorship as a mechanism of social

control: a sociological analysis. Diss. on competition. academic step. the candidate of sociological Sciences]. M., 2011 (in Russian).

Sultanov A.R. Cenzurnoe proshloe i sovremennaja karatel'naja cenzura religioznyh uchenij [Past modern Censorship and punitive censorship of religious teachings] // Advokat [The lawyer]. 2012. N 7 (in Russian).

Sultanov A.R. Priznanie jekstremistskim materialom smyslovogo perevoda Korana i voprosy dolzhnoj pravovoj procedury [Recognition of extremist material semantic translation of the Qur'an and the issues of due process of law] // Advokat [The lawyer]. 2013. N 11 (in Russian).

Timoshenko E.K. Fanfikshn soobshhestva poklonnikov jepopei o Garri Pottere kak diskurs [Fanfix community of fans of the epic Harry Potter as the discourse] // Stephanos. 2015. N 6 (14) (in Russian).

Timoshhuk A.S., Fil'kin K.N. Kazus suda nad Bhagavat-Gitoj Svami Prabhupady: genezis, analiz, reakcija obshhestvennosti i media [The court case over the Bhagavad Gita Swami Prabhupada: Genesis, analysis, reaction of the public and media] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija [The Bulletin of Tomsk state University. History]. 2013. N 4 (24) (in Russian).

Zol'nikova Ju. Fanfik i original: sopostavitel'nyj analiz [Fanfic and original: a comparative analysis] // Sopostavitel'nye issledovanija [A comparative study]. M., 2016 (in Russian).

М.В. Аверина, докт. культурологии, канд. социол. наук, доц., доц. кафедры культурологии, социокультурной антропологии и социальных коммуникаций Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОСТИ: ВОЗДЕЙСТВИЕ МИГРАЦИИ И СПОРТА

Averina Marina Vladimirovna, doctor in cultural anthropology, PhD in sociology, associate professor, associate professor of the chair of culturology, sociocultural anthropology and social communications of Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism (SCOLIPE), e-mail: kafedra_311@mail.ru

SOCIOCULTURAL DYNAMIC OF MODERNITY: INTERACTION AND IMPACT OF MIGRATION AND SPORTS

Статья посвящена анализу движущих факторов социокультурной динамики современности, в качестве одного из которых исследуется миграция и ее последствия. Современная волна гигантского потока беженцев из стран Ближнего Востока, преимущественно исламского вероисповедания, обрушилась на спокойную и обеспеченную Западную Европу, являющуюся объектом их устремлений. Страны Западной Европы, приоритетно ориентирующиеся на светские ценности, кардинально далеки от привычного мира мигрантов, что обостряет для последних проблему переходного периода. В качестве одного из путей эффективной инкультурации мигрантов в европейское сообщество обсуждается задействование сферы спорта. Попытка использовать спорт как элемент культурной инноватики предпринималась неоднократно, что свидетельствует о его творческом потенциале. Разнообразные течения, такие как тейлоризм, футуризм (европейский и русский), фашизм, советская “антропомаксимология”, функционализм и идеологическое движение технократов активно эксплуатировали символы, образы, черты и идеи спорта. Сфера спорта выступает как пространство возможностей для тренировки, проигрывания и выработки моделей поведения, как для конкретных индивидов, так и для отдельных социальных групп и даже целых государств, с их последующим переносом с определенной долей успешности в реальную жизнь.

Ключевые слова: миграция, спорт, социокультурная динамика, культурная инноватика, инкультурация, аккультурация, олимпийские игры, спорт в арабских странах, спортивные практики исламского мира, европейские спортивные ценности.

This article analyzes the driving factors of socio-cultural dynamics of modernity, as one of which examines migration and its consequences. Recent wave

* **Аверина Марина Владимировна**, e-mail: m-averina@list.ru, kafedra_311@mail.ru

of refugees' giant stream from the Middle East, mainly Islamic religion, hit the quiet and secured Western Europe that was the object of their aspirations. The countries of Western Europe priority oriented on secular values are radically far from the familiar world of migrants, which exacerbates for the latter a problem of transitional period.

Active participation in various forms of sports interaction and success achievement in this field is proposed and grounded in the article as the optimal way of effective inculturation of migrants in the European community. The attempt to use sport as an element of cultural innovation has been made repeatedly which shows its creative potential. Various tendencies, such as Taylorism, futurism (Russian and European), fascism, Soviet "anthroposociology", functionalism and ideological movement of technocrats actively exploited symbols, images, features and ideas of sport. The field of sport acts as a space of opportunities for exercise, playback and development of behavior patterns as for specific individuals and for certain social groups with the subsequent carrying over to real life with a certain degree of success.

Keywords: *migration, sports, socio-cultural dynamics, cultural innovation, inculturation, acculturation, Olympic Games, sports in Arab countries, sports practice of the Islamic world, European sports values.*

Некоторые аспекты социокультурной динамики современности

Современному социуму присущи перманентные крупномасштабные преобразования, влекущие трансформацию социальных институтов, изменение количества и видов социокультурной деятельности, уровней социально-групповой дифференциации и т.п. Ярко проявляются качественные изменения, выражающиеся в смене общепризнанных авторитетов, устойчивых ориентиров, долговременных детерминант порядка.

Одним из факторов, провоцирующих ускорение социокультурной динамики, можно назвать "великое переселение народов" — перемещение огромного потока беженцев из стран Ближнего Востока и Африки, охваченных военными действиями, в спокойную и обеспеченную Западную Европу, что повлекло целый ряд изменений, затронувших многие уровни функционирования социума.

В связи с массовыми миграциями буквально автоматически запускаются процессы инкультурации и аккультурации, становящиеся предметом исследований. В ближайшей истории XX в. было как минимум два "цунами" таких переселений, что предоставило прекрасные возможности их изучения¹.

¹ Не говоря о "мелких волнах": любая гражданская война становилась причиной увеличения числа беженцев в Европе, будь то гражданская война в России в начале XX в. или югославская война в 1990-е.

В частности, 20–30-е гг. XX столетия стали пиком массовых переселенческих миграций выходцев из Европы в Америку в поисках лучшей жизни благодаря расширению торговли, рынка, экономических отношений. Р.Э. Парк, изучавший в данном контексте возникновение городов-метрополисов как “плавильных котлов рас и культур”², пришел в том числе и к такому выводу, что “миграции европейцев привели к формированию новых отношений между различными народами и слиянию культур”³. Личность нового типа, формирующую эти отношения, умеющую существовать в двух культурах одновременно, находить в себе тождество и с элементами культуры большинства, и с элементами собственной культуры-субстрата, Р.Э. Парк обозначил термином “маргинал”. По его мнению: “Такой человек неизбежно становится (в сравнении с непосредственно окружающей его культурной средой) индивидом с более широким горизонтом, более утонченным интеллектом, более независимыми и рациональными взглядами”⁴.

В 60–70-е гг. того же столетия страны Западной Европы также претерпели массовую миграцию, но, в отличие от США, преимущественно трудовую, имевшую два направления: первое — миграция из деревни в город, в связи с этим возникли проблемы адаптации сельского населения к городской среде; второе — миграция “гостевых” рабочих из стран “третьего мира” (африканцы во Франции), которые оказались заняты полуквалифицированным и неквалифицированным трудом, зачастую опасным и мало оплачиваемым. “Проблемы этого вида миграции подразумевали наличие языкового барьера (либо знание языка на уровне владения существительными, местоимениями и инфинитивами), добровольную культурную самоизоляцию мигрантов, загрязнение окружающей среды, трудности усвоения производственных, культурных и бытовых норм, активность в сфере правонарушений”⁵.

Объективный контекст этого временного интервала не позволил мигранту (как обобщенному совокупному субъекту) выступить в качестве носителя инновационного компонента с повторением предыдущей истории. Конкретика социокультурной действительности привела его к массовой *«потере статуса вследствие неинтегрированности индивидов в определенные структуры* (как в силу социальных, так и биологических причин), что выразилось в не

² Park R.E. Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. XXXIII. N 6. P. 882–893.

³ Цит. по: Артановский С.Н. Проблема “личности на рубеже культур” // Вопросы философии. 1967. № 7. С. 173.

⁴ Цит. по: Баньковская С.П. Роберт Парк // Современная американская социология. М., 1994. С. 11.

⁵ Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996. С. 31.

участии в производственном процессе, не выполнении общественных функций, не обладании социальным статусом и существовании на средства, которые “либо добываются в обход общепринятых установлений, либо предоставляются из общественных фондов — во имя политической стабильности — имущими классами”»⁶.

Третья современная волна гигантского потока беженцев из стран Ближнего Востока в 2010-х гг. обусловлена, приоритетно, военными действиями в этом регионе. Ситуация привела к реальному бегству от войны определенного контингента людей в силу разразившейся гуманитарной катастрофы и невозможности нормальной мирной жизнедеятельности. Для других мигрантов⁷, перемещающихся вместе с ними, это попытка сменить дискомфортное (политическое? экономическое? социальное?) существование на достойные условия жизни, сложившиеся в благополучных странах Западной Европы. Основная масса мигрантов исповедует ислам⁸, что можно обозначить в качестве характерной особенности этой волны переселенцев.

Анализ предоставляемой журналистами из разных СМИ информации, подкрепленной визуальным рядом с места событий, позволяет выделить определенную специфику беженцев этой волны миграции:

— внешнее благополучие (наличие новых айфонов и ноутбуков, возможность посещать модные парикмахерские, сдавать вещи в дорогие химчистки);

— уверенность в себе и совершенное равнодушие к очарованию старинных христианских городков;

— требование халяльной еды, запрета во многих школьных столовых свиных сосисок, колбасы, паштета, запрета для своих детей посещения уроков плавания в школах, открытия в бассейнах специальных отделений для купания в одежде;

— агрессивное возмущение поведением пожилых европейек, гуляющих по улицам вечером без сопровождения и общающихся с молодыми мужчинами; внешним видом молодых женщин в открытой одежде; запрет девочкам-школьницам ходить в мини-юбках и шортах;

— активное нежелание перенимать даже элементарные правила поведения, в частности, разбрасывание пластиковых пакетов, бутылок, окурков, остатков еды после приема пищи целыми семьями в парках на траве и презрение к городским уборщикам, кото-

⁶ На изломах социальной структуры // Рук. авт. колл. А.А. Галкин. М., 1987. С. 207.

⁷ Жители Эритреи, Сомали, Нигерии и других неблагополучных африканских стран бегут от военных, пиратов или просто бандитов.

⁸ Хотя в Нигерии, Эритрее и Сирии есть и христиане.

рые вынуждены подбирать за ними этот мусор, прецеденты мытья мужчин в фонтанах, неумение пользоваться туалетами и т.п.”⁹.

Достоинства и недостатки оперативной информации как научного источника являются предметом дискуссии, это следует обозначить. Тем не менее, достаточно рельефно вырисовывается абрис анализируемой проблемы.

Еще исследования Р.Э. Парка и его учеников показали, что “период переезда, перехода к принятию новых культурных традиций, социальных и моральных норм воспринимается и рассматривается как кризис: чувство дихотомии и конфликта, когда старые привычки отброшены, а новые еще не сформировались”¹⁰, и требуется определенный переходный период.

Какие предполагаемые пути инкультурации можно выделить в существующих условиях? В авторской интерпретации выстраиваются следующие варианты:

- естественная мягкая инкультурация прибывающих мигрантов за счет безоговорочного принятия традиционных европейских ценностей;

- образование новых диаспор или вхождение в существующие в качестве переходной формы социализации и бытование в культуре большинства как повторение ситуации предыдущей волны (1960–1970-х гг.);

- преобладание жесткой аккультурации с акцентом на исламскую составляющую;

- культурная инноватика в контексте влияния глобализационных процессов на пути инкультурации.

Не обсуждая три первых пункта, поскольку это не входит в рамки данной работы, акцентируем внимание на четвертом. Именно в его контексте возможна, в частности, интерпретация покупок (хотя и нелегитимных) и активного использования айфонов и ноутбуков мигрантами этой волны в Европе как процесса присоединения и освоения индивидами норм преимущественно современной культуры потребления и ориентации в сфере IT-технологий.

В рамках культурной инноватики представляется обоснованным активное задействование спортивных практик, участие в различных формах спортивного взаимодействия и достижение успехов на этом поприще, что продуктивно рассматривать как инструмент эффективной инкультурации в европейское сообщество.

⁹ Асламова Д. Светопредставление в Старом Свете: Европу захлестнули полчища алчных мигрантов. URL: http://best.kp.ru/msk/europe_migrants/ (дата обращения: 06.03.2016).

¹⁰ Park R.E. Human migration and the marginal man. P. 882–893.

Попытка использовать спорт как элемент инноватики предпринимался неоднократно, что свидетельствует о его творческом потенциале.

Разнообразные течения, такие как тейлоризм, футуризм (европейский и русский), фашизм, советская “антропомаксимология”, функционализм и идеологическое движение технократов активно эксплуатировали:

— такие черты спорта, как количественное измерение, соперничество и секундомер для создания новой формы научной человеческой технологии в промышленном труде;

— такие символы спорта, как автогонки для будущего направленного отношения человека ко времени и прогрессу;

— такие образы спорта, как образы здоровья, культуры и молодости для своих спортивных программ;

— такие идеи спорта, как совершенствование человека на физическом, биологическом и психическом уровнях”¹¹.

Не следует забывать, и современная история это лишний раз продемонстрировала на примере Олимпийских игр в Рио-де-Жанейро в связи с допинговым скандалом уличенных российских спортсменов, об активном использовании потенциала спорта как инструмента политического противостояния. С одной стороны, осуществляется перенос образа идеологического врага на игроков и болельщиков команды соперника, что является важнейшим механизмом глобального манипулирования, с другой стороны, победы в спорте и особенно на Олимпиаде рассматриваются как средство демонстрации политической мощи страны, что “впервые в современной истории было использовано Гитлером при проведении олимпиады 1936 г., затем, по мнению зарубежного сообщества (Америки, Великобритании, Канады, наиболее активно выступивших за отстранение российских спортсменов от участия в Олимпиаде в Рио в связи с подтвержденными положительными допинг-пробами в Сочи, Лондоне, Пекине), использовано В.В. Путиным при проведении Олимпиады в Сочи в 2014 г.”¹².

В качестве наиболее аргументированного свидетельства приобретения спортом современности масштабов планетарного явления, влияющего на социокультурную динамику цивилизации, можно привести футбол как игру, объединяющую нации, расы, вероисповедания.

¹¹ Айхберг Х. Социальное конструирование времени и пространства как возвращение социологии к философии // Логос. 2006. № 3 (54).

¹² Матвейчев О. Под покровом Олимпиады. URL: <http://izvestia.ru/news/625148#ixzz4GMX6IAtk> (дата обращения: 10.08.2016).

Спорт как один из значимых факторов социокультурной динамики современности

Согласно модели М. Вебера “микрокосм современного спорта содержит характеристики макрокосма современного общества: секулярность, равенство, специализацию, рационализм, бюрократическую организацию, квантификацию. Совокупность этих характеристик и присущая спорту в большей степени, чем остальному порядку социального, погоня за рекордами, независимо и систематически связывают элементы идеального типа современного общества”¹³.

Включенность в занятия спортом формирует определенные изменения индивидуальной культуры, что продуцирует влияние на социум и влечет появление новых форм человеческого бытия. Разработанная Х. Айхбергом «непаноптическая структура новой пространственной организации спорта: “достижение результатов — ускорение времени — стандартизация пространства (или его расширение)”», явилась одной из креативных моделей, заявивших о потенциале спорта как значимом факторе социокультурной динамики»¹⁴.

Появление в 1970-х гг. так называемых “новых игр” (в современности более известных как экстремальные виды спорта) было обусловлено «привнесением новой организации времени, повлекшей за собой ряд существенных трансформаций:

- в области архитектуры началась резкая критика функционализма строений, что привело к экспериментированию, как в обычной архитектуре, так и в спортивных сооружениях (лишенных центра пространства танцевальных залов и залов для игр и занятий спортом);

- новые направления спортивной активности (бег трусцой, скейт-борд, роликовые коньки, альпинизм и др.) вторглись на территорию городов, с использованием наземного, подземного и воздушного пространства (внутреннего устройства фабрик или внешних фасадов офисных башен);

- возникли новые виды деятельности — граффити на стенах, компьютерные “бродилки”, туристическое движение в Америке и странах Северной Европы, специальные курсы или игры “на выживание” в лесах (там же);

- синдром скорости и ускорения — “дромократия” — сводил среду к мелькающей панораме, что стало причиной серьезных

¹³ Цит. по: Гуттман А. Капитализм, протестантизм и современный спорт // Логос. 2013. № 5 (95). С. 28.

¹⁴ Айхберг Х. Указ. соч. С. 76–90.

проблем в экологии (Schivelbusch, 1977; Virilio, 1977, 1978; Sachs, 1984; Eichberg, 1987)»¹⁵.

Руководствуясь своей моделью и опираясь на мнение Л. Мамфорда и М. Фуко, Х. Айхберг сформулировал предположение, что «значимым результатом кризиса “пирамидальной” модели и социума и спорта, проявившимся в 1970-80-х годах, явились революции 1989 года в Восточной Европе и падение политико-бюрократических иерархий. Данный процесс, по его мнению, вполне смог обозначить переход к иным пространственным (и временным) особенностям новой культуры движения — “фрактальной” и “лабиринтообразной” моделям социальности. “И не являются ли... новые пространства лабиринта отражением нового сценария транссовременности?”»¹⁶.

В свою очередь, развернувшиеся процессы глобализации, экспансия массовой культуры, беспрецедентное влияние масс-медиа, формирование тенденции тотальной визуализации социокультурных событий способствовали:

— «формированию новой организационной структуры мирового спорта (МОК, ФИФА и др.), что спродуцировало культурный трансфер в глобальных масштабах, когда реципиенты принимают некие фрагменты “чужого” импорта, перерабатывают их и объединяют с “собственной” культурой, чтобы в целом прийти к чему-то новому, изменяющему традиции (Tenbruck, 1992; Burke, 2000)»¹⁷;

— «созданию и использованию конструкторов и репрезентантов спорта во “внеспортивных” социокультурных практиках: в массовых коммуникациях, политике, бизнесе, искусстве, образовании, шоу-индустрии»¹⁸;

— использованию сферы спорта как пространства возможностей для тренировки, проигрывания и выработки моделей поведения, как для конкретных индивидов, так и для отдельных социальных групп, и даже целых государств с последующим переносом с определенной долей успешности в реальную жизнь;

— «формированию “видимости” для системы медиа незаметных стран, неизвестных спортсменов в рамках визуализации спортивных событий, что способствовало реализации их стремления обозначить себя и включить свои государства во “всеобщий” порядок»¹⁹.

¹⁵ Айхберг Х. Указ. соч.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Айзенберг К. Открытие спорта современной исторической наукой // Логос. 2009. № 6 (73). С. 82–98.

¹⁸ Быховская И.М. Спорт в современном мире: социокультурный анализ и социальная практика // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований: Сб. ст. / Под ред. И.М. Быховской. М., 2010. С. 616.

¹⁹ Зверева В. Телевизионный спорт // Логос. 2006. № 3.

Э. Франке в работе “Современный спорт — религия рубежа тысячелетий?” указывает, что «медиатрансляция сулит сопричастность живым спортивным событиям, с помощью особого реконструирующего языка порождает мифы и создает смысловые предпосылки для связывания людей в сообщество “адептов спорта”»²⁰.

Философы и социологи, изучающие спорт, все больше склоняются к трактовке этого пространства как «своеобразной “естественной” лаборатории телесно-культурной активности, на материале которой можно анализировать свойства социальных отношений, таких, как конкуренция и кооперация, конфликт и гармония, солидарность и исключение, выступающих в качестве базовых характеристик действия в современных обществах, которые в других контекстах обычно предстают в качестве взаимоисключающих»²¹.

Идея ювенализации современного социума зародилась в сфере спорта благодаря появлению и активному внедрению фитнеса в обычную жизнь десятков тысяч людей. Именно фитнес запустил телесно-культурную активность избавления от дряхлости, культивирования подтянутого спортивного тела, что косвенно способствовало активному распространению пластической хирургии, изменению стандартов поведения взрослой части социума, желающей продлить ощущения молодости посредством следования молодежным формам жизнедеятельности.

Матч женской египетской сборной по пляжному волейболу на Олимпиаде в Рио-де-Жанейро—2016 против своих соперниц из Германии вызвал своеобразный информационный и культурный шок, обусловленный контрастом формы участниц. “Египтянки Доаа Эль-Гобаши и Нада Меавад (Doaa El-Ghobashy and Nada Meawad) выступали в буркини (впервые в истории современных Олимпиад) в отличие от немок Лауры Людвиг и Кире Валкенхорст (Laura Ludwig and Kira Walkenhorst), одетых в традиционный для этой игры костюм — бикини”²². Резонансные события не заставили себя долго ждать. В российском медийном поле резко актуализировалось обсуждение проблемы женского обрезания. «Муфтий Координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаил Бердиев заявил журналистам, что “надо всех женщин обрезать, чтобы

²⁰ Franke E. Der moderne Sport — die zeitgemäße Religion der Jahrtausendwende. Berlin, 2006.

²¹ Dunning E. Vorwort // Elias N., Dunning E. Sport und Spannung im Prozess der Zivilisation. Frankfurt a/M., 2003. S.18.

²² Cady Lang Egyptian women’s volleyball team competed in hijab for their first Olympic game. URL: <http://time.com/4443905/rio-olympics-2016-volleyball> (accessed: 10.08.2016).

разврата не было на Земле, чтобы сексуальность уменьшилась»²³. Следует уточнить, что реакция муфтия формально была ответом на публикацию доклада правозащитной организации “Правовая инициатива”, содержащего данные о распространении практики обрезания малолетних девочек в ряде районов Дагестана²⁴.

Однако (не только на наш взгляд) мероприятие такого масштаба, как Олимпиада (не обсуждая другие аналогичные по уровню статусности), во много крат усиливает социокультурный резонанс составляющего его событийного ряда и может “провоцировать акторов принимать решения и действовать в направлении *соединения конкурирующих и противоборствующих систем* (зачастую при отсутствии общего языка) в сложные целостности”²⁵.

Учитывая данное мнение и ориентируясь на авторскую сферу исследования с уверенностью можно утверждать, что спорт с его соответствующим эпохе функционалом прочно вошел в общий порядок современного социума, стал частью культуры, как “онтической необходимости сути человека”²⁶ и оказывает существенное влияние на социокультурную динамику цивилизации.

Анализ возможных направлений влияния привносимых мигрантами спортивных практик исламского мира на европейские спортивные ценности и привычки

Современный спорт как явление — продукт культурного импорта из Великобритании, распространению которого изначально активно способствовали международные элиты. “Благодаря тому, что их лояльности и идентичности были укоренены не в национальных государствах, а между ними, произошло тиражирование единого глобального образа современного спорта”²⁷.

Если говорить о спорте высших достижений, то представители арабских государств, решившие принимать участие в Олимпийских играх, автоматически были вынуждены соревноваться по тем правилам и в тех видах спорта, которые были заявлены в рамках западной модели: с обязательным измерением спортивных достижений по системе “сантиметр — грамм — секунда”, наличием бюрократических систем управления спортом, специализации и т.п.

²³ Тязлов И., Туманов Г., Сабитова А. О всеобщем женском обрезании муфтий сказал “просто так”. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3065877> (дата обращения: 17.08.2016).

²⁴ Там же.

²⁵ Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009. С. 58—59.

²⁶ Plessner H. Die Stufen des Organischen und der Mensch // Gesammelte Schriften. Frankfurt a/ M., 1981.

²⁷ Айзенберг К. Указ. соч. С. 82—98.

Возникновение Панарабских и позже Женских Исламских игр — ярко выраженная попытка переработки “чужого” импорта и объединения с “собственной” культурой. И те и другие Игры изначально задекларировали приоритет упрочения культурного единства между арабскими народами и укрепления исламской идентичности, чем обозначили свое отличие от Олимпийских игр (философии олимпизма и универсализма), что воплотилось в соблюдении особенностей поведения в соответствии с исламскими критериями и ценностями.

Ценности исламской культуры, проецируемые на занятия спортом, сравнительно жестко привязаны к трактовке текстов Корана. Так, например: «Пророк (мир ему и благословение Аллаха) сказал: “Любое действие, отвлекающее верующего от поклонения Аллаху, является пустой тратой времени, за исключением четырех занятий: *стрельбы по мишеням, езды на лошади, игр с семьей и обучения плаванию* (ат-Табарани)”»²⁸.

Кроме перечисленных к дозволенным Шариатом видам спорта с условием, что “они не являются средством заработка, относятся футбол, теннис, гольф, волейбол, баскетбол, бадминтон, гандбол и другие виды спорта, связанные с мячом, а также бег и единоборства. В принципе, большинство видов спорта дозволены Исламом, а некоторые даже поощряются, так как они *пригодны для войны с противником*, к которой мусульмане должны быть всегда готовы”²⁹.

И естественно, в соответствии с Кораном, много ограничений для женщин, желающих заниматься спортом. “Ислам запрещает женщинам состязаться в тех видах спорта, где открывается аврат³⁰, поскольку влечет пробуждение страстей, провоцирующих смуты и падение нравов в обществе. Поэтому Шариат запрещает синхронное плавание с участием девушек и музыкальным сопровождением; также является запретной борьба между девушками или между мужчинами и женщинами. Однако бесконтактные виды борьбы, такие как каратэ, кунг-фу, доступны для изучения девушками, поскольку могут пригодиться для самообороны, но с условием закрытия аврата”³¹.

И еще немаловажное уточнение в рамках соответствия Корану касается проблемы дозволенности-недозволенности приза как результата участия в соревновании. «Имам Ибн Къудама сказал:

²⁸ Спорт в Исламе // Ислам. 2009. № 21 (01). URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43592> (дата обращения: 31.01.2016).

²⁹ Там же.

³⁰ Часть тела, которую мусульмане обязаны прикрывать перед другими людьми. Для женщин авратом считается все тело, кроме овала лица и кистей рук.

³¹ Спорт в Исламе...

“Соревнования без приза дозволены в общей форме, без каких-либо конкретизаций... А что касается соревнования за приз, то это не дозволено, кроме как за соревнования на верблюдах и лошадях, а также за стрельбу из лука” (аль-Мугъни 1/127)»³².

Анализ специфики исламского влияния при проведении конкретно Женских Исламских игр показал приоритетность «“соблюдения исламских правил в одежде”, присутствия на самих соревнованиях только женщин, вплоть до представителей международной прессы и операторов телевизионных репортажей»³³.

Что касается правил проведения соревнований, перечня спортивных дисциплин (хотя включались и не олимпийские), заявленных в играх, возможности участия спортсменок-немусульманок (в Женских Исламских Играх, да — с соблюдением дресс-кода, но немусульманок)³⁴, создания условий для демонстрации местных рекордов из-за отсутствия основных мировых конкурентов (в Панарабских Играх), получения медалей и престижной реализации в спорте с целью социального лифтинга как отдельных спортсменов, так и стран в региональном контексте, практически все встраивалось в рамки европейской модели спортивных ценностей.

Не следует забывать, что значимость спорта как социального явления, как части культуры не ограничивается его восприятием только как пространства высших достижений, спорт выступает и как доступный продукт для массового потребления: как зрелище, как досуг, как средство поддержания здорового образа жизни.

Возможно, в этом сегменте с его приближенностью к реальности и большей доступностью фиксация и анализ спортивных практик мигрантов, прибывших в Европу, позволят более адекватно вычленить перенос влияния родной исламской культуры в новую среду обитания и степень воздействия на европейскую спортивную культуру.

Анализ оперативной информации по данным СМИ показал, что у мигрантов (беженцев), прибывших в Европу и ожидающих решения своей легализации в лагерях для беженцев, имеется достаточно свободного времени, которое многие из них могут посвящать занятиям спортом.

Так, Т. Бах, глава Международного олимпийского комитета, во время своего визита в центр размещения беженцев в афинском районе Элеона, принял участие в спортивных соревнованиях:

³² Спорт в Исламе...

³³ Олимпийские игры для исламских женщин: атлетика и мини-футбол в чадре. URL: http://www.ivsporte.ru/page_377.htm (дата обращения: 25.05.2009).

³⁴ Там же.

во время игры в футбол Бах “забил один мяч, а затем, встав в ворота, пропустил два от мальчишек-беженцев”³⁵.

“В кенийском лагере Какума на границе с Южным Суданом, полыхающем в войне, находятся 180 тысяч беженцев, и главное занятие для большинства — спорт. В лагере организовано 160 футбольных команд и 60 баскетбольных”³⁶.

Привлекает внимание информация, что даже «лидер группировки ИГ Абу Бакр Аль-Багдади очень любит футбол. В студенческие годы он много раз играл на позиции нападающего со знакомыми из мечети. “Он был Лионелем Месси нашей команды, просто лучшим”, — вспоминал его давний знакомый Абу Али в интервью The Telegraph. — Примерно то же известно о палаче ИГ Джихади Джоне, который был убит в ноябре 2015 года. Расследование The Washington Post показало, что до отъезда в Сирию он был активным фанатом “Куинз Парк Рейнджерс”»³⁷.

Рассуждать о репрезентативности данных, основанных на информации от оперативных источников в СМИ, для формулировки значимых выводов в рамках научных исследований, как указывалось, не совсем корректно. Однако в ситуации калейдоскопической быстроты смены событий, когда наблюдается значительное временное отставание между произошедшим событием и его научным осмыслением, именно оперативная журналистская информация, на наш взгляд, выступает весомой фактологической базой, априори вынужденной подтверждаться фото- и видеорядом, что является вполне оправданным аргументом для выстраивания промежуточных выводов.

Вероятно, неслучайно Р.Э. Парк, возглавивший исследование культурного эффекта миграционных процессов XX в., изначально был журналистом.

Преимущество современников как раз и выражается в шансе фиксации деталей осуществления процесса и более точной констатации его результатов в конкретный отрезок времени. Применительно к заявленной теме можно сформулировать некоторые

³⁵ Клипин Д. Бах подыграл мигрантам. Как у Олимпиады—2016 в Рио-де-Жанейро появилась большая “европейская” проблема. URL: <http://lenta.ru/articles/2016/01/29/olympicsrefugee> (дата обращения: 29.01.2016).

³⁶ Самбур В. Сборная беженцев на Олимпиаде. История сирийской пловчихи и других беженцев, которые выступают отдельной командой на Олимпиаде—2016. URL: http://sport.rbc.ru/article/268848/?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top15 (дата обращения: 24.03.2016).

³⁷ Воронин В., Киселев Н. Стадионы бомбили, спортсменов убивали. Футбол в Сирии. URL: http://sport.rbc.ru/article/268220/?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top23 (дата обращения: 10.03.2016).

промежуточные выводы о возможных путях исламского влияния на спортивные европейские ценности, которые могут выражаться:

- во внедрении своих (национальных) видов спорта;
- в изменении отношения к женским видам спорта;
- в изменении экипировки в разных видах спорта;
- в изменении поведения на соревнованиях как части спортивной культуры, что несомненно повлияет как на социокультурную динамику сферы спорта, так и на социум в целом.

Промежуточные выводы, естественно, должны подкрепляться конкретными исследованиями для более точной прогностики.

Однако хочется закончить статью одним из умозаключений, сделанных европейскими историками о статусе современного спорта как относительно автономной общественной подсистемы, которая «на основе “встроенных” игровых характеров может функционировать по собственным правилам и в ряде ситуаций демонстрировать иногда непредсказуемую динамику развития (Heinemann, 1984; Gratton, 1998)»³⁸.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айзенберг К. Открытие спорта современной исторической наукой // Логос. 2009. № 6 (73). С. 82–98.

Айхберг Х. Социальное конструирование времени и пространства как возвращение социологии к философии // Логос. 2006. № 3 (54). С. 76–90.

Артановский С.Н. Проблема “личности на рубеже культур” // Вопросы философии. 1967. № 7.

Асламова Д. Светопредставление в Старом Свете: Европу захлестнули полчища алчных мигрантов. URL: http://best.kp.ru/msk/europe_migrants/ (дата обращения: 06.03.2016).

Баньковская С.П. Роберт Парк // Современная американская социология. М., 1994.

Быховская И.М. Спорт в современном мире: социокультурный анализ и социальная практика // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований: Сб. ст. / Под ред. И.М. Быховской. М., 2010.

Воронин В., Киселев Н. Стадионы бомбили, спортсменов убивали. Футбол в Сирии. URL: http://sport.rbc.ru/article/268220/?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top23 (дата обращения: 10.03.2016).

Гуттман А. Капитализм, протестантизм и современный спорт // Логос. 2013. № 5 (95). С. 1–42.

Зверева В. Телевизионный спорт // Логос. 2006. № 3.

Ингхэм Б., Файад Дж. Арабские страны. Обычай и этикет. М., 2009.

Клипин Д. Бах подыграл мигрантам. Как у Олимпиады–2016 в Рио-де-Жанейро появилась большая “европейская” проблема. URL: <http://lenta.ru/articles/2016/01/29/olympicsrefugee> (дата обращения: 29.01.2016).

³⁸ *Айхберг Х.* Указ. соч. С. 76–90.

Кравченко С.А. Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.
Лабиди А. Политико-идеологическая значимость Панарабских игр // Физическое воспитание студентов творческих специальностей. 2005. № 6. С. 26–34.

Матвейчев О. Под покровом Олимпиады. URL: <http://izvestia.ru/news/625148#ixzz4GMX6IAtk> (дата обращения: 10.08.2016).

На изломах социальной структуры / Рук. авт. колл. А.А. Галкин. М., 1987.
Олимпийские игры для исламских женщин: атлетика и мини-футбол в чадре. URL: http://www.ivsporte.ru/page_377.htm (дата обращения: 25.05.2009).

Попова И.П. Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996.

Самбур В. Сборная беженцев на Олимпиаде. История сирийской пловчихи и других беженцев, которые выступят отдельной командой на Олимпиаде–2016. URL: http://sport.rbc.ru/article/268848/?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top15 (дата обращения: 24.03.2016).

Социология спорта. Международные перспективы и глобализация / Под ред. Ф. Оля. М., 2006.

Спорт в Исламе // Ислам. 2009. № 21 (01). URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43592> (дата обращения: 31.01.2016).

Стоунквист Э.В. Маргинальный человек: исследование личности и культурного конфликта // Личность. Культура. Общество. 2006. Т. 8. Вып. 1. С. 9–36.

Тяжлов И., Туманов Г., Сабитова А. О всеобщем женском обрезании муфтий сказал “просто так”. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3065877> (дата обращения: 17.08.2016).

Халед Абу Бакр. О бикини и хиджабах на Олимпиаде. URL: <http://inosmi.ru/social/20160817/237566800.html> (дата обращения: 17.08.2016).

Элиас Н. Генезис спорта как социологическая проблема // Логос. 2006. № 3 (54).

REFERENCES

Ajzenberg K. Otkrytie sporta sovremennoj istoricheskoy naukoy [The discovery of sports by modern historical science] // Logos. 2009. N 6 (73). S. 82–98 (in Russian).

Ajhberg H. Social'noe konstruirovaniye vremeni i prostranstva kak vozvrashheniye sociologii k filosofii [The social construction of time and space as a return of sociology to philosophy] // Logos. 2006. N 3 (54). S. 76–90 (in Russian).

Artanovskij S.N. Problema “lichnosti na rubezhe kul'tur” [The problem of “identity at the turn of cultures”] // Voprosy filosofii [The Questions of Philosophy]. 1967. N 7 (in Russian).

Aslamova D. Svetoprestavlenie v Starom Svete: Evropu zahlestnuli polchishha alchnyh migrantov [Doomsday in the Old World: Europe has been swept by hordes of greedy migrants]. URL: http://best.kp.ru/msk/europe_migrants/ (data obrashheniya: 06.03.2016) (in Russian).

Ban'kovskaja S.P. Robert Park [Robert Park] // Sovremennaja amerikanskaja sociologiya [Contemporary American Sociology]. M., 1994 (in Russian).

Byhovskaja I.M. Sport v sovremennom mire: sociokul'turnyj analiz i social'naja praktika [Sports in the world today: sociocultural analysis and social practice] // Kul'turologija: fundamental'nye osnovanija prikladnyh issledovanij: Sb. st. [Cultural Studies: the Fundamental Basis of Applied Research: Collected Papers] / Pod red. I.M. Byhovskoj [Ed. by I.M. Bykhovskaya]. M., 2010 (in Russian).

Dunning E. Vorwort // Elias N., Dunning E. Sport und Spannung im Prozess der Zivilisation. Frankfurt a/M., 2003.

Franke E. Der moderne Sport – die zeitgemäße Religion der Jahrtausendwende. 2006.

Gratton C. The economic importance of modern sport // Culture, Sport, Society. 1998. N 1 (1). P. 101–117.

Guttman A. Kapitalizm, protestantizm i sovremennyy sport [Capitalism, Protestantism and modern sport] // Logos. 2013. N 5 (95). C. 1–42 (in Russian).

Haled Abu Bakr. O bikini i hidzhabah na Olimpiade [About bikini and hijabs at the Olympics]. URL: <http://inosmi.ru/social/20160817/237566800.html> (data obrashhenija: 17.08.2016) (in Russian).

Inghjem B., Fajad Dzh. Arabskie strany. Obychai i jetiket [Customs & etiquette of Arabia and Gulf states]. M., 2009 (in Russian).

Jelias N. Genezis sporta kak sociologicheskaja problema // Logos. 2006. N 3 (54) (in Russian).

Klipin D. Bah podygral migrantam. Kak u Olimpiady–2016 v Rio-de-Zhaneiro pojavilas' bol'shaja "evropejskaja" problema [Bach played along the migrants. How the Olympics 2016 in Rio de Janeiro gained a big "European" problem]. URL: <http://lenta.ru/articles/2016/01/29/olympicsrefugee> (data obrashhenija: 29.01.2016) (in Russian).

Kravchenko S.A. Riski v nelinejnom globolokal'nom sociume [Risks in the non-linear globolocal society]. M., 2009 (in Russian).

Labidi A. Politiko-ideologicheskaja znachimost' Panarabskih igr [Political and ideological significance of the Pan Arab games] // Fizicheskoe vospitanie studentov tvorcheskikh special'nostej [Physical education of students of creative specialties. Collection of proceedings]. 2005. N 6. S. 26–34 (in Russian).

Lang C. Egyptian women's volleyball team competed in hijab for their first Olympic game. URL: <http://time.com/4443905/rio-olympics-2016-volleyball> (accessed: 10.08.2016).

Matvejchev O. Pod pokrovom Olimpiady [Under cover of the Olympics]. URL: <http://izvestia.ru/news/625148#ixzz4GMX6IAtk> (data obrashhenija: 10.08.2016) (in Russian).

Na izlomah social'noj struktury [On the breaks of social structure] / Ruk. avt. koll. A.A. Galkin [Lead author A.A. Galkin]. M., 1987 (in Russian).

Olimpijskie igry dlja islamskih zhenshhin: atletika i mini-futbol v chadre [Olympic games for Islamic women: track and field athletics and mini-football in a chador]. URL: http://www.ivsporte.ru/page_377.htm (data obrashhenija: 25.05.2009) (in Russian).

Park R.E. Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. XXXIII. N 6. P. 882–893.

Plessner H. Die Stufen des Organischen und der Mensch // Gesammelte Schriften. Frankfurt a/M., 1981.

Popova I.P. Marginal'nost'. Sociologicheskij analiz [The marginality. Sociological analysis]. M., 1996 (in Russian).

Sambur V. Sbornaja bezhencev na Olimpiade. Istorija sirijskoj plovchihi i drugih bezhencev, kotorye vystupjat ot del'noj komandoj na Olimpiade–2016 [Refugee team at the Olympics. The story of Syrian swimmer and other refugees who will participate in the 2016 Olympics as a separate team]. URL: http://sport.rbc.ru/article/268848/?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top15 (data obrashhenija: 24.03.2016) (in Russian).

Sociologija sporta. Mezhdunarodnye perspektivy i globalizacija [Sociology of sport. International perspectives and globalization] / Pod red. F. Olja [Ed. by F. Olya]. M., 2006 (in Russian).

Sport v Islame [Sports in Islam] // Islam. 2009. N 21 (01). URL: <http://www.islam.ru/content/veroeshenie/43592> (data obrashhenija: 31.01.2016) (in Russian).

Stounkvist Je.V. Marginal'nyj chelovek: issledovanie lichnosti i kul'turnogo konflikta [Marginal man: a study of personality and cultural conflict] // Lichnost'. Kul'tura. Obshhestvo [Personality. Culture. Society]. 2006. T. 8. Vyp. 1. S. 9–36 (in Russian).

Tjzhlov I., Tumanov G., Sabitova A. O vseobshhem zhenskom obrezanii muftij skazal "prosto tak" [About overall female circumcision mufti said "just like that"]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3065877> (data obrashhenija: 17.08.2016) (in Russian).

Voronin V., Kiselev N. Stadiony bombili, sportsmenov ubivali. Futbol v Sirii [Stadiums were bombed, athletes were murdered. Football in Syria]. URL: http://sport.rbc.ru/article/268220/?utm_source=gismeteo&utm_medium=news&utm_campaign=gism_top23 (data obrashhenija: 10.03.2016) (in Russian).

Zvereva V. Televizionnyj sport [TV sports] // Logos. 2006. N 3 (in Russian).